

ЭПИДЕМИЯ

КНИГА 1-7

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Автор: Анна Рад

18+

Анна Рад

Эпидемия Z. Книга 1-7

<https://litres.ru/73262364>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>Если вы соскучились по тому первому, леденящему душу сезону Ходячих мертвецов, где каждая ошибка стоит жизни, а мир рушится на глазах Эпидемия Z станет для вас глотком свежего воздуха. Это та же хардкорная борьба за выживание в эпицентре катастрофы, тот же накал и безысходность, поданные с новой, шокирующей силой.</p><p>Добро пожаловать обратно в ад, где каждый день проверка на прочность, а каждый шорох за дверью вопрос жизни и смерти. Ваш новый кошмар уже ждет.</p>

Содержание

Книга 1	6
2	16
3	21
4	26
5	33
6	38
7	45
8	48
9	54
10	57
11	60
12	63
13	68
14	70
15	75
16	79
17	86
18	93
19	96
20	104
21	109
22	115
23	121

24	128
25	133
26	137
27	141
28	152
29	159
30	167
31	171
32	174
33	184
34	188
35	191
36	195
37	197
38	200
39	204
40	211
41	215
42	218
43	223
44	229
45	232
46	236
47	241
48	246
49	251

50	257
51	259
52	262
53	268
54	274
55	279
56	283
57	287
Книга 2	292
2	298
3	302
4	309
5	314
6	319
7	325
8	330
9	333
10	337
11	343
12	349
13	353
Конец ознакомительного фрагмента.	359

Анна Рад

Эпидемия Z. Книга 1-7

Книга 1

1

Норвегия, 7:05 утра

— Эй, Якоб? Кажется, там мёртвый...

Якоб обернулся на Вигго, стоявшего в распахнутой двери охотничьего домика.

— Ага, конечно, — фыркнул он. — Чуть не купился, приятель.

Он снова сосредоточился на своём занятии — выводил имя на снегу. Но из-за того, что он отвернулся, всё пошло наперекосяк, и снега для нового имени уже не хватало.

Да и ладно. Всё равно слишком холодно, чтобы торчать посреди леса с голым «хозяйством» на ветру. Он закончил дело, спрятал его обратно и натянул перчатки.

— Чёрт, сегодня зверски холодно, да? Минус десять, не меньше.

Вигго не ответил.

Якоб направился к домику и удивился, увидев, что друг

всё ещё стоит перед открытой дверью, уставившись внутрь. В его руке был фонарь, дыхание превращалось в пар в ледяном утреннем воздухе. Он выглядел по-настоящему шокированным. Но Якоб знал его слишком хорошо, знал, насколько тот изобретателен.

— Да брось ты уже. Говорю, не куплюсь.

Вигго моргнул и наконец посмотрел на Якоба.

— Я думаю... думаю, он и правда мёртвый. То есть, реально.

Якоб нахмурился.

— О чём ты, вообще?

Вигго показал внутрь домика.

— Мужик там.

Что-то в его лице подсказало Якобу, что это не шутка. Даже Вигго не смог бы сыграть так убедительно.

Якоб выхватил у него фонарь. Его взгляд автоматически упал на пол — именно там он ожидал увидеть мёртвое тело. Но пол был пуст, если не считать куч пыли и сухих листьев. В домике не было мебели, только одно крошечное окно, через которое пробивался слабый утренний свет. Мужик висел на верёвке, привязанной к одной из стропил.

Это был старик, лет семидесяти, высокий и худой. Последнее было легко определить, потому что на нём была только тонкая красная охотничья рубашка и штаны-карго, обнажавшие костлявые плечи и выпирающие коленные чашечки. Кожа была серая, как бетон. Глаза и рот закрыты. Тело мед-

ленно поворачивалось, и верёвка издавала низкий зловещий скрип, который казался невероятно громким в утренней тишине.

— Он и правда мёртв, — снова произнёс Вигго, сглатывая. — Настоящий покойник.

Якоб посмотрел на него.

— Настоящий что?

— Мёртвое тело. Труп.

— Ну я и так вижу. Почему просто не сказать — труп? Вигго покачал головой.

— Не таким я представлял себе начало дня.

Якоб усмехнулся.

— Да нет, так даже круче. Давай, подойдём поближе.

Вигго схватил его за руку. Даже через толстую куртку Якоб почувствовал, как тот сильно сжал пальцы. Его глаза за толстыми очками стали огромными.

— Ты спятил? Это же может быть место преступления. Нам нельзя туда.

— Место преступления? Да ладно, это просто старик, который повесился. Разве это преступление?

— Вообще-то, да. По закону, самоубийство —

— Смотри, он даже записку оставил, — перебил его Якоб, направляя луч света на задний карман брюк, когда тело сделало очередной поворот. Из кармана торчал уголок пожелтевшего смятого листка. — Мы можем прочесть и узнать, почему он это сделал. Тебе не интересно?

Вигго закусил губу.

— Да, но... там наверняка что-то личное. Будем как подглядыватели.

— Ему уже всё равно, поверь, — сказал Якоб и шагнул в домик, прежде чем Вигго успел его остановить.

Едва переступив порог, он слегка оробел. Атмосфера в крошечном деревянном строении была... странной. Как будто он вышел из леса и попал в другое измерение. Воздух был гуще, и стоял слабый, гнилостный запах.

Неужели плоть разлагается? Нет, для этого слишком холодно.

Подняв глаза на висящего, он невольно содрогнулся, надеясь, что Вигго не заметил. Лицо было похоже на восковую маску, его выражение застыло между удивлением и злоеющей усмешкой. Конечно, это ничего не значило. Просто те эмоции, что охватили старика в момент смерти. И всё же выглядело жутко. Медленное вращение заставляло тени ползать по его лицу, создавая ощущение, что его выражение меняется.

Да брось, соберись. Это уже не человек. Это просто... мёртвая плоть.

Якоб заставил себя сделать шаг вперёд. Он потянулся и осторожно вытащил бумажку из кармана. Она была сложена пополам. Якоб развернул записку и увидел короткое послание, написанное старомодным витиеватым почерком. Всего четыре строчки, похожие на тупые стихи, которые они раз-

бирали в школе.

Тот, кто найдёт меня,

Сожги меня.

Сожги дом.

Сожги весь этот проклятый лес.

— Ох, вот это да, — прошептал он, ощутив, как мурашки вновь побежали по спине.

— Что? — спросил Вигго. — Что там?

— Послушай... — Он зачитал предсмертную записку вслух.

И как раз на последнем слове от мёртвеца донёсся звук. Что-то вроде скрипа или стона. Якоб изо всех сил сдержался, чтобы не броситься прочь.

Вигго ахнул.

— Чёрт, что это было?

Якоб направил луч на тело, сердце колотилось так сильно, что в глазах помутнело.

— Это просто верёвка, — выдохнул он. — Она... скрипнула. От того, что он крутится.

Вигго что-то ещё говорил, но Якоб не слышал. Он пристально смотрел на лицо старика, которое вновь поворачивалось к нему.

А он не кажется немного другим? Эта морщина на лбу... она была тут раньше?

Якоб понял, что сходит с ума. Мёртвые не меняют выражения лица. Даже если бы этот парень чудом оказался жив

— а он явно нет — он ещё и промёрз насквозь. Никакие мышцы лица не могли пошевелиться.

Ты ведёшь себя как последняя трусиха, понял? Вспомни про Акселя. Он целыми днями имеет дело с трупами. Он бы тебя сейчас высмеял.

И всё же работать с телами в чистом, ярко освещённом морге больницы, как его старший брат, — это одно. А наткнуться на труп посреди тёмного леса, в километрах от цивилизации, — совсем другое.

— Якоб?

Голос Вигго вернул его к действительности.

Якоб моргнул, глядя на него.

— Что?

— Посмотри. На ту стропилу. Она расщеплена почти на треть.

Якоб последовал за указательным пальцем в перчатке. Балка, к которой была привязана верёвка, действительно была сильно повреждена. Опустив фонарь ниже, Якоб заметил среди пыли щепки.

— Хм. Должно быть, это животное.

Вигго нахмурился.

— Какое животное может так обгрызть дерево?

— Не знаю. Дятел? Бобёр?

Вигго резко вдохнул.

— Ох, чувак... посмотри на его пальцы, Якоб.

Якоб не мог поверить, что не заметил этого раньше. С

пальцами старика было что-то не так. Кончики были белыми и тонкими. С первого взгляда показалось, что это отросшие длинные ногти. Но при свете фонаря стало ясно — это торчащие кости. Кожа и плоть были ободраны.

— Чёрт, — прошептал он. — Так это он повредил балку. Он скрёб её, пока пальцы буквально не сточились до кости.

Вигго переминался с ноги на ногу, глядя то на Якоба, то на покойника.

— Думаешь, он... передумал? Может, пытался подтянуться, но не хватило сил?

Якоб задумался.

— Не-а. Чтобы сделать такие зарубки, понадобились бы часы, если не дни.

— Значит, он сделал это до того, как повесился?

Якоб фыркнул.

— Уж точно не после.

— Это нелогично, Якоб.

— Что нелогично?

Вигго развёл руками.

— Зачем ему это? Если он пришёл сюда, чтобы повеситься, зачем сначала скрести балку?

— Понятия не имею. Может, он был псих. Не в себе.

Вигго снова покачал головой.

— Мне это не нравится, Якоб. Ничего из этого мне не нравится.

— Да брось, не будь тряпкой.

— Я думаю, нам надо вызвать шерифа.

Якоб вздохнул.

— Я же говорил, здесь нет связи. Пока не влезешь на макушку одной из этих сосен, никакого шанса поймать сигнал. И даже если дозвонишься, ты думаешь, Том сюда поедет? Сейчас, — Якоб глянул на часы, — семь утра, суббота и мороз. Ты же его знаешь, он ленивое говно.

— Да ладно, чувак. Я правда думаю, нам надо убираться отсюда. Тут что-то нечисто. Разве ты не чувствуешь?

— Я чувствую только, что начинаю замерзать, пока тут стою. Слушай, мы не можем просто уйти. Надо снять его и отвезти в больницу.

— Что? — голос Вигго стал визгливым. — Ты совсем офигел? А вдруг мы...? Зачем тебе...? — Он явно лихорадочно искал любой аргумент, чтобы отговорить Якоба, и выпалил: — Что твой отец скажет, если мы положим покойника в багажник его машины?

— Завернём в одеяло. Всё будет нормально.

— Но зачем вообще везти его в больницу? Уже слишком поздно.

— Им всё равно надо будет делать вскрытие в морге. Такая процедура. Я знаю, Аксель рассказывал. Так делают всегда, даже с теми, кто погиб в ДТП.

Вигго глубоко вдохнул.

— Слушай, чувак. Я знаю, твой брат устроился на эту работу, но это не значит, что ты вдруг стал специалистом по

обращению с трупами. Я говорю — валим отсюда к чёртовой матери. Поедем обратно в посёлок и оттуда позвоним шерифу.

Пока Вигго говорил, Якоб понял, что уже принял решение. Часть его сама хотела сделать так, как предлагает друг. Но мысль о том, что они побегут в посёлок, как пара трусов, не давала ему покоя. Люди любят посплетничать, и через несколько дней все узнают про мёртвого старика. С другой стороны, история прозвучит куда круче, если в ней будет фигурировать, что Якоб и Вигго привезли тело с собой. Они не только нашли его, но и доставили домой. Почти как герои.

— Слушай, мы так и сделаем, — оборвал его Якоб. — Я его сниму, а ты сходишь к машине за одеялом. Это ответственный поступок.

— Но...

— Просто принеси чёртово одеяло, окей? И перестань быть таким слабаком.

Вигго уже собирался что-то сказать, но тут же замолчал, услышав слово «слабак». Это было волшебное слово. То самое, которым они дразнили друг друга, ещё с тех пор, как научились говорить.

— Ладно, — сквозь зубы сказал Вигго. — Но для протокола: я считаю, что это идиотская идея.

— Принял к сведению, — ответил Якоб, доставая из кармана куртки охотничий нож и раскрывая кожаные ножны. Он точил лезвие только вчера вечером, надеясь, что им по-

лучится освежать оленя.

Ему и в голову не приходило, что нож понадобится, чтобы срезать мёртвеца.

Едва Вигго ушёл, Якоб пожалел, что послал его к машине.

Глядя на висящее тело, в домике вдруг стало тесно. Труп, несмотря на худобу, будто занимал собой всё пространство.

Якоб никогда в жизни не видел мёртвого человека. Животных — сколько угодно, когда они с Акселем ходили на охоту.

Но это совсем другое.

Это был кто-то. Мужчина. С именем. С прошлым. Наверное, с семьёй. Может, даже с детьми. Возможно, это мог бы быть его собственный дед, болтающийся здесь.

Он почувствовал неожиданный укол жалости к этому человеку. Что бы его ни мучило так сильно, что он решил прийти в эту глушь, чтобы покончить со всем, — это вряд ли было что-то приятное.

Соберись, тряпка. Вигго отлучится всего на пару минут. Если он вернётся, а ты всё ещё будешь тут стоять, он поймёт, что ты трусил.

Якоб глубоко вдохнул через нос и сунул фонарь в карман. Тут он осознал промах в своём плане: верёвка висит слишком высоко. Старик был ростом под метр восемьдесят, да ещё и висел на расстоянии вытянутой руки от пола.

Пока Якоб стоял, глядя на верёвку и прикидывая, как быть, тело медленно повернулось, и лицо снова оказалось

перед ним.

Якоб положил руку в перчатке на руку старика и мягко развернул его обратно.

— Так будет проще, если ты на меня не смотришь, — пробормотал он, пытаясь разрядить обстановку. Но его собственный голос выдал, как сильно он напуган. Ноги стали ватными, а под слоями одежды даже выступил пот.

Он огляделся в поисках чего-нибудь, на что можно встать, но ничего не нашёл. Можно было выйти и поискать снаружи, но он знал — и там удачи не будет. Зато верёвка выглядела старой и ненадёжной.

Она очень хлипкая, ей нужен всего один надрез.

Якоб подпрыгнул и махнул ножом, промахнувшись на сантиметр. Подпрыгнул ещё раз, замахнулся увереннее.

Лезвие прошло сквозь волокна почти без усилия. Как будто верёвка только и ждала этого.

Якоб и мёртвец приземлились одновременно. Труп и правда был заморожен насквозь, его суставы не подались ни на миллиметр. Вместо этого тело на мгновение замерло на ногах, как статуя без пьедестала. А затем накренилось в сторону Якоба.

Он вскрикнул и отпрыгнул в сторону. Едва успел увернуться, когда труп ударился головой о стену и сполз на пол.

Якоб уставился на лежащего старика, сердце колотилось в висках.

— Ладно, — выдохнул он, издав нервный смешок. — Лад-

но, всё в порядке. Не очень изящно, но я его снял.

Он на ощупь убрал нож в ножны.

Лежа поперёк домика, старик почти достигал от стены до стены. Якоб не хотел касаться его без крайней необходимости, даже в перчатках. Поэтому он перешагнул через тело, взялся за конец верёвки, всё ещё обмотанной вокруг шеи, и потянул. Верёвка выдержала. Он развернул старика так, чтобы голова смотрела на дверь. Потянув сильнее, он смог протащить тело по деревянному полу.

Домик стоял на небольшом возвышении, и от двери вниз вела ступенька. Якоб остановился, когда лысая голова старика уже выглядывала наружу. Он отпустил верёвку и отступил, выдыхая.

Получилось, — подумал он, усмехаясь. Не так уж и сложно, правда?

Он посмотрел в сторону машины, надеясь увидеть возвращающегося Вигго. Но там были только деревья, кусты и темнота.

Ничего, он вернётся через минуту. Если, конечно... не заблудится.

Якоб тряхнул головой. Вигго не может быть настолько тупым. Они оставили машину меньше чем в километре отсюда, и дорога прямая. Они уже три года приезжают к этой избушке, используя её как ориентир. Этот участок леса им знаком.

И всё же Вигго далеко не так хорошо ориентируется здесь, как Якоб. И он, и Аксель ходили с отцом на охоту с самого

детства. Вигго научился этому только когда Якоб стал брать его с собой. Это было после того, как Аксель устроился на работу и потерял интерес к охоте. Теперь он увлекается только бейсджампингом, чего Якоб понять не мог — он больше всего на свете боялся высоты.

Якоб вытер нос о перчатку. Он взглянул на старика, лежащего на спине, лицом к верхушкам деревьев и чёрному небу. В это время года солнце не появляется до девяти утра. Но здесь всё-таки было немного светлее, чем внутри, и Якоб заметил то, чего раньше не видел: глаза старика были закрыты не до конца. Да и кожа была не совсем серая, как казалось. У неё был зеленоватый оттенок.

Якоб снова достал фонарь. Включив его, он не смог сдержать вскрик.

Старик и правда был зелёным. Под промёрзшей кожей проступали вены, похожие на тонкие тёмные провода.

Чёрт. Он начал разлагаться ещё до того, как замёрз. И что с его глазами?

Якоб наклонился ближе, рассматривая лицо. Оба века были приподняты наполовину. То, что было видно из глазных яблок, было совершенно чёрным. Как будто зрачки расширились и заполнили всё. Или как будто...

Порыв ветра заставил Якоба вздрогнуть и оглянуться. Он был по-прежнему один. В этой части леса нечего было бояться крупных хищников. По крайней мере, зимой. Медведи в спячке, а волков здесь редко увидишь. К тому же у него

было ружьё. Оно стояло прислонённым к стене домика, где он его оставил.

Якоб перешагнул через тело и взял ружьё. Он уже собирался зарядить его, как сзади раздался звук.

Он резко обернулся, ожидая увидеть Вигго. Но никого не было. Кроме мёртвого старика. Якоб присмотрелся к нему. На мгновение ему показалось, что голова старика высунулась чуть дальше. Наверное, она просто съехала из-за наклона. Пол в домике неровный, а раз тело промёрзшее, трение могло...

Хриплый выдох прямо за спиной.

Якоб вскрикнул и крутанулся, наводя ружьё.

Вигго присел, подняв руку. — Воу, это я!

Якоб сглотнул, пытаясь загнать сердце обратно в грудь.

— Господи, чувак. Я чуть не выстрелил. Почему ты с этой стороны?

Вигго выпрямился, поправляя очки на переносице. Под мышкой он держал одеяло.

— Я немного заблудился. Потом заметил домик.

Вигго увидел голову в проёме двери.

— О, ты его снял.

— Конечно, снял, — сказал Якоб, перекидывая ружьё на плечо. Он был рад, что Вигго нервничал даже сильнее его. Это придавало уверенности.

— Давай, заворачивай его.

Тащить тело через лес оказалось проще, чем Якоб думал. Помогал снег, лежащий сантиметров десять, да и путь к машине в основном шёл под уклон.

Они с Вигго держались за углы одеяла, в которое был завёрнут старик, — получились импровизированные носилки.

До старого "УАЗа" и грунтовой дороги они добрались минут за пять.

— Мне это не нравится, — сказал Вигго, пока Якоб открывал заднюю дверь.

— Да, ты уже говорил, — ответил Якоб, наклоняясь к телу. — Давай, помоги закинуть.

— Я про записку, — не двигаясь с места, пояснил Вигго. — Что он там написал-то?

— Что хочет, чтобы его кремировали, — вздохнул Якоб, выпрямляясь. — А что? Разве это важно?

— Нет, не это. Он что-то говорил про то, чтобы сжечь весь лес. С чего бы ему такое писать?

Якоб развёл руками.

— Понятия не имею. Нам не дано знать, что у него в голове творилось. Наверное, депрессия. Ты ожидал, что предсмертная записка будет весёлой?

— Нет, просто... — Вигго прикусил губу. Его дыхание вырывалось из носа белыми клубами. — Это звучало почти как

предупреждение, не находишь? Может, он пытался что-то сказать.

— Например?

— Что нам не стоило тащить его в посёлок. Мы не знаем, может, у него была... какая-нибудь паразитарная болезнь. Может, поэтому он и убил себя. Может, её не вылечить. А что, если она заразная?

Якоб нахмурился.

— Даже если он подцепил что-то, что передаётся другим, сейчас это давно мёртво. Паразиты не живут в мёртвом носителе. И если он хотел предупредить, почему бы не написать прямо? Зачем такие загадки?

Вигго уставился на завёрнутого в одеяло покойника.

— По-моему, послание было предельно ясным.

Якоб глубоко вдохнул.

— Ладно, слушай. Когда закончим, мы сожжём перчатки. И одеяло. Потом позвоним в санэпидстанцию. Пусть придут, осмотрят его. Если есть повод для беспокойства, они нам скажут. Тебя устроит?

Вигго выглядел чуть менее напряжённым.

— Всё равно я считаю, надо было оставить его здесь.

— А я считаю, что если мы сейчас поедem, то ещё успеем вернуться и подстрелить оленя.

Вигго нерешительно снова ухватился за одеяло, и парни подняли тело с земли.

— Блин, какой он тяжёлый! — простонал Вигго.

— Поднимай ногами, а не спиной.

— Я так и делаю!

После нескольких усилий и тяжёлого дыхания им удалось засунуть тело в багажник. Но возникла проблема.

— Он слишком длинный, — пробормотал Якоб, глядя на торчащие ноги. — Если не протолкнуть его вперёд, между передних сидений, то дверь не закроется.

— Ни за что, — твёрдо заявил Вигго. — Я не поеду обратно в посёлок, пока его голова будет плясать на меня.

— Тогда развернём его.

Вигго смотрит на него с недоверием.

— Ты серьёзно? У меня уже спина отваливается.

Они вытащили тело, развернули на сто восемьдесят градусов и снова засунули, на этот раз ногами вперёд.

— Давай, толкай! — кричит Якоб. — Ещё чуть-чуть... Так, достаточно. Идеально.

Вигго отступил, запыхавшись. Якоб снял с плеча ружьё и положил его в багажник рядом с телом, затем бросил туда же и фонарь.

— Ты... что... делаешь? — спросил Вигго, всё ещё переводя дух.

— Собираюсь. Поехали.

— Да, но твоё ружьё... Не думаешь, что нам стоит...? — Он не договорил.

Якоб посмотрел на него.

— Что? Взять в салон? Пока я буду вести? С какой стати?

Вигго покачал головой, бросив взгляд на покойника.

— Не знаю, просто... на всякий случай.

— На какой случай? — усмехнулся Якоб. — Ты же не боишься его, правда? Он уже мёртв, знаешь ли. А мёртвые не кусаются.

— Зомби кусаются. — Вигго тут же смутился, словно слово сорвалось случайно.

Якоб фыркнул.

— Зомби? Чувак, ты просто конченный задрот.

Вигго бросил на него кислый взгляд и пробормотал:

— Я просто говорю, если из-за этого что-то пойдёт не так, виноват будешь ты.

Якоб прислонился к машине, скрестив руки.

— Знаешь что. Если он очнётся и съест наши мозги, пока мы не доедем до посёлка, я принесу тебе извинения. Идёт?

Вигго, кажется, обдумал это.

— К чёрту извинения. Хочу твой мотоцикл.

— Зачем? Если ты будешь мёртв, он тебе всё равно не понадобится.

— Это дело принципа.

— Ладно. — Якоб наклонился к одеялу. — Ты слышал, братан? Лучше оставайся мёртвым, а то я лишусь мотоцикла. — Он шлёпнул по тому месту, где, как он предполагал, был лоб старика, а затем широко ухмыльнулся Вигго.

Вигго покачал головой.

— Ты конченный псих.

— А ты мой сообщник. Поехали.

Они ехали уже минут десять, когда выбрались из леса на трассу.

Вигго нарушил тишину облегчённым вздохом.

— Наконец-то.

— Что? — спросил Якоб.

— Эту тряскую дорогу, — пробормотал Вигго, кивнув в сторону ног покойника, всё ещё укрытых одеялом и лежащих в проходе между сиденьями. — Мне казалось, он всё ближе подползает.

— Да брось ты. Всё ещё боишься? И что, по-твоему, случится? Что он вдруг сядет, как Франкенштейн, и начнёт делать массаж? Слишком много фильмов посмотрелся.

— Книг, — поправил Вигго.

— Чего?

— Я книги читаю.

— Ну, это ещё хуже. Неудивительно, что ты никогда не трахаешься.

Вигго фыркнул.

— Как и ты. — Он достал телефон. — Всё ещё нет связи.

— Не-а, не будет, пока не проедем долину.

Вигго снова вздохнул, расстегнул куртку и снял шерстяную шапку.

— Думал, никогда не согреюсь. Можно печку посильнее?

— Она уже на максимуме.

Якоб пристально смотрел на участок дороги, освещённый фарами. Он по опыту знал, что тёмный холмистый пейзаж по обе стороны не так уж безлюден, как кажется. Северные олени, кабаны и лоси часто пересекают дорогу на рассвете и становятся причиной большего числа аварий, чем пьяные водители и скользкая дорога вместе взятые. Справа приближалось озеро, его поверхность была абсолютно неподвижна, отражая тёмное небо. А впереди, за долиной, тускло светилась посёлок, до которого ещё километров восемь.

— Представляю их лица, когда мы расскажем, — сказал Якоб, почти не осознавая, что говорит вслух.

— Чьи?

— Всех. Арвида, Густава. Думаешь, обалдеют? Может, даже репортаж о нас на местном телевидении снимут.

Вигго приподнял бровь.

— Так вот почему ты хотел сам привезти его? Слава и почёт?

— Нет, придурок. Просто не могу дождаться, когда увижу рожи наших друзей, вот и всё. Не волнуйся, я опущу часть, где ты обосрался.

— Кстати об этом, — пробормотал Вигго, морща нос. — Это от него пахнет?

Якоб понюхал и понял, что тоже чувствует запах. Плохой, гнилостный.

— Да, наверное. Надеюсь, он не продует машину слиш-

ком сильно. Слишком холодно, чтобы открывать окна.

Они проехали ещё минуту. Якоб заметил, что запах усиливается, и они решили открыть окна, несмотря на мороз.

— Уже есть связь? — спросил Якоб, когда они проехали половину долины.

Вигго проверил.

— Да!

— Отлично. Звони Акселю.

— Зачем Акселю?

— Он знает, куда его отвезти. Может, проще будет оставить его прямо в морге, пусть шериф сам приедет и проверит, если захочет.

— Ты уверен, что нам не стоит...

— Можешь просто позвонить моему брату, пожалуйста?

Вигго вздохнул, затем набрал номер.

— Включи громкую связь, — сказал Якоб.

— Думаешь, он вообще в такое время не спит?

— Наверное, нет, но он всегда спит с телефоном рядом.

Телефон пропищал несколько раз. Затем перешёл на автоответчик.

— Чёрт, он не слышит, — пробормотал Якоб. — Эй, Аксель, это я. Позвони, как получишь. Мы кое-что офигенное нашли у старой избушки. Тебе понравится. Позвони.

Вигго завершил звонок.

— Вот почему мы это делаем, — сказал он, убирая телефон в карман.

Якоб на секунду отвел глаза от дороги, чтобы посмотреть на него.

— Что? Почему?

— Ты хочешь произвести впечатление на старшего брата. Это мило.

Якоб фыркнул.

— Отвали. Просто знаю, что он сочтёт это очень крутым.

— Ага, конечно.

— Что это?

— Я сказал: «Ага, конечно».

— Нет, не это. То, что ты сказал ещё.

Вигго посмотрел на него.

— Я больше ничего не говорил.

— Хм. Наверное, ветер. Адский грохот, когда едешь с открытым окном. Кстати, вонь не усиливается?

— Да, почти как будто он... — Вигго замолчал, и Якоб увидел, как тот смотрит на ноги покойника.

— Как будто он что? В чём дело?

Вигго не ответил. Вместо этого он приподнял одеяло, обнажив обе ступни.

В этот момент у Якоба зазвонил телефон.

Он вытащил его из кармана.

— Это Аксель, — сказал он, отвечая. — Привет, братан. Ты встал?

— Теперь да, — ответил брат. Он звучал сонным и раздражённым. — Получил твоё сообщение. Надеюсь, это че-

го-то стоит.

— О, ещё как. Слушай сюда. Мы нашли... — Якоб заметил что-то краем глаза. — Эй, Вигго, что ты делаешь, чувак? Не трогай его...

Вигго держал правый ботинок старика. Двигая его вперёд-назад, он покачивал лодыжку. Затем уставился на Якоба, и в его глазах читалась смесь ужаса, удивления и понимания.

— Кажется, он оттаивает, Якоб.

Аксель что-то сказал, но Якоб не расслышал.

И тут раздался тот самый звук снова. Тот, который Якоб слышал минуту назад, но ошибочно принял за слова Вигго. На этот раз он понял, что он доносится сзади. Это был гор-танный, булькающий звук.

Полсекунды спустя лицо покойника возникло в поле зрения, когда тот сел и рванул одеяло в сторону. Одно веко всё ещё было замёрзшим и закрытым, другой чёрный глаз смотрел прямо на них.

Якоб и Вигго вскрикнули в один голос. Вигго попытался отодвинуться от тела, но его удержал ремень безопасности.

Старик с рычащим стоном потянулся к Вигго, его челюсть отвисла, обнажив ряд жёлтых зубов. Он вцепился ему в плечо и потянул на себя. Затем вгрызся в висок Вигго. Резким движением шеи мёртвец оторвал ему ухо.

Крик Вигго сменился с панического на крик боли, когда он отбивался от тела, которое тут же рванулось за вторым укусом.

— Отстань! Оттащи его от меня!

Якоб почти забыл, что всё ещё ведёт машину. Инстинктивно он схватил старика за воротник, пытаясь оттащить от Вигго, из раны на голове которого хлестала кровь. Рубашка старика была настолько ветхой, что просто порвалась, когда тот навис над Вигго, рыча и пытаясь поймать его размахивающие руки, щёлкая зубами в поисках чего-нибудь, во что можно вцепиться.

— Помогиии! — закричал Вигго. — Помоги, Якоб!

— Бля! — заорал Якоб, в последний момент осознав, что машина выезжает с дороги. Он резко вернул её на полосу.

Резкий манёвр заставил тело кувыркнуться набок, приземлившись наполовину на колени Вигго. Вигго тут же потянулся к пряжке ремня, нажал кнопку и — освободившись — распахнул дверь.

— Нет! Стой!..

Больше Якоб ничего не успел сказать, как Вигго головой вперёд выпрыгнул из машины.

Труп чуть не последовал за ним, но сумел уцепиться за сиденье. Вместо этого он поднялся, повернул шею и устоял прямо на Якоба.

— О чёрт, — услышал Якоб собственный шёпот.

Затем мёртвец перевалился через ручник и вцепился в руку Якоба костлявыми пальцами. Он разинул пасть и уже готов был вонзить жёлтые зубы, когда Якоб сделал единственное, что мог: ударил по тормозу.

«УАЗ» был старой модели и не имел такой современной штуки, как АБС. А значит, колёса заблокировались мгновенно, отправив тело головой вперёд в торпеду с глухим ударом, который спровоцировал срабатывание подушки безопасности. Затем машину закрутило на обледеневшей дороге, её развернуло боком, и она перевернулась.

Якоб вцепился в руль, закричал и почувствовал, как исчезает сила тяжести, когда «УАЗ» полетел кувырком.

Акселю снится лучший сон в жизни.

Он понимает, что это сон, а не явь, потому что в нём он занимается любовью с Фридой.

— Аксель...

Её голос, произносящий его имя, такой сладкий, что у него в животе ёкает. Он улыбается ей во сне.

— Эй, Аксель?

— А? — бормочет он. — Что такое, Фрида?

— Твой брат только что звонил.

Аксель хмурится. Он моргает и открывает глаза. Образ лица Фриды растворяется. Но его сменяет другой, почти такой же. Только этот кажется настоящим.

Она сидит на краю его кровати, её светлые волосы свободно спадают на плечо. На ней футболка Motörhead. Его футболка Motörhead. Она протягивает ему телефон.

— Подумала, может, это что-то важное, раз он звонит так рано.

— Чёрт возьми, ты правда здесь? — выпаливает Аксель, приподнимаясь на локтях.

Фрида сердечно смеётся. Звук такой игривый, что он краснеет.

— Да, полагаю, что да. Если только мы не в «Матрице» или чём-то таком.

— Нет, я просто... эх, мне... кажется, снилось.

— Извини, что разбудила.

— Не, не, всё норм. — Его мозг быстро перестраивается по мере пробуждения. Он откашлялся, надеясь звучать нормально. — Кто, говоришь, звонил?

— Твой брат. Я просто сходила в туалет, а когда вернулась, увидела его имя на экране.

— О. Наверное, ерунда. — Он берёт телефон и кладёт обратно на деревянный ящик, служащий тумбочкой.

— Разве ты не говорил, что он сегодня на охоту ушёл? А вдруг что-то случилось? Не хочешь перезвонить и проверить?

Пока Фрида говорит, Аксель просто смотрит на её губы. Он вспоминает, как она жевала розовую жвачку. Он всё ещё чувствует вкус клубники. И ещё один вкус. Даже более сладкий.

Чёрт возьми. Это и правда случилось.

— Аксель? — спрашивает она, видя, что он не отвечает.

— Ты в порядке?

— Да, конечно, — говорит он, садясь. — Просто... ты отлично выглядишь в этой футболке.

Она хихикает и перебрасывает волосы на другую сторону.

— Да, знаю. Хэви-метал мне к лицу.

Он нежно берёт её за воротник и притягивает для поцелуя.

— М-м-м, — говорит она, заканчивая поцелуй раньше,

чем ему хотелось. — В жизни не так, как в кино. Сначала чистим зубы, потом утренний поцелуй.

— Прости, — фыркает он.

— Серьёзно, не хочешь перезвонить ему? — Она указывает на телефон. — Я бы с ума сошла от волнения, если бы мой младший брат был один в том лесу.

— Ему пятнадцать, уверен, он сам о себе позаботится, — говорит Аксель, но всё равно берёт телефон. — Хм, он оставил сообщение.

— Знаешь что, ты ему перезвони, а я пойду почищу зубы. Договорились?

— Договорились, — говорит он, ухмыляясь, когда она встаёт. Его футболка слишком длинная для неё, почти до колен. Он не может понять, надето ли на ней что-то ещё.

Проводив её взглядом до самой двери, Аксель наконец обращает внимание на телефон. Он звонит на голосовую почту и слушает сообщение от Якоба. Он удивлён, что Якобу вообще удалось поймать сигнал там. Аксель сразу слышит, как взволнован его брат.

«Эй, Аксель, это я. Позвони, как получишь. Мы кое-что офигенное нашли у старой избушки. Тебе понравится. Позвони».

Аксель набирает номер Якоба, гадая, что же он нашёл. Не то чтобы он умирал от любопытства, но Якоб вряд ли стал бы звонить, если бы это не было чем-то необычным, и Аксель не может отрицать, что ему интересно.

Якоб отвечает почти сразу.

— Привет, братан. Ты встал?

— Теперь да, — говорит Аксель, потирая глаз. — Получил твоё сообщение. Надеюсь, оно того стоит.

— О, ещё как. Слушай сюда. Мы нашли... Эй, Вигго, что ты делаешь, чувак? Не трогай его...

Аксель хмурится.

— Трогать кого? Кто там с тобой?

Якоб не отвечает. Аксель понимает, что они едут. Что объясняет наличие связи. Он уже собирается спросить, не возвращаются ли они домой, как в фоне раздаётся голос Вигго. Аксель разбирает только слово «оттаивает».

Затем следует странный рычащий звук. Почти как от животного.

Парни кричат в унисон, и Аксель чуть не роняет телефон.

— Какого чёрта, чувак? Что происходит?

Якоб не отвечает. Аксель понимает, что тот его даже не слушает. Похоже, он уронил телефон. Слышны звуки борьбы. Затем ещё один крик. Аксель не может сказать, кто это, но в нём на этот раз слышна боль.

— Отстань! Оттащи его от меня!

Пронзительный голос похож на Вигго, но трудно понять, слова искажены паникой.

— Помогиии! Помоги, Якоб!

— Бля!

Ещё борьба. Аксель слушает, прижимая телефон к уху,

затаив дыхание. Сквозь всё это он слышит ещё больше хрипов и рычания от того, что бы ни нападало на парней.

Снова голос Якоба:

— Нет! Стой!.. — Затем, пару секунд спустя: — О чёрт.

Визг тормозов, машина резко останавливается. Глухой удар. Затем, на пол-секунды, наступает тишина. Её прерывает сильный грохот, и связь резко обрывается.

Аксель опускает телефон, уставившись в пол. Он чувствует чьё-то присутствие и поворачивает голову — это Фрида.

Она чистит зубы, на губах белая пена.

— Что такое? — спрашивает она, вынимая щётку. — Что-то не так?

— Да, боюсь, что так, — слышит Аксель собственный голос.

Затем он набирает 112.

Всё происходит в замедленной съёмке.

Мир переворачивается с ног на голову. Покойник отрывается от пола, на долю секунды зависает в воздухе, а затем ударяется о потолок, как тряпичная кукла в сушилке. Резкая боль пронзает плечо Якоба — ремень безопасности жёстко удерживает его на месте. Машина приземляется на крышу, лобовое стекло разлетается вдребезги. Мёртвеца вышвыривает наружу. Что-то твёрдое бьёт Якоба по затылку, и у него темнеет в глазах. Мир ещё несколько раз крутится вокруг своей оси, а затем замирает.

Двигатель «УАЗа» глохнет, и внезапно наступает полная тишина.

Якоб моргает, слыша только собственный пульс.

Он висит вниз головой, кровь приливает к черепу, который и без того пульсирует от удара. Руки всё ещё сжимают руль, ноги болтаются в воздухе.

Я в порядке, — думает он, чувствуя головокружение. Я не ранен. Ремень спас мне жизнь.

Где-то раздаётся скребущий звук. То приближается, то удаляется.

Якоб пытается открыть дверь, но она не поддаётся. Вместо этого он нащупывает пряжку ремня. Свалившись на потолок, он охвачен тошнотой и вертиго. Тело кажется в десять

раз тяжелее обычного.

Я теряю сознание. Надо бороться.

Его мысли странно отдалённые. Как будто думает кто-то другой. Он понимает, что попал в аварию, но лишь смутно помнит, что её вызвало. Он был не один. С ним был кто-то. Это был...

Вигго.

Мысль о друге заставляет его встать на четвереньки. Вигго выпал из машины. Наверняка он сильно пострадал.

Надо помочь ему.

Скребущий звук становится громче, приближается. Похоже на ткань, которую волокут по асфальту.

Якоб поворачивается туда, где было лобовое стекло. Он видит дорогу. Видит осколки стекла, разбросанные повсюду. И он также видит, как к нему приближается труп. Это зрелище встряхивает память, и всё возвращается.

Мёртвец всё ещё не мёртв. Но, судя по всему, ходить он больше не может. Вместо этого он ползёт вперёд, волоча тело. Оба глаза теперь открыты, оба чёрные как ночь. Его череп получил сильный удар, сломав скулу. Из-за этого его рот безвольно отвис, придавая лицу ужасающее выражение страдания. Это напоминает Якобу ту уродливую известную картину, где человек кричит на мосту.

Якоб не может выбраться через лобовое стекло — труп слишком близко и доберётся до него за считанные секунды. Вместо этого он разворачивается и проползает между сиде-

нями в заднюю часть.

Затем он хватается за ручку и пытается открыть заднюю дверь. Она заклинило. Он садится на пол и изо всех сил бьёт по ней ногой. Не открывается.

— Блядь!

Оборачиваясь, он видит, как мёртвец пробирается через лобовое стекло. Его и без того изуродованные руки и предплечья теперь усеяны осколками. Его лицо вблизи выглядит ещё ужаснее, выражение яростно-решительное. Челюсть начинает двигаться, будто проверяя, может ли он ещё кусаться.

Мозг Якоба с трудом поспевает за событиями. Но он понимает, что в ловушке. И что ему придётся сражаться с мёртвецом, который приближается.

Затем он видит его, лежащего прямо перед собой. Чехол с ружьём.

Наверное, это оно ударило меня по голове, — рассеянно думает Якоб.

Он открывает чехол и вытаскивает ружьё. Пытаясь достать патроны, он вытаскивает один, но руки дрожат так сильно, что он роняет его. Поднимает, вставляет в патронник и уже собирается взвести затвор, как мёртвец настигает его.

Вместо выстрела у Якоба нет выбора, кроме как использовать ружьё как дубинку, и он бьёт им по голове трупа. Тот, должно быть, видит удар, но даже не пытается уклониться. Ружьё попадает по лысому черепу. Из-за неудобной позы Якоб не может вложить в удар достаточно силы. Он надеял-

ся раскрыть ему череп, но тот лишь откатывается и тут же пытается подняться.

Якоб бросает ружьё и выбирает бегство. Используя несколько секунд, которые требуются мёртвецу, чтобы прийти в себя, Якоб успевает проскочить мимо него и направляется к передней части машины.

Как только он думает, что почти выбрался, мёртвец вцепляется в его ботинок.

— Нет! Отвали! — рычит Якоб, дёргая ногой.

Но у трупа на удивление сильная хватка, и он тянет Якоба назад. Не успев ничего сделать, Якоб чувствует острую боль в икре — мёртвец вонзил в неё зубы. Якоб вскрикивает и переворачивается. Он поджимает другую ногу и изо всех сил бьёт ею по голове нападающего. Промахивается мимо лица, но попадает под подбородок, прижимая его к потолку — то есть к полу.

Мёртвец издаёт хриплый звук и царапает ногу Якоба. К счастью, на Якобе были и толстые штаны-карго, и термобельё под ними, так что труп не может добраться до кожи.

Якоб тянется к ружью, но оно слишком далеко. Тогда он вспоминает про нож.

Всё ещё удерживая быющее тело — хотя его нога уже начинает соскальзывать — Якоб вытаскивает охотничий нож из кармана. Он почти вытащил его из ножен, когда труп дёргается, и нога Якоба подгибается. Мёртвец обрушивается на него сверху. Начинается ожесточённая борьба. Тот рычит

ему прямо в ухо, зубы щёлкают в сантиметрах от лица Якоба, гнилостное дыхание заполняет его ноздри.

Якоб ревёт и пытается перевернуть, скинуть с себя нападающего, но труп сражается как дикий зверь.

Всё. Он живьём меня съест.

Эта мысль даёт последний выброс адреналина в систему Якоба, и ему удаётся поднять левую руку и схватить мёртвеца за подбородок, откидывая его голову назад. Кожа на ощупь невероятно холодная, почти всё ещё замёрзшая, натянутая и кожистая под ладонью Якоба.

Приподняв труп на несколько сантиметров, Якоб высвобождает другую руку и обнаруживает, что всё ещё сжимает нож, и тот теперь вне ножен.

Мёртвец с силой смыкает челюсти, и Якоб чувствует острую боль в пальцах.

— Ай! — он ревёт, вонзая нож в голову нападающего сбоку.

Лезвие с удивительной лёгкостью проходит сквозь раздробленную скулу, погружаясь до упора. Похоже, оно перерезает что-то жизненно важное по пути, потому что труп дёргается в конвульсиях, а затем замирает.

Якоб выдёргивает нож и уже заносится для второго удара, когда тело заваливается набок, оставаясь неподвижным на полу.

Якоб садится, чувствуя, как кружится голова, и отползает от трупа. Тот не делает попыток подняться. Он действитель-

но мёртв.

Якоб разворачивается и выползает через лобовое стекло. Поднявшись на ноги, он едва может стоять. Дыхание образует белые облачка на морозном воздухе.

Он совершенно один посреди глуши.

Нет, не совсем один. Метров в пятидесяти вниз по дороге кто-то лежит у обочины. Кто-то со светлыми кудрявыми волосами.

Якоб смотрит вниз и видит свой телефон. Экран разбит. Он поднимает его, пытается включить, но он не работает.

Позвать на помощь не получится.

Якоб бросает телефон и идёт к Вигго.

Тот лежит на боку. Глаза закрыты, и он выглядит так, будто просто спит. Но Якоб сразу понимает, что его друг мёртв.

— О, нет, — хрипит он, опускаясь на колени. — Да ладно, чувак... — Он прикладывает два пальца к шее Вигго, к мягкой коже. Она уже холодная. Пульса нет.

Якоб сдерживает сильное желание заплакать. Он поднимается на ноги, почти теряя равновесие. Он не может этого принять. Вигго — его старейший друг. Они всегда были друг для друга. Он не может просто так внезапно исчезнуть.

— Помоги, Якоб!

Голос Вигго в его голове, кричащий о помощи, когда напал мёртвец. Мёртвец, которого Якоб настоял на том, чтобы привезти с собой.

Это всё моя вина. Я облажался по полной.

Из него вырывается рыдание. И вот, когда он уже готов сломаться, он осознаёт пульсирующую боль в левой руке. Он смотрит вниз и видит, что мизинец кровоточит. Прямо над ногтем зияет рана. Один из зубов трупа проколол кожу.

Леденящая волна страха пробегает по его жилам.

Блядь. Это плохо.

В памяти всплывают определённые слова. Слова, которые они с Вигго произнесли всего несколько минут назад. Паразит. Заразный. Зомби.

Якоб смотрит на свою руку.

Оно у меня в крови. Оно убьёт меня и превратит в... что бы там ни было этим парнем. Затем приходит другая мысль: Может, ещё не слишком поздно.

Якоб никогда не был умником. Это больше про Вигго. Но Якоб хорош в быстрых решениях. Он способен действовать, не слишком задумываясь.

Что он и делает сейчас.

Плюнув на лезвие ножа, он вытирает его о рукав. Затем прикладывает к внутренней стороне второго сустава мизинца.

Надо сделать точно по суставу, иначе не сработает.

Он делает один долгий вдох. Затем сильно сжимает зубы и отсекает палец.

Кто-то кряхтит, и Якоб оглядывается.

Никого нет. Он один на пустынной трассе. Должно быть, прошло какое-то время, потому что хотя ещё рано, вокруг стало немного светлее. Наполз густой белый туман, скрывший большую часть безжизненной долины, голые деревья, камни, блестящие от инея.

— Вигго? Это ты?

Его собственный голос звучит странно в ушах. Как будто он простудился.

— Конечно, — голос Вигго доносится сзади.

Якоб резко оборачивается. Видит его стоящим там, своего старого друга, улыбающегося ему.

— А кого ты ещё ожидал?

Что-то не так. Одежда Вигго порвана. Кожа разорвана в нескольких местах. На ноге нет ботинка, и одна нога явно сломана — ступня развёрнута в другую сторону. По тому, как он наклонён, похоже, что плечо вывихнуто.

Однако, кажется, всё это Вигго не беспокоит. Он делает несколько шагов ближе, волоча повреждённую ногу.

Когда он приближается, Якоб шурится, чтобы разглядеть лицо Вигго. Оно тоже пострадало. Глубокая ссадина тянется вдоль челюсти, лоскут кожи свисает с виска. Один уголок рта отвис, будто мышцы повреждены. Другая сторона рта улы-

бается, и эта улыбка леденит кровь.

— Эй, чувак. Ты в порядке?

— Не-а, — говорит Вигго, пожимая плечами и продолжая приближаться. — Я не в порядке. Никто из нас. По правде говоря, мы все в жопе.

— Кто? — спрашивает Якоб. Он хочет отступить, создать дистанцию между ними. Кажется, что ноги движутся, но почему-то он остаётся на месте. Вместо этого он пытается отвлечь Вигго разговором. — О ком ты говоришь, друг?

Вигго выбрасывает в сторону здоровую руку, жестом указывая вокруг.

— Всех нас. Смотри!

Якоб смотрит в туман и видит множество лиц. Олени, лисы, медведи, кошки и собаки. У всех них чёрные глаза. Они стоят плечом к плечу, уставившись на него.

Должно быть, это распространилось, — начинает вспоминать Якоб. Что бы ни было у того мёртвого в избушке. Мне повезло, что я не заразился.

— О, но ты заразился, — говорит Вигго.

Якоб резко поворачивает голову, чтобы посмотреть на друга, и крик застревает у него в горле.

Вигго теперь прямо перед ним. Его глаза — как два чёрных шарика. Настолько тёмные, что не отражают даже свет.

Вид друга, явно мёртвого, наполняет Якоба ужасом. Но он также чувствует желание плакать.

— Прости, чувак, — хрипит он. — Мне правда жаль, что

с тобой случилось. Это моя вина.

— Да, так и есть, — соглашается Вигго. — Но, по крайней мере, мы идём одной дорогой.

— Я не заражён.

— Разве нет?

— Нет, я отрезал его.

— Да, но ты опоздал, приятель. Взгляни повнимательнее.

Только сейчас Якоб осознаёт боль, которую чувствовал всё это время. Тёплое, пульсирующее давление в пальце. Он поднимает руку. Он думал, что отрезал только мизинец, но все пальцы отсутствуют. Остались лишь окровавленные обрубки. И кожа на руке вся зелёная. К своему ужасу он понимает, что он обнажён, и всё его тело разлагается. Кожа изменила цвет и облезает, как старая краска, обнажая гниющую плоть под ней.

— Видишь? — ухмыляется Вигго. — Я же говорил. Мы все в жопе. Никто от этого не сбежит.

Якоб трясёт головой, отчаянно пытается бежать. Но движение тела только заставляет его распадаться сильнее. Кусясь плоти падают на асфальт, кости ломаются с отчётливым хрустом.

Вигго наклоняется ближе, его лицо заполняет всё поле зрения Якоба, и тот чувствует гнилостное зловоние, исходящее из его рта, когда тот шепчет:

— Это конец света, Якоб. И он только начался.

— Нет! — кричит Якоб и —

...дёргается так резко, что чуть не падает с кровати.

— Воу, воу, — говорит знакомый голос. Руки хватают его за плечи, и Якоб отстраняется.

Затем он видит лицо Акселя, и остальной мир обретает привычные черты. Он не на улице. Он в почти белой комнате, а за окном — позднее утро, судя по бледному солнечному свету.

— Всё в порядке, парень, — говорит ему Аксель. — Ты в безопасности.

Его брат улыбается ему, что бывает редко. Улыбка должна ободрять, но в ней также читается беспокойство.

— Где я...? Где...? Я не... — Якоб сглатывает, слова застревают в горле. Во рту ужасно сухо.

— Ты в больнице, — говорит Аксель, доставая стакан воды с трубочкой и поднося его ко рту Якоба.

Якоб делает глоток, наслаждаясь прохладной жидкостью, стекающей по горлу. Он пытается взять стакан у Акселя, но видит толстую белую повязку на мизинце.

— Если хочешь держать сам, используй другую руку, — инструктирует его Аксель.

— Блядь, — бормочет Якоб, разглядывая руку. — Я и правда это сделал...

— Да, сделал, — подтверждает Аксель, ставя стакан на

тумбочку. — Ты съехал с дороги и каким-то чудом отделался потерей полпальца. Ты чертовски везучий ублюдок, знаешь?

Он вспоминает, как лезвие прошло сквозь палец. Боль была невероятной, сильнейшей за всю его жизнь. Наверное, именно от неё он и отключился. Эту часть он не помнит. Сейчас палец не болит. Вообще, он его почти не чувствует. Наверное, его хорошо обезболили перед тем, как зашивать.

— Тебе ещё повезло, что на улице был лютый мороз, иначе бы ты истёк кровью, — продолжает Аксель. — Ты был как ледышка, когда тебя нашли.

— Кто нашёл? Кто-то проезжал?

— Я вызвал скорую. Я слышал аварию. Помнишь, мы разговаривали по телефону?

— А, точно.

— Так что слушай, может, в следующий раз, когда найдёшь мужика, умершего от какой-то заразы, не трогай его, окей?

Якоб хмурится.

— Я и не трогал. Я был в перчатках.

— Да, и это, возможно, спасло тебе жизнь. Тебя пришлось изолировать, пока не пришли результаты анализов. Ты чист как стёклышко.

Якоба накрывает волна облегчения. Затем он вспоминает.

— А как там... Вигго?

Он боится ответа. И сразу видит его на лице Акселя.

— Может, не стоит сейчас об этом думать, — тихо говорит

тот.

Якоб сжимает губы. Он не хочет плакать, особенно перед Акселем. Брат понимает ситуацию и встаёт со стула. Небрежной походкой он подходит к окну и смотрит наружу, делая вид, что любит вид.

Якоб тихо всхлипывает, вытирая слёзы, катящиеся по щекам.

— Так-с, — говорит Аксель через пару минут, откашливаясь. — Полагаю, какое-то время тебе придётся драть левой рукой.

Якоб не может сдержать фыркающий смех.

— О, и я позвонил отцу.

Якоб мгновенно напрягается.

— Он... сильно злился?

— Насчёт машины? — Аксель поворачивается и приподнимает брови. — Ещё как. Но смягчился, когда я сказал, что тебя здорово помяли. Думаю, мне удалось отговорить его от порки.

— Спасибо. Когда он вернётся?

— Он сказал, через неделю. Там какие-то задержки с разрешениями, так что они даже не начали ещё.

Работая подрядчиком, их отец разъезжает по всей Скандинавии и часто оставляет парней одних на недели, даже с самого детства. Якоб никогда не видел мать. Аксель смутно её помнит, но никогда о ней не говорит. Она умерла, когда Якобу было два года.

— А... родители Вигго? — спрашивает Якоб. — Им уже сказали?

— Конечно, — отвечает Аксель. — Но я же сказал, не думай об этом, ладно? У тебя свои проблемы.

— Да, знаю, — кивает Якоб, глядя на руку.

— Нет, не думаю, что понимаешь. — Аксель смотрит на него серьёзно. — Заходил Том. Он хочет с тобой поговорить. Сказал, вернётся в три, проверить, не очнулся ли ты. Хочет знать, что, чёрт возьми, там произошло.

Якоб пожимает плечами.

— Как ты и сказал — мы съехали с дороги.

— Да, сразу после того, как подобрали какого-то старика, выглядевшего так, будто он умер десять лет назад.

Якоб ёрзает.

— Ты... ты его видел?

— Да, его привезли сразу после тебя. Ты был без сознания, так что я улизнул, чтобы взглянуть. — Аксель выдыхает. — Я видел много покойников, но этот, мужик, берёт приз. Они до сих пор не знают, что с ним. Похоже, он разлагался ещё при жизни.

— Он мёртв? — спрашивает Якоб.

— Да, — хрипит Аксель. — И даже больше того.

— Нет, я имею в виду... он не... не двигался или что-то такое?

Аксель хмурится.

— Мёртвые обычно так не делают.

— Зомби делают, — шепчет Якоб, чувствуя укол в сердце, повторяя слова Вигго.

— Зомби? — Аксель пристально смотрит на него. — Ты головой ударился?

— Да, кажется, да, — говорит Якоб, касаясь затылка. Там довольно чувствительное место, куда ударил чехол от ружья. — И сильно. Но не поэтому... Я думаю... Аксель, мне кажется, с этим мужиком что-то серьёзно не так.

— Не говори. Я слышал, как вы оба орали перед аварией. Что случилось?

Якоб открывает рот, чтобы рассказать, но понимает, что его память — как пустой дом. Он может туда войти, но там нечего найти.

— Я... мне трудно, типа, вспомнить детали.

На лице Акселя появляется беспокойство.

— Это нормально. Говорили, временная спутанность и потеря памяти — обычное дело. Что-то связано с шоком. — Он идёт к двери. — Сейчас позову медсестру. Доктор захочет тебя осмотреть.

— Ладно, — бормочет Якоб, всё ещё пытаюсь вспомнить.

Внутри него бушует поток разных эмоций. Горечь, страх, неверие. И странная паника чуть ниже поверхности. Как будто его организм отчаянно пытается передать сообщение. Что-то, что ему нужно увидеть. Это связано со сном, который он только что видел, он почти уверен, потому что чувство усиливается, когда он думает о странной кошмарной

сцене — он стоит посреди дороги в окружении мёртвых животных.

И Вигго. Мёртвый Вигго тоже был там. Он сказал что-то злое. Что-то вроде...

«Никто от этого не сбежит...»

Прошептав эти слова, Якоб чувствует, что стал чуть ближе к тому, что пытается вспомнить. Но всё равно не может ухватить это. Его мысли странно искажены. Разорваны. Мечутся, как случайные искры. Мёртвый старик. Кричащий Вигго. Нож, проходящий сквозь палец. Крутящаяся машина. Боль. Страх.

Его тошнит, комната начинает наклоняться. Он закрывает глаза и отбрасывает все образы прочь.

Не могу об этом думать. Не сейчас. Я просто немного отдохну. Уверен, мне станет лучше, когда я...

Якоб отключается, не успев закончить мысль.

Аксель подходит к посту медсестёр и облакачивается на стойку.

Фрида сидит там одна, печатая на компьютере, повернувшись к нему боком. Волосы убраны в пучок, открывая длинную шею. Даже в медицинском халате её вид заставляет его ёкнуть.

Он откашливается и говорит самым невинным голосом:
— Простите, сестричка? Я готов к обтиранию губкой.

Она смотрит на него каменным лицом, затем проверяет, нет ли поблизости других.

— Насколько я помню, вы не пациент этой больницы, сэр.

— А должен бы быть. У меня серьёзный недуг. Сердце колотится как бешеное всякий раз, когда я вас вижу.

Она не может сдержать улыбку.

— О, какой ты галантный. Ну как твой брат?

— Очнулся.

— Правда? Отлично. Вызову врача. — Она достаёт пейджер.

— Кто сегодня дежурный?

— По-моему, Олсен. А что?

— Просто беспокоюсь за братишку. Не хотелось бы, чтобы за ним ухаживал какой-нибудь шарлатан.

Она снова улыбается, затем встаёт и подходит к стойке.

Наклоняется и быстро целует его в губы.

— Это сексуально, когда ты проявляешь заботу.

— Да ну?

— Ага.

— Настолько сексуально, что я снова увижу тебя сегодня вечером?

Она уже собирается ответить, когда её выражение меняется. Аксель замечает, как мимо них ковыляет старик с ходунками и кислородным аппаратом.

Как только тот оказывается вне зоны слышимости, Фрида шепчет:

— Это возможно.

— Звучит отлично. Я приготовлю ужин.

— Под этим ты подразумеваешь «закажу пиццу»?

— Именно, — ухмыляется он. Телефон вибрирует. Он достаёт его. — Это отец. — Убирает обратно в карман.

— Не будешь отвечать?

— Не сейчас.

Фрида хмурится.

— Но он, наверное, с ума сходит от волнения за брата.

Аксель фыркает.

— Зная его, он, скорее, переживает за свою машину. Всё в порядке, правда. Позже расскажу.

Фрида пожимает плечами.

— Как скажешь. Кстати, твой брат рассказал, что произошло?

Аксель качает головой.

— Он был вроде как в замешательстве. Бедняга звучал так, будто всё ещё боится того мужика, которого они подобрали. Думаю, он как-то напал на них.

Фрида, кажется, что-то вспоминает.

— Кстати, разве ты не должен быть сейчас в патологоанатомическом?

— Не-а, у меня же выходной, помнишь?

— Да, но ты же говорил, что хочешь на него посмотреть. На того старика?

— Его только к шести.

Она поворачивается и бросает взгляд на экран компьютера.

— Здесь указано, что на два часа. Наверное, перенесли.

— О, чёрт. Я очень хотел там быть. Может, ещё успею глянуть. Увидимся позже, окей? — Он наклоняется для ещё одного быстрого поцелуя, а затем бежит к лифту.

Патологоанатомическое отделение расположено рядом с самым моргом, в подвале больницы.

Чтобы просто попасть на этот этаж, Акселю нужно приложить пропуск. Он всегда чувствует себя агентом спецслужб, когда делает это.

Когда лифт останавливается и двери открываются, Акселя встречает стенд с табличкой, перекрывающей коридор. Это одно из тех предупреждений «Биологическая опасность». Аксель изучал их на курсах помощника патологоанатома, но никогда не видел в действии до сих пор. Она оранжевая, с надписью «BSL-3», что означает, если он правильно помнит, «вторая по степени рискованности категория микроорганизмов». Единственная категория выше третьей — четвёртая. На той стадии часть больницы была бы эвакуирована.

Блин, они и правда всё серьёзно воспринимают...

Тут он замечает высокого худощавого парня, сидящего на стуле, прислонившись к стене. На нём защитный костюм химзащиты с откинутым капюшоном. В ушах — беспроводные наушники, и он поглощён телефоном. Это Миккель Ранфельт, один из санитаров. Ходят слухи, что он гей. На нём розовые кроссовки, что не особо опровергает эти слухи. Рядом стоит тележка с тремя-четырьмя дополнительными ко-

стюмами, готовыми к использованию, вместе с ботинками, перчатками, респираторами и всем прочим.

Аксель выходит из лифта, и Ранфельт наконец замечает его. Парень вскакивает, выдёргивая наушники.

— Эй, тебе нельзя— о, это ты, Аксель. Что ты здесь делаешь? Мне сказали, ты сегодня не придёшь.

— Да, я не работаю, — говорит Аксель, оглядывая Ранфельта с ног до головы. Костюм на два дюйма короче его длинных рук и ног. — Это тебе велели надеть?

Ранфельт бросает взгляд на себя, смущённо усмехаясь.

— Да, знаю, выглядит глупо. Сказали, это просто мера предосторожности. Думают, эта история может попасть в федеральные новости, как только просочится, вот и хотят перестраховаться по всем пунктам, понимаешь?

— Поэтому тебя поставили здесь в охрану?

Ранфельт кивает.

— Мне велено не пропускать никого, кого не должно быть здесь.

— Включая меня? Я же тут работаю.

Глаза Ранфельта бегают.

— Я... не уверен. Может, позвонить Далю? — Он произносит это как вопрос, словно решая, стоит ли беспокоить начальника Акселя.

Аксель пожимает плечами.

— Конечно, можешь. Но ты же его знаешь. Сейчас он, наверное, не в настроении для вопросов. — Аксель кивает в

сторону коридора. В конце — двустворчатые двери, ведущие в патологоанатомическое отделение. — Он там сейчас?

— Да. Они начали десять минут назад.

— Они?

— Там ещё двое. Другой патологоанатом и какой-то специалист. Я их раньше не видел. Наверное, вызвали из областной больницы.

— А, понятно. Можно одним глазком глянуть?

Ранфельт переминается с ноги на ногу.

— Я правда не знаю, Аксель. Даль был очень серьёзен насчёт того, чтобы не пускать посторонних.

Аксель прикусывает губу.

— Знаешь что. Я надену костюм и скажу Далю, что мне сверху передали — прийти помочь. Сыграю на недоразумении. Если он разозлится, то на меня. Как тебе?

Ранфельт задумывается, бросая взгляд на двустворчатые двери.

— Обещаешь не подставлять меня?

— Не, чувак. Ты же меня знаешь. Я бы так не поступил.

— Ладно. — Ранфельт указывает на него тонким пальцем.

— Я тебе доверяю.

— Клянусь сердцем, надеюсь умереть, — говорит Аксель, беря один из костюмов со стойки.

Якоб снова оказывается там, в лесу. Стоит перед избушкой. Темно и морозно. Всё неестественно тихо. Он даже не слышит собственных шагов, приближаясь к двери.

Здесь есть что-то, что мне нужно увидеть. Что-то, что поможет вспомнить.

Как только он протягивает руку, дверь сама собой распадается. Как будто её толкает неощутимый ветерок. Якоб заходит внутрь.

Избушка гораздо больше, чем он помнит. Проходя по запылённому деревянному полу, он понимает, что почему-то без обуви. Звуки отдаются эхом, заставляя его оглядываться и убеждаться, что он действительно один.

Достигнув центра, он останавливается. Сверху доносится высокий скрип. Он поднимает глаза, ожидая увидеть там висящего мертвеца. Но там только верёвка, всё ещё обмотанная вокруг стропилы. Она мягко раскачивается из стороны в сторону. По обе стороны от неё дерево исцарапано в клочья.

Верно, — вспоминает Якоб. Мы думали, это животное так постаралось, пока не увидели его пальцы...

Что-то пытается встать на место в его сознании. Что-то большое и очевидное. Оно прямо здесь, но он всё ещё не может разглядеть его чётко.

Якоб переминается с ноги на ногу и в этот момент насту-

пает на что-то холодное и мягкое.

Опустив взгляд, он видит человеческое ухо, лежащее на полу. Оно всё ещё окровавлено, с того момента, как его оторвали.

Это Вигго, — с тоской думает он. Мертвец откусил его начисто.

Как он мог забыть? Сцена в машине внезапно снова ярко всплывает в памяти. Мертвец, сидящий прямо, бросающийся на Вигго. Его друг, отчаянно пытающийся увернуться. Выпрыгивающий из движущейся машины, убивая себя. Затем авария. У Якоба не было выбора, кроме как ударить по тормозам, и это заставило машину перевернуться. Но это ещё не всё. Мертвец всё равно пошёл на него. И Якобу пришлось использовать нож.

Я пырнул его. Как раз перед тем, как отрезал себе палец. Господи...

Теперь, когда всё возвращается, та вещь в его сознании, которая пытается вырваться наружу, кажется ещё больше и тяжелее. Всё же она остаётся неясной.

Чёрт, почему я не могу сложить всё воедино?

Якоб замечает движение сбоку и поворачивает голову. Окно открыто, и прямо снаружи стоит Вигго. Он выглядит нормально. Никаких лоскутов кожи, никаких чёрных глаз. На самом деле он улыбается. За ним внезапно лето. Всё зелёное, светит солнце, щебечут птицы.

— Эй, приятель. Не мог бы ты передать мне это? — Вигго

кивает в сторону уха на полу. — Кажется, я его обронил.

Слегка повернув голову, Якоб видит, что у Вигго отсутствует правое ухо. Якоб наклоняется и поднимает его. Подходит и протягивает Вигго.

— Спасибо, чувак, — говорит тот. Как будто это самая естественная вещь на свете, он кладёт ухо целиком в рот, громко жуёт и проглатывает. — М-м-м. Пальчики оближешь, — улыбается он. Затем разворачивается и уходит из виду.

И наконец до него доходит.

С почти слышимым щелчком осознание ударяет по сознанию Якоба.

Зомби. Мертвец был зомби.

Пока он всё ещё смотрит в открытое окно, пейзаж меняется за считанные секунды. Лето превращается в зиму. День — в ночь. Листья опадают с веток. Небо меняется с синего на серое.

Он не остался мёртвым, даже несмотря на то, что повесился. Потому что уже был заражён. Болезнь вернула его. И это означает, что Вигго —

Звук позади. Рука ложится ему на плечо.

Якоб вскрикивает.

Двери в патологоанатомическое отделение имеют пластиковые окошки на уровне глаз, но оба сейчас заклеены чем-то похожим на картон.

Аксель недолго раздумывает, стучать или нет. Затем решает не стучать и просто мягко толкает одну из дверей.

Он провёл много дней и ночей в этой комнате. Большую часть времени с Далем рядом. Тот факт, что по коридору чуть дальше находится комната с несколькими мёртвыми телами, никогда его особо не беспокоил. Обычно здесь очень тихо, минимум разговоров и активности.

Поэтому странно видеть, как Даль и двое других врачей толпятся вокруг одного из столов, одетые в защитные костюмы, обсуждая что-то напряжёнными голосами. Даже в костюмах Аксель сразу узнаёт Даля. Он крупный, широкоплечий мужчина, рядом с которым двое других выглядят подростками.

На столе лежит тот самый мертвец. Аксель видит его ноги. Даль — тот, кто проводит вскрытие, наклонившись над грудной клеткой.

— Определённо не зоонозное, — говорит один из других, его голос искажён маской. — Посмотрите на лёгкие; они практически не затронуты.

— Если не считать того, что они почти разваливаются, —

замечает Даль, поднимая руку с пинцетом. В нём зажат кусочек ткани размером с почтовую марку. Даже с его пока ограниченными медицинскими знаниями Аксель сразу понимает, что лёгочная ткань нездорова. Один только цвет выдаёт её: тёмный, почти чёрный. Как в рекламе против курения.

— Да, некроз определённо присутствует во всех областях, — продолжает другой врач. — Но я о другом: я не вижу другого повреждения. Ни признаков бактерий, ни паразитов или грибков. Если бы он заразился этим от животного, дыхательная система определённо показала бы это.

— Предоставим лаборатории разобраться, что к чему, — бурчит Даль, бросая образец в zip-пакет, затем аккуратно кладёт его рядом с дюжиной других на металлический поднос. — Прежде чем делать какие-либо выводы.

— Понимаю, почему ты хочешь быть осторожным, Даль. Но ты должен признать, это самая странная вещь. Столько противоречий. Он явно был клинически мёртв в течение длительного времени. Он, чёрт возьми, практически разлагается. Если бы не холод, он бы просто рассыпался... И тем не менее, скелетные мышцы, похоже, функционировали до самого недавнего времени. Как это возможно?

— Вполне возможно, чтобы мышечные волокна получали и реагировали на электрические импульсы от нервной системы даже после смерти мозга, — говорит Даль. — Ты знаешь это не хуже меня, Горан.

— Но мы не об этом говорим, — вступает третий врач.

Только сейчас Аксель понимает, что это женщина. — Этот парень был способен двигаться, даже ходить. И делал это при полном отсутствии кровообращения. Дыхательная система отказала очень давно.

— Именно! — говорит другой врач — Горан, — разводя руками. — И единственное, что пока кажется относительно незатронутым, — ирония судьбы — это мозг! — Он издаёт визгливый смех. — Это же нелогично. Это... беспрецедентно. Мы перепишем здесь историю медицины!

Даль поворачивается и указывает на него пинцетом.

— Слушай, Горан, не для этого я просил тебя приехать. Я ожидал от тебя большей профессиональности. Если кто-то из нас будет так разговаривать с кем-то за пределами этой комнаты, будет ещё больше... — Даль, видимо, почувствовал присутствие Акселя, потому что резко поворачивает голову. Аксель различает глаза Даля через визор. — Господи, Ларсен! Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Извините, — говорит Аксель, делая вид, будто только что вошёл в комнату. — Я не знал, что у вас уже есть помощники. Мне сказали, что я нужен.

— Если бы ты был нужен, я бы сам тебя вызвал.

— Извините. Уйти?

— Ничего, — небрежно говорит женщина-врач. — Он уже экипирован, и нам не помешает кто-то отнести эти образцы в лабораторию. Я определённо не покину эту комнату, пока мы не поймём, что с этим типом.

Аксель подходит ближе. Даже если абстрагироваться от того, что череп вскрыт и мозг виден, вид у мужика и так был ужасающий. Чёрные глазные яблоки, жёлтые зубы, обтянутые кожей губы, зеленоватая кожа.

Чёрт, как Якоб мог подумать, что тащить этого типа с собой — хорошая идея?

Аксель берёт поднос, который врач передаёт ему. В пакетах есть всё: от зубов до сухожилий, ногтей на ногах и того, что похоже на кусок языка. Это самый обширный набор образцов, который Аксель когда-либо видел.

— Так это паразит, да? — спрашивает он, откашливаясь. Горан фыркает.

— Если это паразит, то я король.

— Я всё ещё ставлю на инфекцию, — говорит женщина. — Какая-то новая разновидность септической чумы, возможно.

— Мы пока не строим никаких теорий, — бурчит Даль. — Не до тех пор, пока не получим все данные. А теперь, пожалуйста...

Раздаётся крик откуда-то поблизости. Короткий и резкий, но достаточно громкий, чтобы все трое врачей замерли и переглянулись.

— Это что сейчас было? — спрашивает Горан, глядя в сторону дверей.

— Звучало, будто кто-то уронил кирпич себе на ногу, — предлагает женщина.

— Ларсен, сходи проверь с санитаром, что там, — говорит Даль. — Оставь образцы.

— Тихо, успокойся, всё в порядке.

Якоб открывает глаза и видит молодую женщину в форме медсестры. Он видел её где-то раньше, но не может вспомнить имени.

Она ободряюще улыбается.

— Тебе просто приснился плохой сон. Я проходила мимо и услышала, как ты разговариваешь во сне.

Якоб сглатывает сухость и оглядывается. Он снова в больнице. Послание из сна всё ещё живо в его сознании.

— Где Вигго? — хрипит он.

— Кто это? — спрашивает медсестра.

— Мой друг. Тот, который... умер.

Лицо девушки меняется.

— О. Мне так жаль. Ты видел его во сне?

— Где он? — требует Якоб, хватая медсестру за запястье.

— Это очень важно, скажите мне!

Девушка слегка оторопела.

— Послушай, тебе стоит успокоиться. Ты пережил многое, и...

— Где он? — Якоб почти кричит теперь.

— Он здесь, — говорит ему медсестра, мягко освобождая свою руку. — Тебе не нужно о нём беспокоиться. Теперь он обрёл покой.

Якоб часто дышит через нос.

— Где Аксель? Мне нужно поговорить с братом.

Он не особо ожидает, что медсестра будет знать, где Аксель, но к его удивлению она говорит:

— Аксель спустился в морг.

Волна страха прокатывается по животу Якоба.

— В морг... это где Вигго?

— Да. Я могу позвонить твоему брату, если ты...

— Да, позвоните! Позвоните ему прямо сейчас и скажите, чтобы уходил оттуда!

Из-за музыки в наушниках Миккелю понадобилось несколько минут, чтобы осознать стук.

Его смена закончилась два часа назад, и он не в особом восторге от того, что всё ещё здесь. Не то чтобы свехурочные хорошо оплачивались. А он ещё собирался по видеосвязи пообщаться с парнем из Швеции, с которым познакомился в игре. Уже написал ему, что задержится.

Нелегко найти парней, с которыми есть химия, и Миккелю действительно кажется, что у них есть связь. Он очень надеется, что это не означает, что он упустил свой шанс сблизиться. Может, если он как-то загладит вину...

Когда одна песня заканчивается, наступает несколько секунд тишины, и Миккель наконец слышит стук.

Он вынимает наушники и прислушивается. Звук повторяется. Он доносится не из патологоанатомического отделения, а откуда-то ближе.

Миккель встаёт, оставляя телефон на стуле. Он идёт к двери морга. Останавливается и слушает. Ещё один удар. Определённо из морга.

Какого чёрта? Кто это? Я же никого не видел, кто бы заходил туда...

Миккель находится здесь с тех пор, как привезли те два тела, а это, сколько, часа четыре назад? Кто-то уже был в

морге? Что они там делали всё это время?

Логичное объяснение, конечно, заключается в том, что один из врачей из патологоанатомического отделения спустился сюда, а Миккель не заметил. Он был довольно поглощён телефоном, так что не невозможно, что он просто не видел и не слышал их.

И всё же... что они там делают? Что производит этот приглушённый стук?

— Эй? — спрашивает он, откашливаясь. — Что там... происходит?

Человек за дверью должен его слышать. Но он не отвечает. Просто продолжает стучать.

Миккель смотрит то на лифт, то на дверь в патологоанатомическое отделение, не зная, что делать. Ситуация безвыходная. Он может пойти рассказать об этом Дально, но это не только означает оставить пост, но и побеспокоить вспыльчивого патологоанатома за работой, что никогда не бывает хорошей идеей. Кроме того, Даль, вероятно, всё равно попросит его пойти проверить звук.

Поэтому Миккель делает глубокий вдох и толкает дверь.

Комната выглядит как обычно. Хорошо освещённая, чистая и пустая. Сталь и линолеум. Восточная стена имеет три ряда прямоугольных шкафов, все чётко пронумерованы от 1 до 12. Но кроме этого, комната пуста.

Миккель замирает, ошеломлённый. Он был уверен, что найдёт здесь кого-то. Был уверен, что звук...

Он раздаётся снова, громче, и Миккель подпрыгивает. Он устоялся на стальные шкафы.

В детстве Миккелю часто снился кошмар, будто его хоронят заживо. Неспособный двигаться или говорить, он всё равно оставался полностью в сознании и понимал всё, пока его семья собиралась вокруг, чтобы попрощаться. Затем они закрывали гроб и опускали его в землю. Звук земли, сыплющейся сверху, заставлял его паниковать и просыпаться.

Теперь он чувствует, будто вернулся в тот кошмар.

Чёрт, кто-то не совсем мёртв.

Миккель понятия не имеет, как это произошло. Но он знает, что ошибки случаются во всех областях, в том числе и в медицине. И какой-то врач, очевидно, ошибочно диагностировал какого-то бедного пациента как мёртвого, когда тот таковым не был.

— Всё в порядке, — слышит Миккель собственный голос, бросаясь к холодильным камерам. — Я тебя выпущу. В какой ты?

Он сразу понимает, что это глупый вопрос. Как человек может знать, если он был без сознания, когда его сюда привезли? Кроме того, если бы он мог говорить, он бы уже позвал на помощь. Вместо этого он просто стучит изнутри.

Как будто его мысли вызвали это, из одного из шкафов доносится низкий, жалобный стон.

Парню больно. Наверное, задыхается там. Надо спешить. Он прикладывает ухо к номеру 1, когда раздаётся ещё

один удар, явно с другого конца стены. Миккель подходит к номеру 4 и прислушивается. Ещё удар. Снизу. Он приседает и кладёт обе ладони на номер 8. И чувствует следующий звук. Его сердце — которое уже и так бьётся часто — подпрыгивает.

— Он здесь, — бормочет он, взясь с ручкой. На ней есть замок — Миккель понятия не имеет, зачем — и он не может сразу понять, как его открыть. Затем он соображает и поворачивает ручку.

Он не уверен, что ожидал увидеть. Он видел, как открывают холодильную камеру морга, только по телевизору. В криминальных сериалах и тому подобном. В фильмах мёртвый обычно аккуратно лежит на спине, обнажённый, с бумажной биркой на большом пальце ноги.

То, что встречает его сейчас, совсем другое.

Человек определённо жив. По крайней мере, он двигается. Ему удалось перевернуться на живот, и его ноги дёргаются в судорогах. При ярком свете с потолка Миккель сразу видит, что кожа зелёная, вены видны под ней.

Затем появляются пара рук, и на мгновение Миккелю трудно осознать, что он видит — кажется, будто там два человека. В действительности же он понимает, что парень сумел сложиться под, казалось бы, ужасно болезненным углом. Однако это его, похоже, не беспокоит, так как он хватается за раму и вытаскивает себя. Дно камеры следует за ним, и когда появляется лицо, мозг Миккеля отключается.

Молнией он осознаёт, что сильно облажался.

Он вскрикивает, но успевает только наполовину, прежде чем падает в обморок и оседает на пол.

Аксель возвращается в коридор и видит, что стул Ранфельта пуст. Насколько он может судить, никаких костюмов со стойки не пропало, а значит, больше никто сюда не спускался. Станным образом он видит телефон Ранфельта и наушники, оставленные на стуле.

Неужели он отлучился в туалет?

Здесь внизу только один туалет, и он в восточном коридоре, что означает...

Телефон Акселя вибрирует в кармане. В костюме до него не так-то просто добраться. Наверное, это просто отец перезванивает.

Поэтому он позволяет ему звонить и уже собирается развернуться и уйти, когда из морга доносится звук. Почти как стон.

Аксель колеблется, смотрит на дверь. Это обычная деревянная дверь без окон. Её нельзя запереть, а ручка — широкая горизонтальная планка. Чтобы открыть, нужно просто нажать. Или, если ты внутри, потянуть.

Ещё один звук. На этот раз другой. Влажный. Как будто кто-то причмокивает губами.

Какого чёрта?

— Эй, Миккель? — спрашивает Аксель. — Это ты там?

Нет ответа.

Прислушавшись, Аксель слышит ещё больше этих влажных звуков. Это напоминает ему кое-что, что он слышал только прошлой ночью: кот Фриды, уплетающий консервы, которые она ему дала.

Первая логичная мысль Акселя — что каким-то образом сюда пробралось животное. Лиса или бродячая собака, возможно. Но это не имеет никакого смысла. Дикое животное не смогло бы незамеченным проникнуть в больницу, не говоря уже о том, чтобы спуститься на лифте в подвал.

Затем в его сознании возникает нечто иное. Нечто, что имеет ещё меньше смысла, но каким-то образом кажется более вероятным.

То самое слово. Которое использовал его брат.

Зомби.

Да брось, чувак, — говорит себе Аксель, усмехаясь. Тебе что, восемь лет? Зомби не существуют.

Чтобы убедить себя, он делает шаг вперёд и уже собирается распахнуть дверь, как его телефон снова вибрирует. Аксель втягивает руку в рукав и нащупывает карман. Он достаёт телефон и видит на экране имя Фриды. Отвечает.

— Да?

— Думаю, тебе нужно вернуться наверх. — По голосу слышно, что она слегка встревожена.

У него сразу ёкает в животе.

— Почему? С Якобом всё в порядке?

— С ним всё нормально, он просто очень расстроен. Го-

ворит, что тебе не стоит приближаться к Вигго. Что он... опасен или что-то в этом роде.

Затем из морга доносится ещё один стон, и на этот раз Аксель понимает, что это не животное издаёт звук. Он человеческий, хотя и бессловесный.

— Аксель? — спрашивает Фрида в трубку. — Ты ещё там?

— Да, — бормочет Аксель, распахивая дверь. — Да, я ещё... о, чёрт.

То, что он видит, — сцена из фильма ужасов.

Миккель там, на полу. Его выдают эти дурацкие кроссовки. Помимо них, у Акселя нет другого способа опознать его, потому что его лица нет. Человек, сидящий там, склонившись над Миккелем, съел его и теперь занят его плечом.

— Вигго? — глупо спрашивает Аксель. — Это ты?

Он понимает, что это Вигго. И по кудрявым волосам, и по отсутствующему уху. Вигго обнажён. Его кожа приобрела противный бледно-зелёный оттенок. Прямо как у того мужика в патологоанатомическом отделении.

Вигго не отвечает и даже не поворачивается. Он слишком поглощён, вырывая зубами сухожилия и мышцы, жадно жуя и глотая, проявляя аппетит голодного ребёнка, уплетающего жареную курицу.

Аксель замечает открытую камеру. Миккель открыл её. Он выпустил его.

Где-то издалека Фрида всё ещё повторяет его имя. Акселю

удаётся поднести телефон обратно к уху. Он хрипит:

— Фрида? Слушай меня. Что бы ни говорил Якоб, он прав. Думаю, тебе стоит вызвать полицию. Пусть они блокируют больницу.

Фрида что-то говорит, но Аксель не разбирает. Потому что в этот момент что-то происходит. Вигго перестаёт жевать. Он поднимает голову и, кажется, прислушивается. Его движения неуверенные, дёрганные.

Дело не в том, что Аксель издал какой-либо громкий звук. Скорее, Вигго просто внезапно потерял интерес к Миккелю и переключил внимание на ближайшее окружение.

И когда он поворачивает голову, его чёрные глаза фиксируются на Акселе, и Аксель чувствует, как его внутренности превращаются в воду. Нижняя часть лица Вигго блестит от свежей крови, кусочки кожи застряли в зубах, когда он оскаливается, рыча на Акселя.

Затем Миккель поднимается на ноги и идёт к нему.

Том едва притворяется, что слушает непрерывную болтовню своего напарника.

Если бы ему пришлось составить список способов, как он хотел бы провести субботу, это оказалось бы в самом низу. Брести в гору, мёрзнуть в парке, икры горят огнём. Добавьте к этому перспективу того, что до наступления темноты ему, скорее всего, придётся разгребать настоящую жопу.

Зачем этому мёртвому мудаку понадобилось появиться в моём районе?

Том был шерифом округа Торик почти десять лет, до того пять лет прослужив заместителем. Он родился и вырос здесь, и с ним никогда не случалось ничего подобного. Самое сумасшедшее, с чем ему приходилось иметь дело, — это тот парень, который избил жену до полусмерти. А, и ещё та пара, которую убил медведь во время пикника.

Этого было достаточно. Но это не было чем-то, что могло бы вызвать национальный интерес.

Замёрзший мужик, найденный в лесу, очнувшийся и устроивший хаос, разносящий какую-то неизвестную болезнь. Вот это уже материал для первой полосы. Тому уже позвонили три журналиста.

— ...И вот когда я наконец собрал круг — так это называется, знаешь? Тот вращающийся стол — я, наверное, где-то

напортачил с проводкой, потому что он крутился слишком быстро. — Юнгерсен, который на десять лет младше Тома и, очевидно, имеет гораздо меньше проблем с подъёмом в гору, сердечно смеётся. — Первый раз, когда она попыталась вылепить горшок, вся эта штука полетела, прямо в стену. Бух! Звук, который она издала, говорю тебе, был уморительный.

— Не сомневаюсь, — бормочет Том, останавливаясь, чтобы осмотреться, делая вид, что не запыхался. — Ты видишь ту избушку где-нибудь?

Юнгерсен наконец перестаёт говорить и оглядывается. Чуть больше двух часов дня, самый светлый период, хотя и не очень светлый. Небо прояснилось, солнце светит над лесом, но всё ещё блесит от инея.

— Да! — говорит Юнгерсен, указывая. — Кажется, вижу!

Том смотрит в направлении, куда показывает напарник, сначала ничего не замечая. Затем, присмотревшись, он различает коричневый квадратик, наполовину скрытый за огромной сосной.

— А, точно, — бормочет он, думая: Как, чёрт возьми, он разглядел это отсюда? Надо проверить зрение. Старость — не радость.

Они проходят последние несколько сотен метров. Достигнув избушки, Юнгерсен наконец прекращает тараторить о приключениях своей жены с гончарным кругом. Вместо этого он смотрит на Тома.

— Так, считать ли это местом преступления?

— Если под этим ты подразумеваешь, что мы не сильно тут намусорим, то да. Но не слишком увлекайся. Я правда не ожидаю здесь ничего найти.

— Понял. Скажи, что нужно делать.

— Пока что мне нужно, чтобы ты помолчал, — говорит Том, подходя, чтобы заглянуть в открытую дверь. Это старая охотничья избушка. Одна из тех, что построили в начале века из одного только дуба и с отличным мастерством, таких уже почти не встретишь. Ничего особенного, кроме пяти вещей, которые Том сразу замечает.

Кусок верёвки, всё ещё привязанный к стропиле. Царапины на стропиле. Опилки и грязь на полу. Опрокинутый стул. И ботинки мужика.

Том достаёт телефон и пытается включить камеру.

— Почему эта чёртова штука не работает?

— Ты, эм, не сможешь это сделать в перчатках, Том.

— А, точно. Я же знал.

Он нехотя стягивает перчатку зубами и делает несколько снимков.

— Странно, да? — спрашивает Юнгерсен, указывая через плечо Тома на стропило. — Эти царапины на дереве. Разве не говорили, что у того мужика кончики пальцев отсутствуют?

— Да, говорили, — говорит Том, раздражённый тем, что Юнгерсен тоже всё сложил. — Полагаю, теперь мы знаем, куда они делись. — Он жестом указывает на пол. — Насколько

я могу судить, это ногти.

Выражение лица Юнгерсена, когда он разглядывает сло-
манные ногти среди щепок, доставляет Тому определённое
удовольствие.

— Боже. Зачем ему это?

— Это мы здесь и выясняем. — Чувствуя, как Юнгерсен
жжёт ему затылок взглядом, Том продолжает: — Почему бы
тебе не осмотреть окрестности? Посмотреть, не наткнёшься
ли на что-нибудь интересное.

— Конечно. — Восторг в голосе Юнгерсена заставляет
Тома захотеть пнуть его. Но по крайней мере тот отходит и
начинает обыскивать землю вокруг избушки.

— Ладно, — бормочет Том, приседая на корточки. — По-
смотрим, что тут у нас есть. — Он сидит так полминуты, раз-
мышляя. Пытается представить, как тот парень висит там.
Раскачивается взад-вперёд. Синетой в лице.

Том наклоняется и поднимает кусочек дерева со стропи-
лы. Оно не гнилое и даже не очень изношенное. Его не ели
черви или термиты. Значит, стропило такое же прочное, как
и выглядит.

Как, чёрт возьми, мужику удалось почти проскрестить его
насквозь?

Что-то здесь не сходится. Это раздражает его ещё больше.
Он очень надеялся, что в этом деле не будет больше неочи-
данностей. Что всё будет просто. Но это только добавило за-
гадочности.

В первую очередь. Как нам выяснить, где жил этот мужик?

Опознать тело не удалось, и вряд ли когда-нибудь удастся. О нём не сообщали как о пропавшем, а значит, он, вероятно, был отшельником, жившим где-то тут один. Если он никогда не совершал ничего противозаконного, у них даже не будет его ДНК в базе.

Том смотрит на стул. Он старой модели. Ничего особенного. Мог быть из любого старого дома в этих краях. Единственное, что он раскрывает, — мужик знал, что собирается сделать, когда шёл сюда. Иначе зачем ему было брать верёвку и стул?

Том поднимает палку и, наклонившись, подтягивает один из ботинок. Он переворачивает его и смотрит на подошву, не очень понимая, что надеется найти. То, что он находит, заставляет его замереть.

— Эй, Юнгерсен?

Его напарник возвращается за считанные секунды.

— Да, Том?

— Взгляни-ка на это. Вещество в протекторе.

Юнгерсен присаживается рядом с ним на корточки.

— Хм. Любопытно.

— Да, я так и подумал. Это засохшая глина, верно?

— Я бы сказал, определённо.

— И какого она тебе цвета?

— Бирюзовая.

Том смотрит на него.

— Это модное слово для синего, да? Разве ты не говорил, что твоя жена недавно достала какую-то синюю глину?

Юнгерсен кивает, хмурясь.

— Да.

— И?

Юнгерсен моргает.

— И что?

— И где она её взяла?

Юнгерсен на мгновение задумывается.

— Её продала ей пожилая женщина. Она достала её со своего заднего двора, насколько я помню. Не уверен, где она жила, но не в посёлке. Она была с другой стороны холма где-то.

Том чувствует, как что-то отпускает у него внутри. Впервые за день он улыбается.

— Ты понимаешь, что это значит, да?

— Что нам нужно найти эту женщину?

— Это тоже. Но это также означает, что это может стать проблемой кого-то другого.

— Как так?

Том выпрямляется, крихтя, когда хрустят колени.

— Другая сторона холма — не округ Торик. Если мужик жил там, неважно, что он убил себя на нашей территории. Этим делом должен будет заниматься шериф оттуда. — Перспектива избавиться от всей этой истории в считанные часы наполняет его внезапной энергией.

— О. Ну, это почти жаль, — говорит Юнгерсен, пожимая плечами. — Мне казалось, это очень интересно, понимаешь? Наконец-то что-то захватывающее.

— Захватывающее? — повторяет Том, приподнимая бровь. — По сравнению с чем, с домашней керамикой? — Не дожидаясь ответа Юнгерсена, Том разворачивается и быстрым шагом идёт обратно вниз с холма. — Пошли, мы уходим.

Аксель отступает, ноги движутся сами по себе. Похоже, они решили унести его отсюда к чёртовой матери, хотя он не может оторвать глаз от Вигго. Или, скорее, от того, что когда-то было Вигго.

Потому что бедняга мёртв. Это слишком очевидно, чтобы сомневаться. Аксель видел достаточно трупов, чтобы знать. Даже если этот движется.

Аксель также смотрел множество фильмов про зомби. Какое-то время он был одержим нежитью. Так что он знаком с разными типами зомби. Тягучими, спринтерами, визгунами, стонущими.

Вигго определённо относится к медленным. Его движения вялые, шаткие, затруднённые. А звуки, вырывающиеся из его горла, приглушённые, гортанные. Именно так, как можно было бы ожидать от движущегося трупа.

Что удачно, потому что будь он чуть быстрее, Аксель мог бы не успеть увернуться.

Он натывается на стену. Вигго издаёт хрип и ускоряется, протягивая руки, стремясь сократить расстояние между ними.

— Отвали от меня! — выкрикивает Аксель, прыгает в сторону и вываливается в коридор.

На полсекунды он задумывается, не рвануть ли к лифту.

Он всё чётко видит. Как он может чисто сбежать. Просто оставить Даля и двух других врачей на неприятный сюрприз. Он мог бы подняться наверх, найти Якоба и Фриду и обратиться из больницы до того, как всё полетит в тартарары.

Но он не может этого сделать.

Поэтому он бежит вместо этого в патологоанатомическое отделение, врываясь в дверь.

— Даль!

— Какого чёрта, Ларсен? — оборачивается посмотреть на него Даль, недоверчивый. — Почему ты...

— Послушайте меня! — говорит Аксель, часто дыша. — Все!

Даль, не привыкший, чтобы его перебивали, моргает от удивления. Аксель внезапно оказывается в центре внимания всех трёх врачей. И тут он понимает, что у него есть секунд двадцать, чтобы объяснить ситуацию, заставить их понять, в какой опасности они находятся.

— Это очень серьёзно, — начинает он. — Тот парень, который погиб в аварии... он ожил. Но не по-настоящему. Он зомби. Это значит, он всё ещё мёртв, но двигается. Он очень, очень опасен. Нельзя его трогать. Он нападёт. Его единственная цель — пожирать плоть, и он...

— Что ты вообще несёшь? — перебивает Горан, качая головой с недоверием. — Пациент очнулся?

— Да, но не так, как вы думаете. Как я сказал...

— Где он сейчас? — хмурясь, спрашивает Даль.

— Он идёт, — говорит Аксель. — Он идёт за нами.

Как будто в подтверждение его слов, Вигго распахивает дверь за ним. Аксель уже отошёл в сторону и отступает дальше, когда труп входит в комнату, пошатываясь.

— Господи Иисусе, — восклицает Горан. — Он и правда не мёртв...

— Мёртв! — настаивает Аксель. — Послушайте меня! Это не какая-то болезнь. Он мёртв, и он собирается...

— Заткнись, Ларсен, — рычит Даль, шагая вперёд. — Мы должны помочь ему. Горан, второй ящик. Лоразепам. Я его придержу.

Вигго направляется к Далю, протягивая руки.

— Нет, Даль, не надо! — кричит Аксель, но уже поздно.

Даль и Вигго встречаются в неловком, на первый взгляд, объятии. Даль хватает Вигго за плечи, пытаясь прижать его к земле. Однако Вигго царапает руки Даля, вытягивая шею вперёд, пытаясь дотянуться ртом до его головы и груди, зубы щёлкают слышно.

— Он в полном бреду, — говорит Даль, умудряясь поставить Вигго на колени, наклоняясь, чтобы как можно мягче уложить парня на пол. — Где этот укол, Горан!?

Другой врач наконец приходит в движение, роясь в металлическом шкафу. Он достаёт шприц и флакон.

Аксель просто стоит там, прижавшись к углу, наблюдая за разворачивающейся сценой. Как и женщина-врач, только на противоположном конце. Аксель видит на её лице то же

неверие, что и на своём.

Пока врач приближается с теперь уже наполненным шприцем, Далу удалось более-менее зафиксировать Вигго в гуманистическом захвате, скрестив его руки на груди и прижав одной ногой к бёдрам. Голова Вигго всё ещё свободна и может двигаться, и он изо всех сил пытается дотянуться до Даля. Кажется, костюм, несмотря на попытки Вигго разорвать его, ещё не повреждён, и Даль не был поцарапан или укушен. Но это не продлится вечно; ткань явно не усиленная. Она предназначена только для защиты от бактерий, а не от атак ногтями и зубами.

— Придержи ему голову, — инструктирует Даль, когда Горан присаживается рядом. — Он поранится.

Аксель близок к тому, чтобы разразиться визгливым смехом. Ситуация уже была сюрреалистичной. Теперь, когда врачи пытаются как можно мягче усыпить уже мёртвого парня, чья единственная забота — сожрать их лица, всё превращается в безумие.

Они врачи, — думает он. У них десятилетия медицинской подготовки. Они видят только пациента. Как, чёрт возьми, мне убедить их в обратном?

— Я правда не думаю, что это сработает, — слышит он собственный голос.

Горан пытается подсунуть руку в перчатке под голову Вигго, чтобы тот не стучался головой об пол, пока Даль всё ещё занят удержанием парня.

— Осторожно, — кричит Даль. — Надо исходить из того, что он заражен. Не дай ему...

— Ай! — вскрикивает Горан, когда Вигго делает именно то, от чего Даль пытался его предостеречь.

Врач отдергивает руку, и раздаётся звук рвущейся ткани. Вигго удалось вцепиться в мягкую внутреннюю часть запястья Горана. Когда врач оттягивает руку, его лучевая артерия, должно быть, разорвана, потому что поток крови брызгает в лицо Вигго. Горан издаёт крик боли и шока. Даль тоже ревёт. Женщина-врач ахает, поднося руки к маске.

Вигго, с другой стороны, кажется, единственный, кто наслаждается происходящим. Он жадно слизывает кровь, льющуюся на него.

— Господи помилуй, — сквозь стиснутые зубы кричит Даль. — Я же сказал быть осторожным, чёрт возьми!

— Господи, он меня здорово цапнул, — выдыхает Горан, зажимая руку над запястьем, пытаясь остановить кровь. — Мне нужно... продезинфицировать это...

— Дай сюда иглу, Горан.

Горан рассеянно передаёт Далью шприц, затем встаёт и пошатываясь направляется к шкафу.

— Помоги мне тут, Аннемари.

Женщина-врач моргает, её голова поворачивается, руки дёргаются, но она не сходит со своего места у стены. Она напоминает Акселю робота, пытающегося восстановить контроль над собственной системой, но безуспешно.

Горан снова начинает рыться в ящиках, пока Далию удаётся снять защитный колпачок с иглы, используя сгиб другой руки, которой он всё ещё прижимает обе руки Вигго. Даль получил кратковременное преимущество, поскольку Вигго на мгновение занят попытками облизать собственное лицо.

— Где чёртов этанол? — кричит Горан, открывая следующий ящик. Чтобы искать в шкафу, он не может как следует держать рану, и он сильно кровоточит, лужа образуется вокруг его ботинок.

Всё летит в тартарары, — думает Аксель. Надо было просто бежать.

Он всё ещё может это сделать. Но не может перестать наблюдать за разворачивающейся ситуацией.

Горан находит пластиковую бутылку и открывает крышку. Он щедро поливает жидкость прямо в рану, сипя от боли. Затем он хватает рулон бинта и начинает перевязывать запястье.

Даль вонзает иглу в шею Вигго, вводя всю дозу. И к удивлению Акселя, Вигго действительно перестаёт сопротивляться. Он ещё несколько секунд дёргается, челюсть открывается и закрывается. Его глаза моргают, открываются, снова моргают, а затем закрываются. Из него вырывается долгий, протяжный стон.

Даль держит ещё мгновение, убеждаясь, что безопасно, прежде чем отпустить захват. Руки Вигго безвольно падают по бокам.

— Господи, — бормочет Даль, откидываясь на пятки и качая головой. — Ничего подобного не видел. — Кажется, он говорит сам с собой.

— Думаю... думаю, я в порядке, — говорит Горан, показывая свою свежеперевязанную руку. — Мне понадобятся антибиотики, на всякий случай. — Он направляется к дверям, затем пошатывается и чуть не падает.

— Садись, — требует Даль. — Ты потерял много крови, Горан. Я позвоню, пусть тебя оформят. Но пока тебе всё равно нужно оставаться в изоляции. Что означает...

В этот момент ситуация переходит из относительно спокойной в полный хаос.

Вигго садится так резко, будто его встряхнуло адреналином. Это происходит так быстро, что никто, кроме Акселя, этого не видит. Даль, всё ещё стоящий на коленях рядом с парнем, всё внимание обращено на коллегу. Поэтому он не видит, как Вигго широко открывает пасть и наклоняется.

Только когда зубы разрывают ткань и впиваются в его шею, Даль ревёт.

— Отвали от меня!

В голосе Акселя есть что-то, чего Фрида никогда раньше не слышала. Страх.

Кажется, он больше не обращает внимания на телефон. Звучит так, будто он убран в карман, звуки приглушённые и далёкие. Она слышит шаги. Чей-то стон.

— Что он сказал? Он в порядке?

Фрида поворачивается к Якобу. Он уже сидит, его выражение лица — тревога, граничащая с паникой.

— Я... думаю, да, — бормочет Фрида, стараясь не выдать собственный страх. Она прерывает звонок и скрещивает руки.

— Ну и что он сказал? — требует Якоб.

— Он сказал, что... — Фрида сглатывает. Она не хочет его беспокоить. Он и так пережил многое, и последнее, что ему нужно, — это ещё больше расстраиваться. Но то, что происходит в подвале, очевидно серьёзно, и они все могут оказаться в опасности. Она не хочет ему лгать.

«Пусть блокируют больницу», — сказал Аксель.

Когда она спросила, что именно происходит, он не ответил. Но она знает его достаточно хорошо, чтобы понимать, что он никогда не скажет ничего подобного просто так. Он вообще-то спокойный, уравновешенный. Если он считает,

что есть реальная причина для таких радикальных мер...

— Что он сказал? — снова спрашивает Якоб. — Скажи мне!

— Он сказал, что... ты был прав. — Она смотрит ему прямо в лицо. — Что нам следует... ввести режим чрезвычайной блокировки.

Якоб резко вдыхает, затем начинает часто дышать.

— Я знал... я знал... Вигго был прав... это... всё закончится плохо...

— Всё в порядке, — говорит Фрида, пытаюсь успокоить и себя тоже. — Я поговорю с кем-нибудь.

— Нет, нет времени, — говорит Якоб, сбрасывая одеяло и спуская ноги с кровати. — Нам нужно убираться отсюда, прямо сейчас...

— Подожди, — говорит Фрида. Она подходит и успевает подхватить его, как только тот готов рухнуть на пол. — Ты никуда не пойдёшь. Тебе нужно остаться здесь и позволить мне...

— Не могу! Мы не можем оставаться! Ты что, не понимаешь? Это распространится на всех в этом здании! Могут остаться считанные минуты! Если мы не уйдём прямо сейчас, будет слишком поздно!

— Ладно, ладно! — Фрида повышает голос, почти крича на него, и это наконец заставляет его замолчать. — Слушай. Мы уйдём, хорошо? Если это так серьёзно, как сказал Аксель, я уведу тебя отсюда.

Якоб выглядит чуть менее встревоженным, но всё ещё часто дышит.

— Однако, — продолжает она, — в этой больнице сотни других людей. Я должна подумать и о них тоже. А значит, мне сначала нужно с кем-то поговорить. Затем, возможно, вызвать власти.

Якоб начинает качать головой.

— Они тебе не поверят. Они не поймут.

— Я сделаю всё возможное, чтобы они поняли, — говорит она. — Но сначала ты должен помочь мне понять. Так скажи мне... что, чёрт возьми, это такое?

Дороги здесь ужасные. Поскольку ими пользуются так мало людей, их лишь поддерживают в проезжем состоянии, и не более того.

Том едет так быстро, как только осмеливается, избегая любых выбоин на асфальте. Тем не менее, объезд вокруг холма занимает добрый час.

— Не могу поверить, что ты заметил цвет глины, — говорит Юнгерсен. — Это же почти как в «Полиции Майами».

Том фыркает.

— За исключением погоды.

— Но представь, если эта зацепка сработает, — продолжает Юнгерсен. — Если мы найдём этого парня по нескольким граммам глины под ботинком. Это было бы потрясающе.

— Да, ну, не будем пока что строить надежды.

Хотя Том не может не надеяться. Ему бы ничего больше не хотелось, как позвонить соседнему шерифу и сказать: «Чур, не я», а затем поехать домой. Он может даже успеть посмотреть фильм до того, как Сюзанна вернётся домой. В последнее время несколько часов наедине с его креслом-качалкой, потягивая виски и смотря телевизор, — это всё, чего он просит. Жизнь становится проще с возрастом, и все эти утомительные мечты и амбиции наконец умирают.

— Впереди Бодум, — говорит Том, когда впереди появ-

ляются первые дома. — У тебя уже есть тот адрес?

Юнгерсен проверяет телефон.

— Да, она только что прислала. Гамлагата, 11.

Въезжая в посёлок, Том сбавляет скорость и следит за указателями на каждой боковой улице. Бодум и правда жалкая дыра, старые дома со стариками, доживающими свой век. Ни магазина, ни школы, ни даже автобусной остановки в поле зрения.

— Вон там, — говорит Юнгерсен, указывая. — Гамлагата.

Они поворачивают налево, поднимаясь ещё выше в гору, узкая дорога ведёт их снова к окраине посёлка. На последнем доме на замшелом камне выведен номер 11.

— Это оно? — спрашивает Том, паркуясь.

— Полагаю, что да, — пожимает плечами Юнгерсен. — Я здесь никогда не был; она сама забирала.

— Тогда пойдём узнаем.

Они выходят из машины. Том никогда не носит форму, если есть возможность, и в большинстве случаев это так. Его машина тоже выглядит гражданской, выдаёт её только номер. Всё же он уверен, что по крайней мере некоторые соседи заметили незнакомый автомобиль и, вероятно, сейчас наблюдают за ними из окон. Однако дом №11 расположен довольно уединённо, с высокими живыми изгородями по периметру и парой старых берёз, склонённых над крышей.

На почтовом ящике фамилия «Х. и Х. Петерсен». Пожилая пара, без сомнения.

— Просто постучать? — спрашивает Юнгерсен, останавливаясь перед дверью. Это одна из тех старомодных массивных дверей из красного дерева, которую невозможно выломать ничем меньше бульдозера.

— Ну, какие у тебя ещё предложения? Может, начнём распевать колядки в надежде, что они нас услышат?

Юнгерсен, кажется, не улавливает язвительного замечания.

— Просто если появятся два полицейских, они могут испугаться и не захотеть с нами разговаривать. У них есть право ничего не говорить.

— Но они этого не знают. Поверь, они будут рады помочь полиции.

Том стучит в дверь.

Ничего не происходит. Пробегает холодный ветерок, заставляя обоих содрогнуться, а ветви над головой — шуршать.

— Не думаю, что они пользуются этой дверью, — бормочет Том.

— Да?

— Нет. Видишь эту кучу листьев? — Он указывает на пирамиду из листьев, прислонившуюся к углу двери. — Это говорит мне, что дверь не открывалась неделями.

— Думаю, ты прав. Может, поищем другой вход?

Том оглядывает сад, замечая, как заброшенно он выглядит. Обычно старики гордятся тем, что содержат свои сады

в презентабельном виде, но этот выглядит так, будто к нему не прикасались с ранней осени. Трава высокая и жёлтая, листва повсюду, а между плитками дорожки, ведущей к улице, растёт мох.

— Не уверен, что это поможет, — говорит он. — Не думаю, что здесь кто-то ещё живёт. Но давай, посмотрим не помешает.

Они обходят дом. Том проверяет каждое окно по пути, но жалюзи задернуты.

Задний сад больше, чем ожидал Том. Там есть клумбы, деревянная терраса, гамак, две яблони и небольшой холм сзади. Довольно очевидно, что тот, кто здесь жил, проводил в саду много времени. Также очевидно, что с тех пор, как они ступали сюда, прошло уже немало времени.

Террасная дверь есть, но она заперта. Том не тратит время на стук. Вместо этого он оборачивается и осматривает сад.

— Итак, эта синяя глина... думаешь, она взяла её оттуда внизу?

Юнгерсен смотрит в сторону холма. Даже отсюда видно, что кто-то рыл в его склоне. Они проходят через лужайку и находят тачку, лопату и кучу кирпичей, лежащих рядом с проделанным в холме входом высотой в человеческий рост. Трава вокруг ямы вытоптана, видны следы синей глины.

— Джекпот, — улыбаясь, говорит Юнгерсен. — Похоже, это и правда то место.

— И это вполне могут быть следы нашего парня, — гово-

рит Том, отодвигая помощника в сторону, когда тот уже готов подойти ближе. — Не испорти их.

— О, прости.

Пока Том приседает, чтобы сделать снимок, Юнгерсен заглядывает внутрь холма.

— Здесь действительно глубоко. Как думаешь, что он копал?

— Думаю, хотел сделать очаг. Видишь ту железную чашу? Это такой тип для кострища.

— Но для такого дела это слишком глубоко, — продолжает Юнгерсен. — Как будто он пытался прорыть насквозь. Блин, на это, должно быть, ушли недели.

Том включает фонарик на телефоне и светит в яму. Юнгерсен прав; здесь действительно глубоко. Скорее туннель, чем яма. Стенки состоят из земли и глины, большей частью синеватой.

— Эй, смотри, — говорит Юнгерсен, указывая. — Что это там? — Не успевает Том что-то сказать, как Юнгерсен заходит внутрь. Туннель как раз достаточно высокий, чтобы он мог стоять прямо. Он проходит несколько метров, опускается на колени и поднимает что-то. Когда он поворачивается, чтобы показать, Том видит, что это кусок ткани. Красная клетка, прямо как рубашка на том мертвеце.

— Хорошая находка, — неохотно бормочет Том. — Думаю, можно предположить, что мы в нужном месте.

Юнгерсен приглядывается к стене, когда что-то привле-

кает его внимание.

— Господи. Ты должен это увидеть, Том.

Том уже собирается зайти внутрь, когда внезапно получает странное чувство. Ещё один порыв ледяного ветра пролетает мимо, и мельчайшие волоски на затылке встают дыбом.

Здесь что-то совсем не так.

Он не совсем понимает, что означает эта мысль. Но у него есть это шестое чувство, которое не раз помогало ему в жизни, когда он оказывался на пороге опасной ситуации.

— Смотри, — настаивает Юнгерсен, махая ему. — Это просто безумие.

— Что? — спрашивает Том, озираясь по саду. Они по-прежнему одни. Но уже не так чувствуется. Такое ощущение, будто кто-то рядом, наблюдает за ними.

— Это руны, кажется.

— Руны?

— Да, смотри. Они повсюду.

Том наклоняется в проём ровно настолько, чтобы разглядеть нацарапанное на стене. Юнгерсен прав; это действительно похоже на руны. Не то чтобы Том был каким-либо экспертом в этом вопросе, но он видел их в фильмах и раз или два в музее.

— Да, отлично, — бормочет он. — Думаю, нам пора уходить, Юнгерсен.

— Погоди, здесь ещё есть, — говорит Юнгерсен, заходя дальше. — Эти труднее разобрать. Не похоже, что их выре-

зали недавно. Они выглядят очень старыми.

— Юнгерсен, — говорит Том, с каждой секундой чувствуя себя всё более напряжённым. — Мы уходим.

Его напарник, очевидно, не ощущая тревоги, как Том, заходит ещё дальше.

— Святое дерьмо, — говорит он, его голос теперь отдаётся эхом. — Это место... оно огромное! Он не выкопал это, Том. Он нашёл его. Думаю, это... что-то вроде гробницы.

Том уже чувствует головокружение от нарастающей паники.

— Юнгерсен, я не буду повторять. Вали свою задницу обратно!

Наконец Юнгерсен улавливает серьёзность в голосе Тома. Он оборачивается и смотрит на него, его выражение лица смущённое.

— Что такое, Том? Что не так?

Тому так и не удаётся ему сказать.

В этот момент из темноты позади Юнгерсена материализуется фигура. При свете телефона Юнгерсена Том видит измождённое, похожее на скелет лицо. В основном кожа да кости, с зияющими пустыми впадинами вместо глаз и лохматой бородой, облепившей челюсть. Он мельком осознаёт, что это лицо принадлежит чему-то древнему и зловещему. Чему-то, что когда-то могло быть человеком. Это что-то прямо из кошмара. Это самая ужасная вещь, которую Том когда-либо видел.

Затем существо широко открывает пасть, обнажая ряды сломанных жёлтых зубов, как раз перед тем, как вонзиться в плечо Юнгерсена.

Выражение лица молодого человека сменяется болью и шоком. Он уже готов вскрикнуть, когда огромная рука, состоящая в основном из костей, хватает его за лицо. Другая рука обвивается вокруг его груди, и именно в этот момент он роняет телефон.

Последнее, что видит Том, — это как его напарника утаскивают в темноту, его приглушённый крик поглощается землёй.

Затем Том разворачивается и бежит.

Если рана Горана кровоточила сильно, то то, что хлещет из шеи Даля, похоже на водопад.

Однако на этот раз Вигго не довольствуется просто укусом. Он вцепляется, как ротвейлер, обвивает руками шею Даля и вгрызается в его плоть.

Аксель наконец может двигаться. Он бежит к женщине-врачу.

— Идём со мной, нам нужно убираться отсюда!

Она даже не смотрит на него, её глаза прикованы к Далю, который борется с Вигго.

— Эй! — кричит Аксель, хватая её за руку. — Ты следующая, если не пойдёшь со мной!

Она моргает и смотрит на него, но всё ещё не делает попытки двигаться.

Поэтому Аксель просто тащит её за собой. Сначала она немного сопротивляется. Затем, когда она, видимо, понимает, что они удаляются от кошмарного зрелища, начинает следовать за ним. Аксель тащит её по коридору, не отрывая взгляда от лифта и пути к спасению. Сзади до них доносятся отголоски криков Даля и Горана из патологоанатомического отделения.

Они в двадцати футах, когда дверь в патологоанатомическое отделение распахивается, и перед ними появляется, по-

шатываясь, Ранфельт.

Блядь! Я думал, у нас больше времени, прежде чем он очнётся...

По сравнению с Вигго, Ранфельт выглядит куда страшнее. Кожа на его лице содрана, нос обглодан до обрубка, один глаз отсутствует. Увидев вновь умершего санитаря, женщина-врач резко останавливается и вырывается из захвата Акселя.

— Нет, стой! — говорит он ей. — Не возвращайся... здесь нет других выходов.

Женщина не слушает, и Акселю приходится бежать, чтобы догнать её. На этот раз она отбивается, и он сильно трясёт её.

— Послушай меня! Ты, блядь, умрёшь, если не сделаешь, как я говорю!

Дзынь!

Аксель резко оборачивается и видит, как открывается лифт. Двое мужчин, один в халате врача, другой в обычной одежде, выходят из лифта. Врач занят просмотром планшета, а другой парень разговаривает с ним. Только когда они улавливают приглушённый предсмертный крик из патологоанатомического отделения, они поднимают глаза. Ранфельт поворачивается к ним с жадным стоном.

— О, Господи! — вскрикивает гражданский.

— Возвращайтесь в лифт! — кричит Аксель. — Давайте, быстро! — Затем, вспомнив, что сказал Даль, добавляет то,

что, как он предполагает, они воспримут всерьёз: — Он заразен!

Мужчинам не нужно дальнейших инструкций, они чуть не падают друг на друга, пытаясь вернуться в лифт. Врач нажимает кнопки, и двери начинают закрываться.

Аксель и женщина-врач затаив дыхание наблюдают, как Ранфельт бросается к лифту. Но он слишком медленный. Аксель понимает, что тот не успеет.

Затем тот спотыкается о собственные ноги и падает плашмя. Его руки проникают внутрь лифта, и двери сдавливают их на секунду, затем, встретив сопротивление, снова открываются.

— Нет, о, нет! — кричит гражданский, вжимаясь в угол.
— Уберите его от меня!

Врач долбит по кнопкам, и двери начинают закрываться во второй раз. Но Ранфельт всё ещё мешает, и он методично поднимается. Двери на мгновение сдавливают его плечи, затем снова открываются.

Парень в рубашке кричит, когда Ранфельт входит в лифт, героически подталкивая врача вперёд. Врач, очевидно, в ужасе от лица Ранфельта, держит планшет как щит, прижимая его к груди Ранфельта, пытаясь оттолкнуть. Ранфельт тут же вонзается зубами в тыльную сторону его руки, и врач вскрикивает от боли.

Другой парень пользуется возможностью, чтобы рвануть. Он мчится по коридору, пробегая мимо Акселя и женщи-

ны-врача, не удосужившись взглянуть на них.

— Нет, подожди, — начинает Аксель, но парень уже слишком далеко.

Он будет загнан, как крыса, здесь внизу.

Аксель не был во всех комнатах подвала, но он знает, что там нет других лифтов, лестниц, окон. Даль рассказывал ему об этом, когда он начал здесь работать.

— Чёртова противопожарная ловушка. С тех пор как они отрезали восточную часть подвала, они также закрыли лестницу. Говорю тебе, это абсолютно незаконно. Это должно было быть временно, на неделю, но потом случились сокращения бюджета, и строительство приостановили.

Что означает, единственный путь наверх — это лифт перед ними.

Врач пытается отбиться от Ранфельта, теперь используя планшет как дубинку, ударяя его по голове. Ранфельт почти не обращает на это внимания. Он просто пригибается и атакует грудь врача, разрывая её когтями.

Он тоже кончен, — думает Аксель. Нам нужно —

Когда он оборачивается, двери в патологоанатомическое отделение распахиваются, и выходит Вигго. Его лицо и шея залиты свежей кровью, и его чёрные глаза немедленно фиксируются на них. Аксель больше не слышит ничьих криков или воплей из патологоанатомического отделения.

Они оба мертвы. Они очнутся через минуту-другую.

На долю секунды его охватывает приступ слепой паники.

Он в ловушке. Полностью загнан в угол. Его живьём съедят.
Затем он понимает, что есть один последний выход.
— Идём со мной, — говорит он, увлекая женщину-врача
за собой, направляясь в морг.

Святое дерьмо! Что это было? Что это было!?

Разум Тома путается, пока он бежит обратно через сад, несколько раз почти спотыкаясь о высокую заиндевевшую траву.

Предсмертный крик Юнгерсена всё ещё звенит в ушах. Образ существа, нависающего над ним, выжжен в памяти. Юнгерсен не низкого роста — около метра девяносто — и тем не менее то, что напало на него, было по крайней мере на тридцать сантиметров выше.

Том не считает себя трусом. Он может и не быть храбрецом, но никогда раньше не бросал товарища. До сих пор.

В тот момент, когда это существо утатило его напарника в холм, Том не почувствовал ни малейшего желания помочь ему. Хотя у него при себе было огнестрельное оружие под паркой, он никогда не использовал его на службе, и мысль открыть огонь в темноту даже не приходила ему в голову. Он мог думать только о том, чтобы убраться отсюда как можно скорее.

Он добирается до машины, нащупывает ключи, открывает её и плюхается за руль. Включает двигатель, затем колеблется. Наконец, пробивается рациональная мысль.

Я не могу просто уехать. Потеряю значок.

Бросить место преступления, не говоря уже о сослужив-

це... никак не получится это оправдать. Если Юнгерсен по какому-то чуду выберется из того холма живым, он засвидетельствует факт, что Том ничего не сделал, кроме как поджал хвост и сбежал, даже не попытавшись помочь.

Но даже если Юнгерсен мёртв — как Том сильно подзревает — это будет выглядеть не очень хорошо, если он сам вернётся невредимым, с неиспользованным оружием, перепуганный до смерти, не имея представления, кто или что это сделало.

Я ни за что не вернусь туда.

Если ситуация считается необычайно опасной или противник подавляющий, как при беспорядках или банде нападающих, офицер полностью оправдан в отступлении к безопасности, даже если это означает оставить коллег или гражданских. Но как только он сможет, от него ожидается, что он вызовет подкрепление, а затем будет держать позицию, пока оно не придёт.

Том, хоть и в целом разочарованный жизнью, всё ещё слишком любит свою работу, чтобы получить позорное увольнение. Он не только потеряет пенсию, до которой всего семь лет, но ему будет очень трудно найти новую работу в этих краях. Что означает, что им придётся переезжать. И что скажет Сюзанна?

— Чёрт возьми, — рычит Том, осознавая, что выхода нет.

Поэтому он достаёт телефон и звонит в участок. Проходит целая вечность, прежде чем он начинает звонить. Он прове-

рывает экран и обнаруживает отсутствие связи.

— Господи Иисусе! Здесь нет сигнала.

Он прикусывает губу и смотрит на дом. Очевидно, что там никого не было месяцами. Риск наткнуться на неприятный сюрприз довольно низок. Однако найти там стационарный телефон весьма вероятно. Он подозревает, что все в этой дыре до сих пор используют старые добрые телефоны и интернет, чтобы иметь связь.

Том выключает двигатель. Повернуть ключ и вытащить его из замка зажигания требует от него всей воли. Он проверяет улицу в обоих направлениях, прежде чем выйти из машины. Он всё ещё один. Надеюсь, ни один из соседей не видел, как он бежал, как идиот.

Он выпрямляется, поправляет парку, пытается выглядеть нормально, затем идёт к входной двери. Поскольку нет смысла снова стучать, он просто пробует ручку, ожидая, что она заперта. Но нет. Дверь охотно открывается.

Том настолько удивлён, что просто стоит несколько секунд, глядя в прихожую. Воздух внутри несвежий и спёртый. Что только подтверждает ему, что дом был пуст в течение значительного времени.

— Эй? — говорит он, не желая говорить слишком громко, но вынужденный объявить о своём входе, чтобы это технически не было незаконным проникновением. — Полицейский. Мне нужен телефон. Я вхожу.

Он заходит внутрь и мягко закрывает за собой тяжёлую

входную дверь. Подумав мгновение, он решает повернуть замок. Воспоминание о существе в заднем саду всё ещё слишком живо, и если оно решит поискать способ попасть в дом, нет смысла облегчать ему задачу.

Рядом стоит ряд стариковской обуви и курток, а на стене зеркало. Мельком увидев своё отражение, он замечает, как бледен. Капельки пота на лбу и верхней губе. Он глубоко вдыхает через нос и открывает дверь в дом.

Запах становится немного более навязчивым, гранича с гнилостным.

Наверное, еда с кухни. Всё, наверное, уже заплесневело и сгнило.

Он входит в гостиную, которая выглядит именно так, как он ожидал. Всё такое же старое, как и люди, которые здесь жили. Тяжёлая мебель, ковёр на полу, напольные часы, которые всё ещё тикают, украшения на стенах, камин, полки с фарфором, крошечный телевизор. Единственное, чего он не ожидал, — насколько беспорядок в комнате. Вещи сброшены на пол. Пара свечей, скатерть, несколько фигурок. Шторы, закрывающие окно, в беспорядке, как будто кто-то дёргал за них. Часть мебели передвинута, стул опрокинут.

Кто-то здесь искал? Грабитель, может? Кто-то, понявший, что дом пуст, в надежде найти мешок алмазов?

Он не задумывается об этом больше, потому что на стене у окна видит то, за чем пришёл: телефон. Трубка сброшена с держателя и висит на шнуре. Но кроме этого, он не выглядит

сломанным.

Том на секунду прислушивается. Убедиться, что здесь никого нет. Если кто-то и есть, они абсолютно тихи, потому что дом — как гробница.

Плохой выбор слов, — думает Том, сглатывая, когда вспоминает холм в заднем саду.

Он бросается к телефону и берёт трубку. Нажав несколько раз кнопку соединения, он с облегчением слышит гудок.

Слава Богу!

Он набирает номер участка, мысленно готовясь к тому, что скажет. Пока идёт звонок, Том поворачивается к окну. Шторы белые и слегка прозрачные. Он может разглядеть террасу и лужайку. Пальцем он осторожно отодвигает ткань в сторону.

Его глаза автоматически устремляются к яме в холме. Отсюда она просто чёрная. Бледный дневной свет не имеет никаких шансов против глубокой темноты внутри туннеля.

Пока телефон щёлкает и пытается установить соединение, Том замечает лежащую здесь же на подоконнике открытую книгу. Такая, какую старики держат, чтобы записывать важные номера телефонов. Только, кажется, она полна личных записей. Что-то вроде дневника. Несколько фраз бросаются ему в глаза.

ужасный, сюрреалистический кошмар

древнее существо со сверхъестественными силами

— Что за чёрт? — бормочет Том, поднимая книгу. — Что

здесь происходило?

— Вы дозвонились в полицию Торики, — голос Эриксона сообщает ему. — Мы не можем ответить на ваш звонок в данный момент, но, пожалуйста, оставьте сообщение или свяжитесь напрямую с шерифом Томом Нильсеном по следующему номеру...

— Да вы, блядь, шутите, — рычит Том, хлопая трубкой по держателю. Не думая особо, он засовывает книгу в карман для последующего чтения — это послужит уликой. Эриксен, наверное, в туалете. Этот толстый идиот имеет привычку есть китайскую еду, хотя его желудок её не переносит, так что он, должно быть, занят...

Злая мысль Тома прерывается, когда он замечает движение за окном.

Вздох застревает у него в горле.

Из ямы в холме выходит фигура.

— Ладно, — слышит Фрида собственный голос, когда Якоб наконец перестаёт говорить.

Он смотрит на неё, ожидая её реакции. Его объяснение было быстрым, неровным, сумбурным. Но она уловила суть. Мёртвые возвращаются. Зомби.

Она, конечно, знает это слово. Смотрела тот фильм с Брэдом Питтом несколько лет назад.

— Ладно, — говорит она снова. — Дайте мне просто... подумать.

— Вы мне не верите.

— Нет, верю. Я просто...

...не знаю, как заставить поверить кого-то ещё.

Фрида собирается с мыслями.

— Не волнуйся, Якоб. Я вернусь через пять минут. Поведут мне или нет, мы уходим.

Якоб с облегчением выдыхает.

— Ладно. Хорошо.

Она сжимает его руку, затем выходит из его комнаты, закрывая за собой дверь. Она смотрит вверх и вниз по коридору. Ничего необычного не происходит. На самом деле, день спокойный.

Она чувствует себя совершенно сюрреалистично. На мгновение она задумывается, реально ли это или очень реа-

листочный сон.

Она идёт к лифту в конце коридора, по пути проходя мимо нескольких пациентов. Медбрат подмигивает ей, а хирург проходит мимо, насвистывая.

Фрида чувствует себя шпионом или кем-то с секретом. Зная то, что она знает, разве не должна она рассказать всем? Бегать вокруг и кричать об этом на весь мир?

Но это вызовет лишь панику. Что будет означать, что страдает гораздо больше людей. И кроме того, инфекция — или что бы это ни было — может вырваться наружу.

Вместо этого она просто садится в лифт и едет на первый этаж. Выйдя в холл, она останавливается и смотрит на группу людей, только что вошедших через стеклянные двери. Похоже на целую семью. Все в куртках, перчатках и шапках. Они смеются над чем-то забавным, что только что сказал один из них.

Фрида смотрит на пост медсестёр. Грета, седая старшая медсестра, сидит за компьютером.

Ты можешь это сделать. Иди, скажи ей вызвать охрану. Как только они придут...

— Эй, вот ты где!

Фрида оборачивается и видит, как к ней подходит Оливия своим обычным быстрым шагом. Она держит лоток с образцами мочи.

— Ты от меня пряталась, да? — улыбается Оливия и останавливается. — Рассказываешь всё по секрету, или я всем

расскажу.

Мозгу Фриды требуется несколько секунд, чтобы догнать.

— О, — говорит она, неловко смеясь. — Это.

— Да, это, — говорит Оливия, бросая на неё многозначительный взгляд. — Ну, как он был?

Фрида краснеет, инстинктивно оглядываясь, чтобы убедиться, что никто не слышит.

— Не обязательно рассказывать мне здесь. Слушай, я отнесу это в лабораторию. У тебя перерыв? Можешь пойти со мной и рассказать всё о нём.

Оливия направляется к дальнему лифту, тому, что помечен как «ПЕРСОНАЛ». Это единственный, который идёт в подвал.

— В лабораторию? — глупо повторяет Фрида, идя за ней.

— Да, в подвал. Там с этими малышами разбираются, помнишь?

— Нет, я знаю, где она.

Оливия смеётся.

— Ты сегодня немного не в себе, да? Он был настолько хорош? Или плох?

— Слушай, Оливия. Не могла бы ты... повременить со спуском туда?

Оливия останавливается и смотрит на неё.

— Конечно. Тебе нужно поговорить?

— Не совсем. Просто... — Фрида задумывается на мгновение. Оливия почти на десять лет старше её, и она работает

здесь медсестрой гораздо дольше. Возможно, довериться ей будет умным ходом. Пусть она проинформирует ответственных о происходящем. Они скорее прислушаются к ней.

Проблема в том, поверит ли Оливия? Фрида доверяла ей раньше личные вещи. Но она очень прагматична и также скептична. Та, кто во всех бедах винит либо фармацевтическую промышленность, либо правительство.

И с каждой проходящей минутой Аксель может всё ещё быть там, внизу, в опасности.

Он мог уже заразиться, пока я просто стою здесь...

— Ты уверена, что в порядке? — спрашивает Оливия, её улыбка теперь исчезла. — Ты кажешься сама не своя.

Фрида принимает решение. Если она хочет, чтобы больницу заблокировали, она должна кому-то сказать. И Оливия может быть её лучшим шансом.

— Слушай, — говорит она, отводя Оливию в сторону, пока мимо проходит пожилая женщина, толкающая капельницу на колёсиках. — Ты слышала о тех двух мертвецах, которых привезли раньше, да?

Оливия фыркает.

— Как могла не слышать? Все об этом говорили за обедом.

— Я знаю. Ну, с ними что-то очень не так. То, что у них есть... это очень... необычная болезнь. Она позволяет им двигаться, даже когда они клинически мертвы.

Оливия приподнимает брови, но ничего не говорит.

— Я знаю, это звучит совершенно безумно, — продолжает Фрида. — Но ты должна мне поверить. Это что-то новое. Как вирус, которого раньше никто не видел. Он очень заразный.

— И ты знаешь это... как?

— Аксель только что звонил мне из патологоанатомического отделения пять минут назад.

— Ты уверена, что он не просто разыгрывал?

— Он бы так не поступил, — твёрдо говорит Фрида. — Кроме того, я слышала драку на заднем плане. Думаю, там, внизу, всё может выйти из-под контроля. Думаю, нам следует объявить режим чрезвычайной блокировки.

Произнеся эти слова, она чувствует мгновенное облегчение. Но то, как Оливия сейчас смотрит на неё, заставляет её усомниться в решении довериться ей.

— Кто проводит вскрытие? — спрашивает Оливия. — Даль?

— Полагаю, да.

Оливия ставит лоток на пустую инвалидную коляску, затем достаёт с пояса рабочий телефон и звонит. Она ждёт двадцать секунд. Затем говорит:

— Он не отвечает.

— Я могла бы попробовать ещё раз позвонить Акселю, но...

— Да, сделай это.

Фрида звонит ему. Он тоже не отвечает, что вызывает у неё сильное беспокойство.

— Это не обязательно что-то значит, — бормочет Оливия, прикусывая язык. — Возможно, они просто заняты.

— Нет, не в этом дело, — говорит Фрида. — Пожалуйста, Оливия, ты должна мне поверить. Это действительно происходит. Нам нужно объявить эту блокировку. Я бы сделала это сама, но думаю, они скорее поверят тебе.

Оливия пристально смотрит на неё.

— Ты правда думаешь, что там происходит что-то настолько серьёзное? Настолько серьёзное, что нам нужно блокировать всю больницу?

Фрида вдыхает через нос, вспоминая голос Акселя в трубке.

«О, чёрт... Вигго? Это ты?»

— Да, — говорит она Оливии, не моргая. — Я верю, что это настолько серьёзно.

— Мы в ловушке! — кричит женщина, когда они входят в морг, наконец обретая голос. — Нет выхода! Мы в ловушке! — Она смотрит вокруг, и на её лице написана паника.

— Нет, не в ловушке, — уверяет её Аксель, начиная снимать костюм. — Есть выход, нам просто нужно поторопиться!

Он благодарен за возвращение большей свободы движений. Затем он обматывает костюм вокруг ручек дверей, связывая их вместе импровизированной верёвкой.

Как только он затягивает узел, Вигго с другой стороны натывается на двери. Аксель отступает, сердце колотится, когда он наблюдает, как двери открываются на три дюйма, а затем останавливаются из-за костюма, удерживающего их на месте. Вигго просовывает руку и хватается за него, пытаясь протиснуть своё окровавленное лицо.

— Господи, это не выдержит! — говорит женщина, отступая к дальнему концу комнаты.

— Выдержит, — говорит Аксель, бегом направляясь к шкафу. Он выбирает уже открытую камеру, в которой до нескольких минут назад лежало тело Вигго. Он задвигает полку до упора, затем залезает внутрь, ногами вперёд.

— Что ты делаешь? — визгливо спрашивает женщина-врач. — Я не буду прятаться в одной из них!

— Мы не прячемся, — кричит Аксель, пробираясь внутрь. — Просто доверься мне...

Его голова исчезает в холодной темноте, а ноги достигают конца камеры. Он сильно пинает её и слышит дребезжание петель. Он пинает снова, пытаясь вложить как можно больше силы. Он мельком выглядывает, бросая взгляд на дверь. Вигго всё ещё хватается за воздух, не пытаясь развязать костюм, что было бы довольно легко сделать для кого-то с хотя бы половиной мозга. Ему удалось немного раздвинуть двери, и теперь его торс внутри.

Всё в порядке. Выдержит. Мне нужно всего ещё десять секунд...

Аксель возобновляет пинки по задней части камеры. Женщина что-то кричит, но Аксель это игнорирует. Он сосредотачивается на задаче — единственном, что спасёт их жизни. Он чувствует клаустрофобию и просто общее отвращение, лежа в этом замкнутом пространстве, где, Бог знает, сколько трупов лежало на протяжении лет. Это только заставляет его пинать сильнее. Он краем глаза замечает, что телефон в кармане вибрирует, но добраться до него нет никакой возможности, даже если бы он хотел, поэтому он просто продолжает пинать.

На шестой или седьмой попытке задняя часть внезапно поддается.

— Да! — кричит Аксель, пытаясь разглядеть, но там внизу только темнота. — Сработало! Давай! Мы можем про-

лезть!

Выглянув, он видит, что женщина всё ещё прижата в углу. Её внимание полностью сосредоточено на дверях. Когда Аксель поворачивает голову, чтобы посмотреть в том направлении, он понимает почему.

Вигго всё ещё не сообразил, как развязать костюм, но ему удалось просто налечь на него, что ослабило его. Он фактически проскользнул через двери, но его удерживает на уровне талии костюм. За ним появился Горан и толкается, чтобы присоединиться. Его запястье всё ещё перевязано, но он получил гораздо более серьёзное ранение на шее.

Блядь, сейчас в любой момент всё рухнет, и они—

Костюм не поддаётся, не совсем, но Вигго наполовину наклоняется, наполовину падает, неуклюже приземляясь на пол. Когда он начинает подниматься, женщина начинает кричать.

— Эй! — кричит Аксель. — Сюда! Быстрее!

Кажется, она его не слышит, но она движется в его сторону боком, крадусь вдоль стены. Вигго встал на ноги и шатается за ней, сокращая расстояние, в то время как Горан протискивается через дверной проём за ним, застревая в костюме почти точно таким же образом.

Она не успеет, — думает Аксель, даже пока кричит женщине, надеясь, что какая-то бессознательная, инстинктивная часть её мозга всё ещё способна функционировать и позволяет ей следовать за его голосом. Когда она оказывается в

пределах досягаемости, Аксель протягивает руку, чтобы помочь ей внутрь, но она не берёт её. Поэтому Аксель хватается за плечи и втягивает внутрь. Она кричит и секунду борется с ним. Её голос ужасно визглив внутри камеры. Затем, по видимому, она осознаёт, что он пытается помочь ей, и начинает пробираться внутрь.

Аксель отступает как можно быстрее, выпадая из камеры и приземляясь на ноги с другой стороны. Здесь полная темнота, только свет проникает через камеру. Он чувствует запах пыли, дерева и штукатурки.

Женщина почти прошла, когда её выражение меняется, и она снова кричит.

— Нееет! Отпусти! Отпусти меня!

Она начинает извиваться и пинаться, но, несмотря на её усилия, её тащат обратно через камеру. Аксель бросается вперёд и в последнюю секунду успевает схватить её за запястье. Она впивается ногтями, словно он спасательный круг. Её глаза через визор огромные и испуганные, умоляющие его.

Аксель тянет сильно, удивлённый, насколько сильна хватка Вигго.

На мгновение наступает пауза.

Только когда Аксель упирается ногой в стену и тянет изо всех сил, женщина приближается. Его ладони потные, и он чувствует, как она начинает выskalывать. Затем внезапно Вигго теряет хватку, и Аксель пошатывается назад, когда

женщина вываливается наружу.

Аксель не может видеть её в темноте, но слышит, как она приземляется на пол, издавая звуки боли и усилий.

Однако он видит Вигго, который уже начал протискиваться в камеру, цепляясь, пытаясь подтянуть нижнюю часть тела.

Аксель захлопывает дверцу и прислоняется к ней плечом. Женщина спешит подняться на ноги, вскрикивая от боли, когда Аксель, по-видимому, наступает ей на руку или ногу.

— Прости, — говорит он. — Отойди, пожалуйста. Мне нужно убедиться, что они не смогут пройти.

Он находит ручку и поворачивает её, но она не чувствуется правильно. Вигго стонет и возится внутри. Аксель достаёт телефон и активирует экран, позволяя увидеть дверцу камеры. Рама вся разбита с тех пор, как он выбил её. Когда он двигает ручку, он видит, что засов не находит ничего, за что можно было бы зацепиться.

Ох, блядь...

Всё ещё прислоняясь плечом к двери, он чувствует, как Вигго начинает возиться внутри.

— Послушай меня, — говорит Аксель. — Эй, куда ты делаешь?

Он был так поглощён дверцей камеры, что даже не заметил, что женщина перестала кричать. Он даже не слышит её дыхания в темноте.

Поводя светом вокруг, он нигде её не видит. Комната

очень похожа на ту, которую они только что покинули, за исключением того, что явно не использовалась какое-то время. Пыль покрывает пол и стальные столы вдоль стены. На полу лежит кусок ржавой трубы, а другой кусок свисает с потолка. Капля падает с неё и попадает в лужу воды, образовавшуюся на плиточном полу.

Эта комната была в использовании до того, как лопнула водопроводная труба, и выяснилось, что сантехника нуждается в капитальном ремонте. Было решено, что пока всё не будет готово, нужно временное решение, поэтому они просто начали использовать комнату на другой стороне. Шкафы всегда были предназначены для открывания с обеих сторон: патологоанатомическое отделение с одной стороны и морг с другой.

Даль объяснил всё это Акселью мимоходом, и если бы Аксель не вспомнил об этом в последний момент, он был бы сейчас мёртвым мясом — в прямом смысле.

— Эй? — снова зовёт он, его голос эхом отражается между голыми стенами. — Леди? Всё в порядке, мы в безопасности. Не могла бы ты подойти и помочь мне здесь?

Нет ответа. Аксель нигде не видит женщину. В этой комнате нет двери, только проём, ведущий за угол. По-видимому, женщина сумела найти туда дорогу в темноте, потому что Аксель замечает влажные следы обуви от лужи к углу.

— Чёрт возьми, — рычит он. — Пожалуйста, за то, что спас твою задницу...

Он стискивает зубы и отталкивается изо всех сил, когда Вигго с другой стороны делает толчок и почти удаётся открыть дверцу на дюйм.

Аксель понятия не имеет, куда могла деться женщина, потому что он не знает эту часть подвала. Всё, что он знает, — это где-то есть лестница, ведущая наверх. Если женщина нашла её, она, вероятно, ушла не задумываясь.

Что означает, что Аксель, вероятно, один в темноте. С зомби по ту сторону дверцы камеры.

Том смотрит на человека, медленно выбирающегося из темноты.

Только когда тот полностью выходит из ямы, Том узнаёт своего напарника. И даже тогда это нелегко. Во-первых, Юнгерсен двигается неловко, как марионетка на верёвочках, его движения дёрганные и неуверенные.

К тому же он в плохом состоянии. Его одежда порвана в нескольких местах, а на плече зияет кратер, где укусило существо.

— Чёрт, он выбрался, — выдыхает Том, отрывая взгляд от окна и направляясь к террасной двери. Он отодвигает жалюзи, возится с ручкой, открывает её и машет Юнгерсену, который вышагнул на лужайку, выглядев неуверенно, куда идти. — Эй! — окликает Том шёпотом-криком, не желая, чтобы существо в холме услышало его. — Эй, Юнгерсен! Сюда!

Его напарник, кажется, улавливает его голос, поворачиваясь к дому, как спутниковая антенна. Только тогда Том получает чёткий вид его лица и мгновенно жалеет, что позвал его.

Юнгерсен больше не он сам. Он даже не человек. Том не суеверен. И всё же в тот момент он уверен, что то, что идёт по лужайке, — какая-то разновидность демона.

Что это существо с ним сделало?

Юнгерсен ранен даже хуже, чем Том изначально мог определить. Он выглядит так, будто прошёл через мясорубку. Следы укусов повсюду, его кожа висит кровавыми лоскутами, и несколько костей, кажется, сломаны. Добавьте к этому серый, почти зеленоватый оттенок, который заставляет его выглядеть скорее как труп, чем что-либо ещё.

Но хуже всего его глаза. Чёрные, пустые, блестящие. Как пара бильярдных шаров. Ничего от Юнгерсена в них не осталось.

Том сделал шаг наружу, но теперь отступает. Юнгерсен, очевидно, замечает это, потому что ускоряется, шатаясь на одеревеневших ногах, протягивая обе руки и открывая рот, чтобы простонать на Тома.

Том хватается террасную дверь, захлопывает её и поворачивает замок. Затем отступает ещё на шаг, когда Юнгерсен достигает двери.

Том ожидает, что тот схватится за ручку или, может быть, будет стучать в стекло. Юнгерсен ничего этого не делает. Он просто натывается на террасную дверь, как будто даже не ощущая её присутствия. Затем начинает ощупывать стекло и давить на него, щёлкая зубами на Тома.

Господи помилуй. У него не осталось мозговой деятельности. Не может даже вспомнить, как открыть дверь...

Пока он стоит, уставившись на бывшего напарника, его уши внезапно улавливают шум, исходящий не от Юнгерсена, а откуда-то сзади. Он едва успевает развернуться, прежде

чем на него падает женщина.

— Нет! Отстань!

Он мельком видит её чёрные глаза, выглядящие точно так же, как у Юнгерсена, когда она впивается лицом в его грудь, вцепляясь зубами в парку.

Том пошатывается назад, натыкаясь на террасную дверь, пытаясь оттолкнуть женщину, но она вцепилась в него и ведёт себя как хищник, поймавший добычу. Её руки мечутся, длинные ногти царапают парку, когда она отпускает укус и вместо этого поднимает лицо, целясь в его шею. Том хватается её голову обеими руками, останавливая в последнюю секунду, зубы щёлкают в полудюйме от его кожи. Он отталкивает её голову назад, выгибая её шею под, должно быть, болезненным углом. Она издаёт рык раздражения, затем поворачивает голову в сторону и впивается в его левый большой палец. Используя коренные зубы, укус достаточно сильный, чтобы Том почувствовал и услышал, как ломается кость.

Он ревет от боли, затем отводит правую руку и бьёт женщину по голове сбоку. Этого должно быть достаточно, чтобы вырубить её, но она лишь пошатывается и отпускает хватку на его пальце, затем немедленно бросается вперёд за следующим укусом. Том сильно отталкивает её, создавая расстояние в пару футов. Это первый миг, когда он получает чёткий вид на неё. Она старая и хрупкая на вид, с седыми волосами и морщинами. Когда она снова тут же приближается, он успевает нанести правильный удар, на этот раз кулаком.

Удар приходится по её челюсти и отправляет пару зубов в полёт. Женщина издаёт стон и наклоняется в сторону, тяжело падая на ковёр. Однако она не остаётся лежать, а спешит подняться.

Том сжимает кровоточащий палец, стискивая зубы от боли. Он сильно кровоточит. Чёрт, она меня здорово цапнула...

Женщина уже встала на ноги, и её чёрные глаза снова фиксируются на нём.

— Отойди на хрен! — требует Том, выхватывая пистолет. — Стой, или я выстрелю!

Он не особо ожидает, что она послушается, и она не слушается.

Впервые за многие годы службы Том стреляет из своего пистолета. Дважды. Затем в третий раз. Звук заглушает его слух, оставляя пронзительный звон.

Все три пули находят цель. Все три попадают в грудь женщины, оставляя видимые отверстия.

Сила удара заставляет её пропустить шаг и пошатнуться на секунду. Но затем она просто стонет и продолжает двигаться.

Том разинул рот, глядя на неё, автоматически отступая. Мне нужно убраться. Её не остановить.

Его импульс — прорываться к входной двери, но женщина блокирует ему путь. Вместо этого он отступает к дальнему концу гостиной, где дверь ведёт на кухню. Отсюда только одна дверь. Она покрыта царапинами, как будто кто-то долго

скребся по ней ногтями и зубами.

Том чувствует, как женщина приближается к нему, поэтому он направляется к двери. Как раз перед тем, как он достигает её, она открывается, и появляется лицо, уставившееся на него.

Оливия шагает через холл, её шаг даже быстрее, чем обычно. Она почти на фут выше Фриды, и та вынуждена бежать трусцой, чтобы поспевать.

Холл — впечатляющее помещение, недавно отремонтированное всего несколько лет назад, до сокращения бюджета. У него огромный стеклянный фасад, выходящий на улицу, тёмный виниловый пол и по крайней мере пять метров до потолка. Он соединяет почти все отделения больницы, и здесь же находится главный пост медсестёр.

Оливия сворачивает в коридор, ведущий в родильное отделение. Фрида видит, как из комнаты выходит Ананд. Иммигрант из Индии, он молод для главного врача, его бакенбарды только начинают седесть, но глаза бдительные. Он занят дезинфекцией рук.

— Оливия, — говорит он, поднимая взгляд. — Ты вызывала меня?

— Да, — говорит она, останавливаясь перед ним, затем понижая голос. — Думаю, у нас может быть ситуация в подвале.

Фрида догоняет, стараясь не выглядеть запыхавшейся, улыбаясь Ананду. Она внезапно чувствует себя маленьким ребёнком, стоящим перед родителями.

— Фрида, — говорит Ананд, бросая ей короткую улыбку,

прежде чем снова посмотреть на Оливию, затем упирая кулаки в бока. — Что за ситуация?

— Что-то странное могло случиться во время вскрытия того парня, которого привезли. — Оливия смотрит на Фриду, словно желая, чтобы та объяснила детали.

Ананд хмурится и смотрит то на Оливию, то на Фриду.

— Ну?

Фрида рассказывает ему то, что говорила Оливии. Избегая слов вроде «зомби» или «нежить».

— Да... это действительно звучит очень странно, — признаёт врач. — Почему я слышу это от вас двоих? Даль просил вас найти меня?

— Мы не можем дозвониться до Даля, — говорит Оливия.

— Тогда откуда вы знаете, что происходит там внизу?

— Нам звонил тот, кто помогает со вскрытием, — говорит Оливия. — Он звучал очень обеспокоенным. Хотел, чтобы мы инициировали полную чрезвычайную блокировку.

Брови Ананда поднимаются от самого низа ко лбу к самому верху.

— Это... крайне. Мы говорим о «серебряном коде». Единственное, что может оправдать нечто подобное, — это если где-то бродит вооружённый человек или есть значительный риск для пациентов и персонала.

— Я знаю, — говорит Оливия. — Поэтому мы не объявили, а сначала пришли к вам.

Ананд медленно кивает, проводя языком по зубам.

— И этот человек ничего не сказал о том, пострадал ли кто-нибудь там внизу?

— Не то чтобы...

— Я слышала драку, — говорит Фрида. — Крики и вопли. Ананд снова кивает, на этот раз твёрже.

— Хорошо. Оливия, вызовете экстренное совещание. Соберите всех, кто может, прийти на пост сюда. Не поднимайте тревогу и не говорите, о чём речь. Ни при каких обстоятельствах не упоминайте биологическую опасность, ясно?

— Ясно.

— Хорошо. Ждите меня. Я спущусь проверить, затем сразу...

— Нет! — вырывается у Фриды, когда Ананд собирается уйти. — Нет, туда внизу небезопасно.

— Я надену соответствующую защиту, — уверяет её Ананд.

— Пожалуйста, — говорит она, хватая его за руку. — Я правда не думаю, что вам стоит.

То, что она схватила его, шокирует не только её саму. Ананд и Оливия оба смотрят на неё с удивлением. В этот момент Фриде всё равно.

Ананд мягко убирает её руку, глядя на неё серьёзно.

— Я ценю вашу заботу. Но я не могу объявить блокировку на основании слухов. Нам нужно точно знать, что это такое — если вообще что-то есть — прежде чем предпринимать дальнейшие шаги.

— Но...

— Это окончательное решение. — Врач разворачивается, его халат развевается, когда он направляется к лифту.

Аксель обдумывает свои варианты.

Если он отойдёт от двери, Вигго прорвётся. Что означает, что Акселю придётся иметь с ним дело. И Ранфельт, вероятно, последует. Возможно, также Даль и другой врач. И двое мужчин из лифта. Это много зомби, чтобы справиться. С одним или двумя он, вероятно, справится. Но с шестью? Это уже перебор. Особенно учитывая, что у него нет оружия.

Его взгляд падает на трубу. Она выглядит толстой и прочной. Примерно длины бейсбольной биты. Он почти уверен, что может проломить ею череп.

Проблема в том, чтобы добраться до неё, ему придётся оставить дверь. Что означает, что Вигго проникнет внутрь.

Умнее было бы найти что-то, чтобы забаррикадировать дверь. Аксель смотрит на сломанную ручку и ломает голову. Ему нужно либо что-то, чтобы обвязать вокруг, либо чем-то заклинить. Кусок верёвки. Отвёртка. У него нет ничего из этого, и, насколько он видит, в комнате ничего не валяется.

У него также есть третий вариант. Он может бежать. Просто бросить дверцу камеры и бежать в темноту, надеясь найти лестницу и выбраться отсюда.

В этом плане есть одно большое «если», и именно оно его сдерживает.

А что, если лестница каким-то образом заблокирована?

Может, они просто заперты с другой стороны. Это было бы не так уж странно. Учитывая, что эта часть подвала была отключена, они вполне могли позаботиться о том, чтобы никто сюда не забрёл.

Если это так, и если он не сможет сломать то, что стоит между ним и лестницей, тогда ему, возможно, придётся иметь дело с Вигго, Ранфельтом и, возможно, ещё четырьмя нежитью. Мысль не очень привлекательная. Особенно если придётся делать это в темноте.

Он направляет свет вверх и видит пару старомодных люминесцентных ламп. У выхода есть выключатель. Если он щёлкнет им, будет ли работать? Или электричество тоже отключили?

Я мог бы просто подождать, — осознаёт он тогда. Надеюсь, когда наверху поймут, что происходит, они пошлют кого-нибудь вниз, чтобы разобраться с зомби.

Но сделают ли они это?

Судя по тому, как врачи обращались с Вигго, когда он пошатывался к ним, Аксель не питает больших надежд, что другие вовремя поймут, что на самом деле происходит. Возможно, это просто конец света, и если это так, он не может полагаться ни на кого, кроме себя. Что означает, что ему нужно найти выход отсюда.

Крик где-то в подвале.

Аксель внимательно прислушивается. Теперь его нет. Но он звучал как женский. Трудно сказать, с Вигго, стонущим

и толкающим дверцу камеры, но Аксель почти уверен, что звук доносился с этой стороны подвала.

— Эй? — зовёт он. — Эй, ты там? Мне бы не помешала помощь здесь!

Ничего.

Крик был... каким? Боли? Отчаяния?

В любом случае, это означает, что женщина всё ещё здесь, внизу. И это, вероятно, означает, что она не смогла найти другой выход.

Значит, мы в ловушке. Блядь.

Аксель внезапно замечает что-то на полу. Он уже видел это, просто не осознал, что это было. Оно прямо перед ним. Белый лоскут ткани. Размером с ладонь. Он оторван. Он наклоняется, удерживая дверцу камеры одной рукой, чтобы рассмотреть поближе.

Это от одного из защитных костюмов. И на нём несколько свежих пятен крови. На плиточном полу вокруг больше пятен.

Аксель видит лицо женщины, когда она была внутри камеры, а Вигго тянул её за ноги. Он видит страх, панику... боль.

— О нет, — бормочет он. — Он поцарапал её...

Как будто в подтверждение его слов, раздаётся ещё один крик. На этот раз достаточно громкий, чтобы Аксель мог сказать, что в голосе определённо есть боль.

Внезапно тёмная комната кажется гораздо меньше. Удары

и стоны с другой стороны дверцы камеры ощущаются гораздо более навязчиво. Как и его собственный пульс, который колотится внутри черепа.

Сколько времени потребуется ей, чтобы истечь кровью? Сколько времени до того, как она вернётся за мной?

Том направляет пистолет на лицо и почти снова стреляет.

В последнюю секунду ему удаётся удержаться от нажатия на спусковой крючок. Парень, уставившийся на него из дверного проёма, что-то говорит, но Том не может разобрать слов. Его слух всё ещё не восстановился. Что заставляет его не стрелять — глаза парня. Они нормальные. Человеческие.

Парень повторяет то, что только что сказал, затем манит Тома ближе с серьёзным выражением лица.

Том оглядывается через плечо, видя, как женщина входит на кухню и немедленно направляется к нему.

Том спешит через дверной проём, и парень захлопывает дверь за ним.

Оглядевшись, Том обнаруживает себя в комнате, слишком тесной для его комфорта. В ней нет окон, других дверей, а на всех стенах полки, забитые долгохранящимися продуктами. Также есть большой старый морозильный ларь. Единственный источник света — голая лампочка, свисающая с потолка.

Это чёртов кладовка.

Он поворачивается и видит, как парень всовывает что-то похожее на обеденную вилку в щель двери. Затем он быстро берёт кусок проволоки, обмотанный вокруг ручки, и прикрепляет другой конец к головке торчащего из стены шуру-

па.

Затем парень поворачивается к Тому, неуверенно улыбаясь.

— Не волнуйся, знаю, выглядит, будто не выдержит, но выдержит.

На этот раз Том может разобрать слова, хотя звучат они, будто доносятся из конца длинного туннеля.

Как будто в подтверждение слов парня, женщина начинает нападать на дверь с другой стороны. Так же, как и Юнгерсен, не похоже, что она стучит или пинает её, просто давит, словно хочет пройти прямо сквозь. Кроме того, она даже не пробует ручку.

— Мы в безопасности здесь, — уверяет его парень. — Она этим занимается уже несколько дней, всё ещё не прорвалась.

Он моложе, чем Том принял его с первого взгляда. Немного больше двадцати. Крупный подросток. Просто выглядит старше, вероятно, из-за его короткой стрижки, впалых щёк и больших, трезвых глаз. Он очень стройный, граничащий с худобой, и на нём грязная майка-алкоголичка, поношенные джинсы и носки.

— Я думал, ты в меня выстрелишь там на секунду, — говорит парень, ухмыляясь и кивая в сторону пистолета, всё ещё в руке Тома. — Не виню тебя. Я тоже был на нервах с тех пор, как это случилось. Это почти... — Его выражение меняется, когда он что-то замечает. — О, ты истекаешь кровью.

Том смотрит вниз, как во сне, осознавая, что его большой

палец буквально хлещет кровью. Она уже образовала лужу на деревянном полу.

— Надо тебя перевязать, мужик, — говорит парень, беря тряпку с одной из полок. Он решительно обматывает её вокруг пальца Тома, туго затягивая. Затем берёт ещё один кусок проволоки, похожий на ту, что удерживает дверь. Обматывает несколько раз, и она удерживает тряпку на месте.

— Вот, — говорит он, проверяя свою работу. — Думаю, хорошо. Кровотечение остановится. Нормально чувствуешь?

— Чувствуется... нормально, — говорит Том, откашливаясь. — Спасибо.

— Не за что. — Парень улыбается. — Должен сказать, просто иметь здесь живого человека, с которым можно поговорить... это большое облегчение.

Теперь, когда слух Тома почти вернулся в норму, он слышит, что голос парня какой-то скрипучий. Как будто не использовался несколько дней.

— Сколько ты здесь находишься? — спрашивает он.

Парень пожимает плечами.

— Не уверен. Трудно различать дневной свет через щели в двери. Сначала я слушал каждый раз, когда слышал часы из гостиной, но сбился со счёта. Так что, думаю, восемь, может, девять дней.

Том приподнимает брови. Окидывая взглядом полки, он видит, что часть еды была съедена.

— Да, мне в каком-то смысле повезло оказаться здесь, — ухмыляется парень. — Будь это гардеробная, я бы к сейчас был мёртв.

— Что это за запах? — морщит нос Том. — Господи, что-то пахнет дерьмом...

— Ну, извини, — неловко говорит парень, жестом указывая на ведро в углу. Он положил на него поднос. — Я пытался его запечатать, но... — Он пожимает плечами. — Я же не мог попросить у неё перерыв в туалет, да?

Том смотрит на него.

— Как ты...? Что случилось?

Парень глубоко вздыхает.

— Ну, я приносил яйца. Я всегда приносил — я Кристоффер, кстати — я иногда приносил яйца Петерсенам. Хельда платила мне за них, хотя я настаивал, что ей не нужно. Она была такой милой женщиной. Как ужасно, что она так закончила. — Выражение лица парня становится печальным, когда он смотрит на дверь.

— Так это та женщина, которая здесь жила? — спрашивает Том.

— Да. Очень милая женщина, — снова говорит он, качая головой. — Я не видел Хальгрима поблизости, но предполагаю, что он тоже мёртв.

— Верно предполагаешь, — говорит Том, морщась от пульсирующей боли в пальце.

— Тебе следует держать его повыше, — инструктирует его

парень. — Это поможет остановить кровотечение.

Том начинает раздражаться из-за парня. Что безумно, учитывая, что тот только что спас ему жизнь, предоставив убежище.

— Как нам отсюда выбраться? — резко спрашивает он.

Кристоффер жестом указывает на пистолет, всё ещё в руке Тома.

— Ты её застрелишь.

— Я уже пытался. С ней... что-то серьёзно не так.

Парень хмурится.

— Например, что?

— Например, я пустил в неё три пули, и это едва замедлило её.

— Ты целился ей в голову?

Том пожимает плечами.

— Слушай, я говорю тебе, её нельзя убить.

— Но ты же не стрелял ей в голову, да?

— Нет, не стрелял. Я стрелял ей в грудь. Выбил её чёртово сердце, а она просто продолжала идти...

Непрерывные удары и скрежет от двери, смешанные с болью в пальце, действуют Тому на нервы. Ему хочется что-нибудь разбить. Что всегда случается, когда он напуган.

Я умираю здесь?

Мысль настолько ужасна, что он даже не хочет её рассматривать. Пока нет. Пока он ещё может двигаться и действовать.

— Нужно стрелять им в голову, — говорит Кристоффер, словно это общеизвестно. — Это мозг заставляет их двигаться.

— Им? — повторяет Том, понимая, что парень, вероятно, не знает о Юнгерсене. — Ты видел ещё кого-то, похожего на неё?

— Нет, как я сказал, я заперт здесь с тех пор, как это случилось.

— С тех пор, как что случилось? Хватит играть, расскажи, что тебе известно! Что, чёрт возьми, произошло в этом месте? Что за чёртов монстр прячется там в этой проклятой яме?

Парень моргает, выглядя смущённым. Он поднимает руки.

— Слушай, успокойся, мужик. Я не хотел тебя беспокоить. Я просто... я думал... дай мне рассказать, что случилось, хорошо?

— Пожалуйста, — усмехается Том.

— Хорошо, так вот, я пришёл сюда с яйцами в воскресенье утром. Когда я постучал, никто не открыл. Я подумал, они в заднем саду, поэтому просто вошёл внутрь. Всё в порядке, я так делал множество раз. Но когда я вошёл внутрь, я увидел, что гостиная в каком-то беспорядке, так что я забеспокоился. Я уже собирался вызвать полицию, когда Хельда застала меня врасплох. Она отрезала мне путь, и мне не оставалось выбора, кроме как забаррикадироваться здесь.

Парень замолкает.

Том приподнимает брови.

— И?

— И потом, ничего. Я здесь уже несколько дней, как я тебе сказал. Я ни разу не открывал дверь. Не мог. Она была прямо снаружи, охраняя её. Я просто решил есть еду здесь, растягивая её на столько, сколько смогу, пока кто-нибудь, надеюсь, не зайдёт и не поможет мне, или, может, она устанет и уйдёт. Но этого не произошло. Пока твой выстрел не разбудил меня. Когда я открыл дверь и выглянул, я увидел, как ты идёшь сюда, и увидел, как Хельда преследует тебя, так что я впустил тебя внутрь. Вот и всё.

— Значит, ты не был в заднем саду?

— Нет.

— Ты не видел яму?

— Какую яму?

— Ты продолжаешь говорить «их». Как будто их больше. На кого ты ссылаешься?

Веки Кристоффера снова трепещут.

— Я просто предположил... разве мир не закончился?

— Насколько мне известно, нет. Экономика в жопе, но это ничего нового.

— Но... разве зомби не захватили власть?

Том фыркает.

— Зомби? Парень, ты слишком долго здесь сидишь.

Парень указывает на дверь.

— Разве не все там сражаются за свою жизнь?

— Если ты имеешь в виду зарабатывать на жизнь и избегать рака, то да. Но никакого апокалипсиса нет.

Кристоффер разинул рот, глядя на него.

— Святое дерьмо... значит, Хельда... это единственное место, где... Господи... я был уверен, что... что это означает, что мёртвые просыпаются.

Это последнее предложение вызывает непроизвольную дрожь по спине Тома.

— Я не знаю насчёт зомби, но здесь определённо происходит что-то безумное. Мой напарник... — Он замолкает. — Как нам отсюда выбраться? Кроме того, чтобы разнести ей голову, я имею в виду. — Том убирает пистолет в кобуру, отодвигает несколько банок в сторону и использует здоровую руку, чтобы постучать по стене.

— Не сработает, поверь мне, — говорит Кристоффер, читая его мысли. — Я проверил каждую стену. Они все покрыты каким-то твёрдым гипсом. Как и потолок. Думаю, так они обеспечивали, чтобы кладовые всегда оставались прохладными. Этому дому по крайней мере 150 лет, знаешь ли.

— Чёрт возьми. У тебя есть мобильный?

— Если бы был, я бы использовал его. Но нет, здесь вверху всё равно нет сигнала.

— Так и думал. Блядь.

— Слушай, это действительно отличные новости, — настаивает парень, снова улыбаясь. — Если Хельда — един-

ственная, то это можно остановить, прежде чем превратится в катастрофу. Нам просто нужно убить её.

— Это убийство, о котором ты говоришь, — ворчит Том. — Двадцать лет обязательного срока. Может, десять, если убедишь, что это была самооборона.

— Нет, ты не понимаешь. Она уже мёртва. Я имею в виду, нам просто нужно... прикончить её окончательно. Трудно объяснить, но она зомби, понимаешь? Зомби — это ожившие мёртвецы. У неё нет пульса, сердцебиения, дыхания, ничего. Только её мозг всё ещё работает на каком-то примитивном уровне. Вот почему не сработало, когда ты выстрелил ей в грудь. Ты мог бы переехать всё её тело катком; пока мозг остаётся целым, она продолжит двигаться. Она также не чувствует никакой боли, и ей не нужен сон или еда, или что-либо ещё. Её интересует только поедание человеческой плоти.

Том не может не почувствовать, как у него сжимается живот, пока парень говорит.

— Слушай, это куча дерьма. То, что ты только что описал, может быть абсолютно правдой в одной из тех ужасных видеоигр, в которые вы, дети, сейчас играете. И я не претендую на то, чтобы знать, что с ней не так, но она определённо не зомби.

Парень не отвечает, и Том понимает, что тот намеренно решает больше ничего не говорить. Том благодарен за это.

— Теперь, я истекаю кровью, и мне нужна медицинская

помощь, — продолжает он. — Так что я собираюсь открыть ту дверь, и...

— Нет, пожалуйста, не надо.

— ...и, если она снова нападёт на меня, я её обезврежу. Затем пойду к телефону и вызову подкрепление.

— Тебе не следует вступать с ней в бой, — умоляет его парень. — Если она поцарапает тебя или укусит, даже слегка...

— Она уже укусила, — обрывает его Том с мрачной улыбкой, показывая ему свой палец. — Как думаешь, что это?

Глаза парня расширяются от обычных до огромных.

— Святое дерьмо, это было... она тебя укусила? Блядь, я думал, ты просто споткнулся или что-то в этом роде. Почему ты не сказал сразу?

— Потому что это не имеет значения. Теперь, как я сказал...

— Не имеет значения? — голос парня становится визгливым. — Чувак, тебе конец. Ты умрёшь и превратишься в то, что она из себя представляет. Это всего лишь вопрос времени. Поверь мне, ты... — Он обрывает себя. Он смотрит на Тома, и Том видит, что тот внезапно оцепенел.

— Это ещё одна куча дерьма, — рычит на него Том. — Я не умираю. Ладно?

Парень механически кивает.

— Ладно.

— Мы выбираемся отсюда. Тебе просто нужно следовать моим указаниям. Можешь это сделать?

Ещё одно быстрое кивание.

— Конечно. Но, пожалуйста...

— Да? — Том оборачивается, бросая на него нетерпеливый взгляд.

— Если тебе всё-таки придётся стрелять... — говорит парень. — Тогда целься ей в голову.

— Спасибо, я запомню. А теперь давай выбираться из этой вонючей кладовки.

Фрида следует за Оливией обратно в холл.

— Слушай, — говорит Оливия, останавливаясь, уже занятая пейджером. — Я вызову всех медсестёр, но мне нужно, чтобы ты пошла и посмотрела, не...

Указания Оливии отдаляются, пока Фрида перестаёт обращать внимание. Вместо этого она смотрит на Ананда, шагающего к лифту для персонала. Рядом с ним стоит стойка с защитными костюмами, и Ананд хватает один из них, перекидывает через руку, затем нажимает кнопку, и лампочки над дверью загораются зелёным.

Фрида чувствует вибрацию телефона. Она достаёт его. Оливия всё ещё говорит. Фрида видит на экране имя Акселя.

— Это он, — говорит она, ненадолго показывая телефон Оливии, затем отвечает. — Аксель? Ты в порядке?

— В порядке, — говорит он. Но звучит так, будто он двигается или, может, борется с чем-то. — Пока. Но здесь действительно всё полетело к чёрту. Удалось заставить их заблокировать место?

— Нет, — говорит Фрида, осознавая, что Оливия наклоняется, чтобы послушать. Фрида смотрит на Ананда, который ждёт лифт. Он проверяет пейджер, затем телефон.

— Почему нет? — требует Аксель. — Не говори мне, что ты... Подожди, ты всё ещё в здании?

— Да. Ананд спускается туда, — говорит Фрида. — Он сказал, что должен сам увидеть, что происх...

— Что? — перебивает её Аксель. — Не может! Останови его, Фрида! Если он сядет в тот лифт...

В этот момент лифт издаёт звук, и двери открываются.

Фрида слышит, как Оливия резко ахнула. Она видит, как Ананд делает шаг вперёд, затем замирает.

Внутри лифта двое мужчин. Фрида узнаёт одного из них по обуви. Это Миккель Ранфельт, санитар. Он лежит на руках и коленях, поедая бедро другого парня, который — судя по халату — врач. Или был. Потому что он явно мёртв.

Когда Ранфельт слышит, как открываются двери, он резко поворачивает голову, и именно тогда Фрида понимает, что всё пойдёт ужасно неправильно. Что ей никогда не следовало рассказывать Оливии что-либо. Что ей следовало просто включить каждую пожарную тревогу, какую только можно найти. Что ей никогда не следовало отпускать руку Ананда.

И говоря об Ананде, индийский врач, кажется, обрабатывает шок от кровавой сцены и лица Ранфельта гораздо быстрее, чем Фрида. Он отступает, когда Ранфельт встаёт на ноги, и нажимает кнопку, чтобы закрыть дверь лифта.

Она закрывается. Но слишком поздно. Ранфельт успевает проскользнуть, хватаясь за Ананда. Врач отпрыгивает в сторону, его кроссовки издают скрип, когда он бежит к безопасности, его халат развевается.

Ранфельт следует за ним несколько шагов, затем меня-

ет направление. Он шатается по холлу, оглядываясь, по-видимому, пытаясь решить, куда идти. Группы людей стоят вокруг. Некоторые заметили, как врач убегает, и выглядят обеспокоенными, но большинство всё ещё не осознают опасности. Никто из них ещё не заметил Ранфельта.

Видеть его там, посреди холла, настолько сюрреалистично, что Фрида чувствует, будто попала в середину фильма ужасов. Контраст между блестящим полом, стеклянным фасадом, посетителями в чистой одежде — и затем Ранфельт, окровавленный, грязный, его лицо в основном отсутствует, движения дёрганные, зубы щёлкают жадно при виде всей этой потенциальной добычи вокруг него.

— О, Боже мой, — выдыхает Оливия. Затем она начинает кричать: — Осторожно! Осторожно! Отойдите от него! — Подходя ближе, она отчаянно размахивает руками, пытаясь предупредить людей, ближайших к Ранфельту.

К сожалению, это имеет противоположный эффект. Группа — семья из четырёх человек, окружающая пожилую женщину в инвалидной коляске, которую сопровождает санитар — останавливается и смотрит на Оливию с озадаченными лицами.

Оливия обеими руками указывает на Ранфельта, приближающегося к ним сзади.

— Осторожно! Он идёт!

Наконец, мать семьи улавливает намёк и оборачивается, как раз когда Ранфельт нападает на неё. Она вскрикивает,

умудряясь неуклюже оттолкнуть его в сторону. Но она снова кричит, её рука тянется к лицу, когда она поворачивается и отступает. Фрида видит две длинные кровавые полосы, спускающиеся по её щеке от ногтей Ранфельта.

Затем Ранфельт вместо этого идёт на отца, который храбро обошёл инвалидную коляску, чтобы разобраться с угрозой. Он ловит Ранфельта в неловкое объятие сбоку, прижимая обе его руки. Он явно пытается бороться с ним на земле, и, возможно, это сработало бы, если бы Ранфельт не повернул голову и не вцепился в нос парня. Тот ревёт от боли и отпускает захват, вместо этого замахиваясь на голову Ранфельта. Удар получается лишь частичным, но достаточно, чтобы Ранфельт пошатнулся в сторону. Фрида видит окровавленный обрубок, зажатый между его зубами, как раз перед тем, как он проглатывает кончик носа парня. Руки отца тянутся к лицу, когда кровь начинает литься через его рот.

Подросток-дочь кричит, привлекая внимание Ранфельта. Если бы не санитар, она была бы следующей. Но парень бросает коляску бабушки и вместо этого хватает девушку сзади, унося её от опасности.

Ранфельт хрипит от раздражения, затем поворачивается к инвалидной коляске и наклоняется над пожилой женщиной, которая, без сомнения, кричала бы, если бы не была в кислородной маске. Спина Ранфельта блокирует большую часть обзора, но Фрида всё ещё видит её тонкие, размахивающие руки, тщетно пытающиеся отбиться, и большой лоскут кожи

с её скальпа, который Ранфельт отрывает зубами. Он поднимает лицо к потолку и жадно проглатывает кровавое мясо, седые волосы и всё. Жест напоминает Фриде аллигатора, глотающего добычу, его челюсть и горло дёргаются ритмично, чтобы проглотить большой кусок кожи. Когда он наклоняется над пожилой женщиной для второго укуса, куриный салат, который Фрида ела на обед, поднимается обратно, и она сгибается пополам, выплёвывая его на пол.

Между позывами ей удаётся поднять взгляд. Холл к этому времени превратился в полный хаос. Кажется, всё ещё не всем ясно, что именно происходит, но все, кажется, знают, что происходит что-то опасное.

Некоторые люди выбегают через стеклянные двери. Другие рассеиваются через разные проходы. Третьи толпятся вокруг раненых. В то время как люди пытаются выбраться из холла, также приходят другие, особенно персонал и охранники, у всех на лицах написана растерянность. Кто-то, должно быть, включил пожарную тревогу, потому что она звенит.

Именно тогда Фрида видит, как Ананд возвращается бегом. Вместе с ним трое охранников. Ананд что-то кричит и указывает на двери. Мужчины немедленно начинают блокировать их, отталкивая людей, чтобы сделать это.

Фрида замечает, что все двери лифтов открываются одновременно и остаются такими. Молодой парень забегает в один из них и отчаянно нажимает все кнопки, но лифт остаётся открытым.

Затем звучит записанный голос через динамики: «Объявлено чрезвычайное положение. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и следуйте этим указаниям. Все пациенты возвращайтесь в свои палаты и оставайтесь там до дальнейшего уведомления. Весь персонал должен действовать в соответствии с процедурами «серебряного кода». Найдите и примените необходимое защитное оборудование. Избегайте межличностных контактов, где это возможно, за исключением случаев, когда под угрозой может оказаться жизнь. Стремитесь оставаться...»

Фрида видит, как появляется Оливия, её глаза огромные и испуганные, но решительные.

— Давай. Нам нужно выбираться отсюда.

Она обнимает Фриду за плечи, и пока та всё ещё выплёвывает желчь, позволяет Оливии вести её к менее людному концу холла. Всё это время Оливия что-то бормочет ей на ухо. Похоже, она говорит так же много и сама с собой.

— Всё в порядке, они возьмут ситуацию под контроль. Всё будет хорошо; нам просто нужно найти где-то переждать. Они возьмут под контроль.

Фрида понимает, что Оливия направляется к лестнице. Проходя мимо лифта для персонала, она к своему удивлению видит, что врач, которого ел Ранфельт, теперь сидит. Он поворачивает голову и смотрит прямо на неё. Его глаза чёрные, как у Ранфельта.

Боже, они и правда мертвы...

Пока Оливия тащит её за собой, последнее, что видит Фрида, — врач встаёт на ноги и выходит из лифта. Его походка неровная из-за того, что его левое бедро объедено до кости. Кажется, его это не волнует. Он просто шатается прямо к ближайшей, ничего не подозревающей жертве — медсестре, стоящей на коленях рядом с мужчиной, потерявшим нос, — и падает на неё, разрывая её шею зубами.

Затем всё скрывается из виду, когда Оливия втаскивает её в лестничную клетку и захлопывает дверь.

Аксель борется с Вигго уже пять минут — хотя ощущается больше как пять часов — когда он внезапно вспоминает телефон в руке.

Он был так сосредоточен на выживании, что полностью забыл, что может кому-то позвонить. Не то чтобы кто-то действительно мог ему помочь. Он уверен, что к настоящему моменту Фрида и Якоб давно ушли, вместе с другими пациентами, которых эвакуируют.

Проверив экран, он видит пропущенный звонок от Фриды. Он перезванивает ей, используя левую руку, чтобы держать телефон, в то время как правой опирается на шкаф.

Она отвечает на втором гудке. Её голос — смесь облегчения и напряжения.

— Аксель? Ты в порядке?

— В порядке, — говорит он, кряхтя, когда Вигго сильно толкает. — Пока. Но здесь действительно всё полетело к чёрту. Удалось заставить их заблокировать место?

— Нет. — Фрида звучит странно рассеянно. Как будто её мысли заняты чем-то другим.

— Почему нет? — спрашивает Аксель, чувствуя, как внутри поднимается гнев. — Не говори мне, что ты... — Его охватывает ужасная мысль. — Подожди, ты всё ещё в здании?

— Да, — говорит Фрида. — Ананд спускается туда. Он сказал, что должен сам увидеть, что происх...

— Что? — выпаливает Аксель, не веря своим ушам. — Не может! Останови его, Фрида! Если он сядет в тот лифт, ему конец. Они сейчас кишат по всему подвалу. Вызывай блокировку, сейчас же!

Когда Аксель замолкает, он понимает, что Фрида больше не слушает.

Кто-то ахает. Может быть, она, но звучит как кто-то другой. Кто-то что-то говорит на заднем плане. Затем пронзительный крик. Аксель отводит телефон от уха, когда присоединяются другие взволнованные голоса. Похоже, вспыхивает драка.

— Фрида? — спрашивает Аксель, сердце у него в горле. — Ты в порядке? Фрида? Убирайся оттуда, пожалуйста! Затем звонок прерывается.

Аксель несколько мгновений смотрит на телефон, думая перезвонить ей снова. Но она, вероятно, не ответит.

— Чёрт возьми. Всё летит в тартарары. Мне нужно выбираться отсюда...

Он снова включает фонарик и ещё раз осматривает комнату. Он всё ещё не видит ничего, что могло бы ему помочь, — кроме трубы. Женщина не возвращалась, и он уже какое-то время ничего от неё не слышал.

Может означать, что она уже отключилась. Или хуже, умерла. Насколько он знает, она может лежать прямо за уг-

лом, готовясь очнуться в любой момент.

Ладно, хватит тянуть время. Ситуация будет только ухудшаться, чем дольше я жду.

Он мысленно готовится к тому, что ему нужно сделать. Ему, скорее всего, придётся бороться за свою жизнь. Что означает избить Вигго до смерти трубой. Аксель бывал в нескольких драках в своей жизни. Ничего слишком серьёзного, правда. Одна закончилась вывихнутым пальцем и окровавленным носом. Но это будет совсем другое.

Самая большая проблема будет со светом. Если он направится к выключателю, и окажется, что он не работает, ему придётся полагаться только на телефон. И он не сможет держать его, если ему нужно будет замахнуться битой.

Вот план игры. Бегство на первом месте. Я бросаю шкаф, хватаю трубу и использую телефон для навигации. У меня будет, может быть, тридцатисекундная фора. Этого должно хватить, если мне повезёт и я найду выход. Если нет, тогда план Б — развернуться и сражаться.

Аксель успокаивает себя, удовлетворённый стратегией. Он мысленно считает до трёх, затем ждёт, когда Вигго толкнёт. Как только тот это делает, Аксель удерживает его в последний раз, прежде чем бежать.

Оставить шкаф — это как свободное падение с обрыва. Он наклоняется и хватается трубу. Она тяжелее, чем выглядела, что хорошо. Он определённо может проломить череп ей, если дойдёт до этого. Однако он не тратит время на то, что-

бы оглянуться, а направляется прямо за угол. Он жертвует двумя секундами, чтобы дотянуться до выключателя. Никакого света не появляется.

— Блядь.

Аксель продолжает путь. Он хочет бежать, но заставляет себя идти быстрым шагом. Он держит телефон, а труба лежит на его плече, как у бейсболиста, приближающегося к базе. Пробираться через тёмную часть больничного подвала — это как играть уровень Silent Hill. Только гораздо более нервное, потому что здесь его жизнь действительно на кону, и он не может просто начать заново, если его убьют. Он щёлкает каждый встречный выключатель, но ни один не работает.

Он замечает, что его подошвы издают крошечные влажные звуки, и смотрит вниз, чтобы увидеть свежий кровавый след, который, должно быть, от женщины.

Она тоже пошла этим путём. И похоже, остановилась прямо здесь...

Аксель останавливается на несколько секунд, входя в новую комнату. Это один из старых операционных залов. Он был очищен от оборудования, за исключением стола и стальных шкафов. Все ящики открыты, и Аксель видит кровавый отпечаток на краю стола. Также на полу большая лужа крови, но отсюда не ведёт следов.

Аксель затаивает дыхание, осматривая каждый дюйм комнаты глазами. Либо женщина всё ещё где-то здесь, либо ей удалось остановить кровотечение, прежде чем двинуться

дальше. Похоже на последнее, потому что её нигде не видно, и нет очевидных укрытий, и...

Стон разносится по комнатам. Аксель крутится на месте, но никого не видит.

Это был Вигго. Он приближается.

Аксель быстро пересекает комнату и открывает следующую дверь. Она ведёт туда, куда он надеялся попасть: в коридор. Отсюда есть только два пути, поскольку один конец коридора был заколочен фанерой. Разбить её заняло бы у него целую вечность, и это привело бы его только в ту часть подвала, из которой ему только что удалось выбраться.

Другой конец коридора заканчивается тяжёлой противопожарной дверью с изображением человека, идущего по лестнице.

Также прямо напротив коридора есть проём, но он ведёт только в другие пустые комнаты.

Аксель уверен, что единственный выход из подвала — противопожарная дверь. Он также уверен, что она заперта и почти невозможно её сломать. Полоска света пробивается через неё, и когда он подходит ближе, может слышать кричащие голоса и бегущие шаги. Похоже, много людей спешат либо вверх, либо вниз по лестнице. Он слышит драку. Кто-то кричит.

Блядь. Даже если бы я прорвался, я бы вышел прямо в хаос.

Аксель проверяет дверь. Она заперта, как он и ожидал.

Вместо этого он разворачивается и быстро идёт к двери, ведущей глубже в подвал. Как только он открывает её, сзади раздаётся шум. Он направляет свет в ту сторону и видит, как Вигго входит в коридор. Он выглядит ещё страшнее при свете от телефона. Его измождённый цвет лица, дёрганные движения, его чёрные глаза-бусинки. Он широко разевает рот, чтобы показать зубы, все испачканные кровью, куски кожи и плоти всё ещё застрявшие между некоторыми из них.

Аксель спешит через дверь, закрывая её за собой. Замка нет. И что хуже: больше нет дверей или проёмов.

Чёрт!

Аксель прислоняется к двери, готовясь к очередной перетягиванию каната с Вигго. На этот раз, однако, он обнаруживает, что ему нужно только держаться за ручку, потому что Вигго не может открыть дверь, не нажав на ручку, и он, кажется, не может этого сообразить. Тем не менее, оставить дверь было бы азартной игрой; Вигго мог бы случайно навалиться на ручку и впустить себя.

Аксель снова оказывается в ловушке, обдумывая свои варианты.

Он осматривает комнату. Он не может сразу сказать, для чего она раньше использовалась, потому что она очищена от какой-либо мебели и оборудования. Единственное, что ещё здесь, — это две толстые трубы, идущие вдоль стены, и банка из-под газировки, которую кто-то — вероятно, один из рабочих — оставил лежать на полу.

Ладно, это всё. Мне придётся пробиваться обратно. Затем как-то придётся сломать ту противопожарную дверь.

Даже думая об этом, он знает, что это плохой план. Насколько он знает, Ранфельт и трое или четверо других могли пролезть через шкаф и идут присоединиться к Вигго. Было бы самоубийством выходить туда, даже с трубой.

Именно тогда он замечает решётку в потолке. Это одна из тех старомодных, размером с коробку для пиццы. Она сделана из пластика и выглядит довольно легко снимаемой.

Аксель хмурится, игнорируя стоны от Вигго. Неужели я и правда смогу? Смогу ли я, как Джон Макклейн, выбраться отсюда?

Это могло бы быть осуществимо. По крайней мере, в теории. Есть только два возможных препятствия, которые он может представить.

Первое: Вентиляционный канал, вероятно, больше не используется, и он может быть не подключён к новой системе. Что означает, что это может быть тупик.

Второе: Потолок более трёх метров в высоту. Слишком высоко для Акселя, чтобы достать. И нет ничего, на что он мог бы встать.

Тем не менее, вентиляционный канал — его лучшая ставка. Последняя ставка.

Аксель отпускает дверную ручку — снова чувствуя, будто ныряет на глубокий конец бассейна, не умея плавать — и подходит к решётке. Он кладёт телефон на пол, затем бе-

рёт трубу и вонзает её вверх. Пластик оказывается ещё более хрупким, чем он ожидал. Решётка почти взрывается, осыпая его кусками и пылью.

Аксель чихает и отступает в сторону. Что-то попало ему в глаз, и он потирает его со стоном. В этот момент его телефон начинает звонить. Аксель смотрит на экран. Это Фрида.

Поскольку он поглощён этим, Аксель не замечает, как дверь открывается позади него.

Кристоффер уставился на спину мужика. Тот просто стоит перед дверью кладовки, не двигаясь.

— Чего ты ждёшь? — спрашивает Кристоффер, наклоняясь в сторону, пытаясь увидеть его лицо.

Крупный парень дёргается.

— А? О, я просто... мне просто нужна минута... Просто... дай подумать.

— Конечно, — говорит Кристоффер, хмурясь, когда тот прислоняется к стене. — Но я имею в виду, это ты хотел...

— Просто у меня голова немного кружится, — бормочет мужик, вытирая лоб рукавом. Его речь внезапно становится невнятной. — Я потею? Мне кажется, я потею. — Он пошатывается и спотыкается.

— Эй, думаю, тебе стоит присесть, мужик.

— Я сяду, — бормочет мужик, затем падает на полки, увлекая за собой кучу вещей. Звук разбивающихся банок громкий в крошечной кладовке. Он приземляется на бок, голова повёрнута в сторону, и он остаётся совершенно неподвижным, тяжело дыша.

Кристоффер смотрит на мужика. Глядя на его лицо, очевидно, что ему нехорошо. Его глаза опухшие, щёки красные, и он потеет ручьём. Его губы двигаются, будто он всё ещё говорит.

Чёрт. Уже? Ну, его укусили в большой палец, где главная артерия. Инфекция, вероятно, пошла прямо к сердцу.

Кристоффер не особо удивлён. Он знает, что происходит. Просто не ожидал, что это случится так быстро.

Мужик умирает. Он будет мёртв в течение минут. Ничто не может его спасти, так что Кристоффер даже не собирается пытаться. После столкновения с Хельдой у него не осталось иллюзий. Он провёл все эти дни в кладовке, привыкая к мысли о том, что люди умирают.

У Кристоффера больше не осталось семьи, с тех пор как умерла его бабушка, и он чувствовал себя в каком-то смысле удачливым, что ему не придётся сталкиваться с личным горем, вызванным захватом зомби. Всё, что ему нужно было делать, — это беспокоиться о своём собственном выживании.

Пока он находился в плену в кладовке, логическая часть его мозга время от времени пыталась вклинить и убедить его, что всё это ерунда, что это не может быть реальностью.

А затем он слышал, как Хельда стонет и скребётся в дверь. Напоминая ему, насколько это реально.

Так что Кристоффер давно прошёл стадию удивления, сомнений или колебаний. Он уже в курсе дела и не тратит время.

Мне нужно выбираться отсюда. Прямо сейчас.

Опустившись на колени, он пытается взять пистолет у мужика. Тот всё ещё сжимает его в здоровой руке и упал в

неудобное положение, прижав его под грудью. Кристофферу нужно перевернуть его на спину, чтобы добраться до пистолета. Когда он это делает, мужик шевелится и стонет. Его веки трепещут, когда он пытается поднять взгляд.

— Папа? — кричит он. — Что ты здесь делаешь?

Он звучит как лунатик. Кристофферу жаль его. Он не отвечает и старается не смотреть мужику в лицо. Тот уже становится пепельным. Удивительно, что он всё ещё в сознании.

— Всё в порядке, — шепчет он, пока мужик держится за пистолет. — Я возьму это. Отпусти.

— Нет, — бормочет мужик, сопротивляясь. — Нет, это моё. Прекрати! — Он внезапно ревёт, слюни разлетаются с его губ, и он бьёт Кристоффера больной рукой.

Кристоффер отскакивает как раз вовремя. Он чувствует, как костяшки пальцев мужика задевают его подбородок. Будь удар точным, Кристоффер, несомненно, был бы вырублен. Вместо этого мужик ударяет по нижней полке, затем пронзительно вскрикивает.

— Ай! Чёрт возьми...

Боль, кажется, возвращает его. Он моргает и садится, пошатываясь, сжимая раненую руку, дыша сквозь стиснутые зубы.

— Всё в порядке, — говорит Кристоффер, протягивая обе руки. — Просто расслабься. С тобой всё будет хорошо.

— Моя рука, — стонет мужик. — Что случилось с моей рукой? Блядь, так больно...

— Ты просто ударил её, вот и всё.

Мужик уставился на повязку, затем посмотрел на него, его глаза плавали.

— Это ты сделал... ты испортил мой палец...

— Нет, — говорит Кристоффер, решительно качая головой. — Я пытался помочь тебе. Клянусь. Я просто...

— Ты пытался убить меня, — говорит мужик, повышая голос. — А затем пытался взять мой пистолет...

Даже пока он ещё говорит, Кристоффер осознаёт, что собирается сделать мужик. Это написано у него на лице. Гнев, растерянность, страх. Кристоффер инстинктивно тянется к ближайшей банке.

— Ты мелкая крысёныш, — рычит мужик, поднимая пистолет, чтобы нацелить его в грудь Кристоффера.

Кристоффер швыряет банку изо всех сил, как раз в тот момент, когда мужик стреляет.

Якоб наблюдает, как всё выходит из-под контроля с площадки над холлом.

После того как Фрида ушла из его комнаты, он пролежал там, может быть, минут двадцать, чередуя дремоту и тревогу. Наконец он встал и нашёл свой телефон в штанах, которые были аккуратно положены на табурет. Он позвонил Акселю, но брат не ответил.

Фрида сказала ему, что вернётся через пять минут. Прошло уже по крайней мере двадцать. И никакой тревоги не было. Насколько знал Якоб, дерьмо могло разлетаться по всей больнице. Вигго мог очнуться и убить нескольких людей, включая Акселя.

Именно тогда Якоб решил, что не будет ждать, чтобы узнать.

Поэтому он переоделся в свою одежду — что было непросто с перевязанной рукой. Особенно трудно оказалось просунуть её в рукав рубашки. Малейшее давление причиняло боль.

Когда он выглянул в коридор, он не увидел ничего необычного, только обычную суету. Он выскользнул и пошёл к лифтам. К счастью, на нём была толстовка, так что он мог спрятать руку в карман.

Выглядывая как можно более незаметно, он подошёл к

лифту и нажал кнопку. Когда он открылся, внутри уже кто-то был. Санитар с худым парнем в инвалидной коляске.

— Вниз? — спросил санитар, когда Якоб вошёл.

— Да, — пробормотал он, не нажимая никаких кнопок.

Лифт поехал на третий этаж, и санитар выкатил коляску. Якоб собирался ехать до самого низа, но, когда он уже собирался нажать кнопку, услышал, как кто-то кричит: «Осторожно! Осторожно! Отойдите от него!»

Он вышел и подошёл к перилам, чтобы выглянуть в холл. И он понял, насколько ему повезло. Нажми он тогда ту кнопку, он, вероятно, был бы мёртв.

Казалось, всё только начиналось. Молодой парень, одетый как санитар, напал на людей. В течение секунд всё превратилось в слепой хаос. Якоб видел, как по крайней мере пять человек получили смертельные ранения, его сердце сжималось с каждым из них.

Это всё моя вина, — подумал он, чувствуя тошноту. Почему я не послушал Вигго?

Затем он заметил, как Фрида выбегает из холла в сопровождении другой медсестры.

И Якоб сам пришёл в движение. Он вернулся к лифту и поднялся обратно на седьмой этаж. Не совсем понимая, куда идти, он решил вернуться в свою комнату. Как раз когда он вышел из лифта, через скрытые динамики начал звучать аварийный сигнал.

Он вернулся бегом в комнату 13, обнаружив дверь всё ещё

приоткрытой, и запер её за собой.

Теперь он сидит на своей кровати, слушая запись, которая повторяется снова и снова, приказывая ему оставаться на месте, сохранять спокойствие и ждать дальнейших указаний.

Затем, неожиданно, кто-то стучит в дверь его комнаты, и голос говорит: — Алло? Якоб?

— Осторожно!

Предупреждение Оливии приходит как раз вовремя. Фрида была так сосредоточена на подъёме по лестнице, что не заметила защитный костюм, брошенный кем-то на ступеньки. Она поскользывается на нём, но успевает ухватиться за перила, избегая болезненного падения.

— Спасибо, — бормочет она, отшвыривая костюм ногой.

Они преодолели как минимум три этажа за рекордное время, и икры Фриды горят огнём.

— Давай, нам нужно продолжать, — говорит Оливия, тоже звуча запыхавшейся.

Они продолжают подниматься. Экстренное сообщение всё ещё повторяется, уже в третий раз. Внизу Фрида слышит крики, вопли и других, бегущих вверх по лестнице. Звучит как настоящая давка, и она благодарна, что Оливия действовала быстро, дав им фору, иначе их могли бы затоптать.

— Куда... мы идём? — спрашивает Фрида, изо всех сил стараясь поспевать за высокой медсестрой.

— Куда угодно, — отвечает Оливия через плечо. — Я почти уверена... этажи заблокированы... чтобы изолировать любую заразу... так что нам, возможно, придётся...

Она резко останавливается, когда они достигают площадки четвёртого этажа, и Оливия чуть не врежется в женщи-

ну, которая тянет дверь в отделение. Обычно двери всегда открыты, но Фрида замечает, что свет на электронном замке сверху горит красным.

— Почему я не могу войти? — требует женщина пронзительным голосом, поворачиваясь к Оливии и Фриде, словно они лично создали проблему. — Все этажи заблокированы!

Женщина одета в современные джинсы и то, что выглядит как дорогая рубашка. Она была бы привлекательной, если бы не дикий взгляд в глазах и растрёпанное состояние волос. Ей лет сорок, и Фрида принимает её за деловую женщину. Вероятно, здесь, чтобы навестить кого-то.

— Иди с нами, — говорит Оливия, указывая вверх. — Я могу привести нас в безопасное место.

Женщине не нужно дальнейших приглашений. Она присоединяется, пока они продолжают путь на следующий этаж. Здесь Оливия останавливается и выдёргивает свою ключ-карту. Она прикладывает её к панели рядом с дверью, затем набирает код. Замок жужжит, и Оливия распахивает дверь. — Давайте, заходите.

Женщина протискивается мимо Фриды, и все трое входят в отделение. Оливия позволяет двери закрыться за ними, и слышен щелчок замка.

— Хорошо, слушайте, — говорит Оливия, смотря то на Фриду, то на женщину. — Сейчас самое безопасное место — это палаты пациентов. Нам просто нужно найти пустую. На этом этаже электронные замки на всех дверях, так что мы

можем...

— Ты говоришь мне, что мы будем прятаться в палате пациента? — спрашивает женщина. — Я думала, мы выбираемся отсюда!

— Мы не можем, — хмурясь, говорит Оливия. — Ты не слушала? Они запечатали все выходы. Мы не можем...

— Мы можем выпрыгнуть из окна, — настаивает женщина. — Нам просто нужно вернуться вниз.

Она поворачивается и уже собирается уйти, когда Оливия хватается её.

— Слушай! Мы не можем этого сделать. Во-первых, первый этаж больше не безопасен. А во-вторых, нам не разрешено уходить. Ты не понимаешь, что здесь происходит? Распространяется какая-то неизвестная болезнь, и если мы уйдём, мы рискуем выпустить её в общество.

Лицо женщины становится пустым. Крошечные мышцы на щеках дёргаются, и Фрида видит, что она борется с собой.

— Я не заражена, — говорит она, почти не шевеля губами. — Я не представляю угрозы ни для кого. Я могу уйти, если захочу. Это моё право.

Оливия качает головой.

— Мне жаль, но твои права приостановлены.

Женщина щурится.

— Ты не указываешь мне, что делать. Убери руки от меня.

Оливия отпускает без дальнейших споров.

— Хорошо. Знаешь что? Иди обратно туда. Найди окно,

чтобы выпрыгнуть. Посмотрим, как далеко ты продвинешься. Даже если тебе удастся выбраться, тебя просто застрелят.

Лицо женщины снова меняется, на этот раз на замешательство.

— Застрелят? Кто застрелит меня?

— Власти, ради всего святого! Готова поспорить, они окружают больницу, пока мы говорим. Теперь, ты идёшь с нами или нет?

У женщины нет времени ответить, прежде чем кто-то начинает стучать в дверь, через которую они только что вошли.

— Эй! Кто-нибудь, откройте! Впустите меня! — Это мужской голос, пронзительный и испуганный. — Они идут! Впустите меня, чёрт возьми!

Оливия не отводит глаз от женщины.

— Вс ещё хочешь вернуться туда?

— Я... я...

— Помогите! Откройте, чёрт побери, дверь! — Мужчина отчаянно колотит. Затем он внезапно бросает это и, по-видимому, продолжает бежать наверх.

Женщина смотрит на Оливию, сглатывая.

— Я остаюсь с тобой.

— Хорошо. Давайте найдём комнату.

— Тринадцатая, — слышит Фрида собственный голос.

Оливия смотрит на неё.

— Тринадцатая пуста?

— Нет, но я знаю пациента.

Оливия один раз кивает, затем они направляются по пустому коридору. Каждая дверь закрыта, никто не любопытствует выглянуть и посмотреть, что происходит.

Они останавливаются у 13, и Оливия стучит, затем смотрит на Фриду.

— Алло? Якоб? — говорит Фрида, подходя ближе. — Это я, Фрида. Я здесь с двумя другими. Не мог бы ты открыть дверь, пожалуйста?

Проходит несколько секунд. Затем Якоб спрашивает с другой стороны:

— Аксель с тобой?

— Нет. Я только что говорила с ним. Он всё ещё в подвале.

Якоб медленно открывает дверь, выглядывая на них.

— Кто-нибудь из вас ранен?

— Мы не заражены, если ты об этом, — говорит Оливия. — Никто из нас не был рядом с заражёнными. Мы вовремя выбрались оттуда.

Фрида замечает, как женщина подчёркнуто кивает.

— Ладно, — говорит Якоб, открывая дверь полностью.

Они входят, и Оливия использует свою ключ-карту, чтобы запереть дверь.

— Вот, — говорит она, с облегчением выдыхая. — Теперь никто другой не сможет войти.

— Отлично, — говорит женщина, снимая свою рубашку, обнажая белую майку и загорелые руки. У неё подтяну-

тое тело для её возраста. Фрида представляет, что она кто-то, кто много тренируется и выкладывает их фотографии в Instagram. — Теперь мы будем сидеть здесь, пока не умрём с голоду.

— Возможно, не так долго, — говорит Оливия. — Уверена, они начнут эвакуацию здания, как только смогут.

— Что сказал Аксель? — спрашивает Якоб Фриду. — Я только что пытался позвонить ему, но он не взял трубку.

Фрида ловит себя на том, что всё ещё смотрит на женщину. Что-то в ней вызывает у Фриды беспокойство. Она не может определить, что именно, однако.

— Эм, он сказал...

— Кому-нибудь ещё нужно в туалет? — спрашивает женщина, указывая. — Мне нужно кое-что сделать, так что это может занять время.

— Сделать что? — спрашивает Оливия. — Если не возражаешь сказать?

Женщина бросает на неё ледяной взгляд.

— Возражаю, спасибо.

— Это твоя лодыжка?

Глаза женщины становятся ещё холоднее.

— Почему бы тебе не заниматься своим делом?

Фрида не замечала до сих пор, но женщина, кажется, обмотала тканью нижнюю часть ноги, затем натянула штанину поверх неё.

— Что случилось? — спрашивает Якоб, его голос напря-

жён.

Женщина хмурится на него. Все трое смотрят на неё, и она, очевидно, чувствует, что у неё нет выбора, кроме как ответить.

Она фыркает.

— Успокойтесь, хорошо? Я подвернула её, раз уж вам так надо знать. Я споткнулась, поднимаясь по лестнице, и, должно быть, содрала кожу, потому что пошла кровь. Сейчас пойду сменить повязку. То есть, если у меня есть ваше разрешение? — Она разводит руками и смотрит на них по очереди.

— Ты сказала, что вы не были рядом с заражёнными, — обращается Якоб к Фриде. — Ты была с ней всё время?

— Эй, я стою прямо здесь, — рычит женщина. — Если ты хочешь что-то узнать обо мне, я бы оценила, если бы ты спросил меня напрямую.

— Ты была? — повторяет Якоб, игнорируя женщину. — С ней всё время?

Фрида моргает. Странное чувство, которое она испытывает от женщины, усиливается. Но она всё ещё не может его определить.

— Нет, — говорит она, качая головой. — Мы не...

— Мы встретили её на пятом этаже, — говорит Оливия, голосом, очевидно предназначенным для успокоения. — Мы были первыми, кто покинул холл. Она не могла попасть туда раньше нас, особенно если бы её атаковал... один из них.

— Спасибо, — саркастически говорит женщина. — Те-

перь, я могу пойти? Прежде чем я запачкаю кровью свои туфли? Они были довольно дорогими.

— Был ли холл единственным местом, куда добрались заражённые? — настаивает Якоб. — Она не могла встретить кого-то ещё где-то?

— Господи, — выдыхает женщина.

— Нет, мы видели, как это случилось, — уверяет его Оливия. — Есть только один путь наверх из подвала, и это лифт.

Женщина качает головой с явным негодованием, затем идёт в ванную и запирает дверь.

— Извини, — говорит Якоб, его плечи опускаются на несколько сантиметров. Теперь, когда женщины нет здесь, часть напряжения уходит из воздуха. — Просто... после того, что случилось... я уже однажды здорово облажался.

Фрида видит, как его нижняя губа начинает подрагивать, прежде чем он отворачивается.

— Эй, всё в порядке, — говорит она. Она подходит к нему и обнимает за плечи. — Не было никакой возможности, чтобы ты мог знать, что произойдёт.

— Да, была, — говорит Якоб, его голос дрожит. — Мой друг... он предсказал это... ещё до того, как мы выбрали того парня... но я был настроен решительно привезти его обратно. Я хотел, чтобы Аксель... о, чёрт... и теперь он, вероятно, умрёт из-за меня...

— Эй, эй, нет причин так думать, — говорит Фрида, сжимая его руку. — Аксель сильный. И умный. Когда я говорила

с ним, я поняла, что он... справляется. Он знает, что делать, поверь мне. Кроме того, мне не нужно тебе рассказывать. Ты знаешь его лучше, чем я. Верно?

Якоб сопит, затем пожимает плечами.

— Наверное, да.

— Думаешь, пара зомби достаточно, чтобы одолеть его?

Якоб делает вдох, успокаиваясь.

— Нет, не думаю.

— Я тоже. Увидишь, с ним всё будет в порядке. Садись и постарайся расслабиться. Ты пережил многое. Тебе нужно отдохнуть, пока не прибудет помощь.

Как по заказу, как только Якоб садится на кровать, из здания доносится крик — возможно, из лестничной клетки. Крик боли и удивления.

Оливия подходит к окну и смотрит на улицу вниз.

— Они здесь, — говорит она, с облегчением в голосе. — Я насчитала четыре полицейские машины только из того, что вижу.

— Слава Богу, — говорит Фрида. — Они возьмут ситуацию под контроль.

— Можешь попробовать ещё раз позвонить Акселю? — спрашивает Якоб.

— Конечно. Знаешь что? Ты можешь позвонить ему сам. — Она передаёт ему свой телефон, когда видит, как Оливия жестом головы зовёт Фриду присоединиться к ней.

Фрида ещё раз сжимает руку Якоба, ободряюще улыбаясь

ему, затем подходит к Оливии.

— Хорошая работа по успокоению его, — тихо говорит Оливия.

— Спасибо, — улыбается Фрида.

Оливия приподнимает одну бровь.

— Теперь, пожалуйста, объясни мне кое-что...

— Да?

— Что, чёрт возьми, такое зомби?

Аксель уже собирается ответить на звонок, когда улавливает звук сзади.

Резко обернувшись, он видит, как Вигго идёт на него.

Он вскрикивает и в последнюю секунду отпрыгивает в сторону. Вигго пошатывается вперёд, хватаясь за него, его пальцы промахиваются мимо руки Акселя всего на дюймы.

Аксель движется к теперь открытой двери, затем передумывает, когда через неё проходит Горан.

— Блядь!

Вместо этого он бросается к трубе, которую по глупости уронил, когда что-то попало ему в глаз. Несмотря на то, что он всё ещё может видеть только одним глазом, Аксель успевает схватить трубу и отступить, как раз когда Вигго снова хватается за него. На этот раз тому удаётся зацепить рукав Акселя за плечо, и тому приходится сильно дёрнуться, чтобы высвободиться.

Теперь и Вигго, и Горан приближаются к нему, загоняя Акселя в угол, свет от телефона на полу позади них превращает их в теневые силуэты, когда они оба тянутся к нему.

Аксель не может отвести трубу, чтобы нанести правильный бейсбольный удар, поскольку прижат к стене. Вместо этого он поднимает её прямо вверх в вертикальное положение и обрушивает вниз со всей силы. Он целится в Вигго,

поскольку тот на шаг ближе, чем Горан.

Труба встречается с тошнотворным глухим ударом, сваливая Вигго на пол. Удар настолько сильный, что у Акселя руки пронзают огненные вспышки, и он почти снова роняет своё оружие. Когда Вигго падает, Аксель замечает видимую вмятину на макушке его головы. У него нет времени, чтобы дальше любоваться своей работой, однако, потому что Горан бросается вперёд.

Аксель успевает поднять трубу как раз достаточно, чтобы ткнуть её концом в солнечное сплетение Горана. Это удерживает его, но также, кажется, оживляет. Тот толкается вперёд, царапая трубу, почти дотягиваясь до рук Акселя, кусая воздух.

Аксель держится за трубу, как за спасательный круг в шторме. Сначала Горан заставляет его отступать, но, упираясь в стену, Аксель способен взять верх и оттеснить противника назад. Если он сможет создать немного дистанции, он сможет...

Краем глаза он чувствует, как Вигго шевелится, ползёт вперёд и нацеливается на его ногу.

— Ты, блядь, оставайся внизу! — ревёт Аксель, нанося удар ногой по футбольному мячу под подбородок, заставляя того перекатиться. Этого недостаточно, чтобы убить его, однако, и тот просто продолжает приближаться.

Аксель стискивает зубы и отталкивает Горана назад, заставляя его пройти через комнату, останавливаясь только ко-

гда прижимает к противоположной стене. Затем он отводит трубу в сторону, завершая полный замах и сбивая Горана с ног идеальным ударом в скулу.

Развернувшись, он подвергается нападению Вигго, который сумел снова подняться на ноги. Ещё раз, ограниченное пространство не позволяет Акселю нанести правильный замах, поэтому вместо этого он коротким апперкотом вскидывает трубу вверх. Услышав, как щёлкают зубы Вигго, он видит, как тот пошатывается назад, что даёт Акселю как раз достаточно времени и дистанции, чтобы наконец прицелиться и ударить его в висок. На этот раз Вигго больше не поднимается.

Развернувшись к Горану, он видит, что тот всё ещё лежит, пытаясь встать на руки и колени. Но удар по голове явно расшатал внутренние связи, потому что его конечности не совсем слушаются. Он похож на неисправного робота и жалостно стонет.

Аксель чувствует тошнотворное ликование, когда поднимает трубу ещё раз. Он издаёт победный крик, когда она обрушивается на основание черепа Горана, отправляя его вниз окончательно. Тот дёргается ещё несколько раз, затем замирает.

Аксель несколько раз поворачивается, убеждаясь, что никто не поднимается. Адреналин всё ещё бурлит в нём. Он дрожит и потеет с ног до головы. Его лёгкие ходят ходунком от напряжения, а сердце колотится, будто пытается про-

рваться сквозь грудную клетку.

— Святое дерьмо... я только что прикончил двух зомби, — говорит он, разражаясь визгливым смехом. — Это намного сложнее, чем показывают в кино...

Он вытирает лоб тыльной стороной дрожащей руки. Затем идёт и поднимает телефон. К счастью, никто на него не наступил. Он больше не звонит.

Именно тогда он слышит шаркающие шаги из коридора. Аксель резко разворачивается, направляя свет на открытую дверь. Кто-то явно идёт сюда.

— О, да ладно... — шепчет Аксель, готовясь к очередной борьбе за жизнь.

Аннемари сдирает повязку. Она делает это очень осторожно. Сантиметр за сантиметром. Морщась от боли.

Даже не видя рану, она может сказать, что она плохая. Запах, исходящий от её лодыжки, напоминает ей тот раз, когда она случайно оставила продуктовый пакет в багажнике своей машины. Это было летом, и целую неделю машина стояла на солнце. Когда она однажды утром вышла, чтобы поехать на работу, курица в пакете протухла. Её машина воняла ещё несколько недель после этого.

Теперь, глядя на рану на коже, она не может не вспомнить, как выглядело мясо, когда она отнесла пакет на свалку. Почерневшее. Жирное. Гнилое.

Это не может быть гангрена, — говорит она себе. Просто нет возможности. Прошло всего, что, двадцать минут?

И всё же это выглядит очень похоже на гангрену. Если бы она не знала лучше, она была бы склонна думать, что ткань вокруг раны уже мертва. Даже есть зеленоватый оттенок, и он распространился почти от пальцев ног до колена. Цвет безошибочно такой же, как у неизвестного и у того парня, который напал на них в подвале.

Что за чёрт это такое?

Как специалист по инфекционным заболеваниям, Аннемари, если кто и может, должна быть способна ответить на

этот вопрос. Но ничего из того, что она когда-либо видела, читала или слышала, не соответствует тому, на что она сейчас смотрит.

Лиссавирус, такой как бешенство, проявлялся бы множественством других симптомов и не наступал бы так быстро.

Некротизирующий фасциит потенциально мог бы двигаться так быстро, но зелёный цвет совершенно неподходящий.

Несколько редких типов бактерий могут производить гной, содержащий зелёный пигмент, но опять же, временные рамки для этого слишком узкие.

Ничего не подходит. Может, комбинация тогда? Две или три разные инфекции, действующие вместе? Маловероятно. Бактерии и вирусы почти всегда предпочитают действовать в одиночку.

Единственное, на чём может остановиться её разум, — это что-то совершенно новое и невиданное. Что, конечно, было причиной, по которой её вызвали сюда изначально. Сначала она не поверила, когда Даль позвонил ей. Она работала с ним пару раз раньше и находила его особенно надоедливym человеком и посредственным врачом.

Только когда они начали вскрытие и она действительно увидела ткань и результаты анализов собственными глазами, она начала верить, что перед ними может быть что-то очень близкое к новому медицинскому открытию.

Мысль о том, что это, вероятно, назовут в честь Даля, ко-

нечно, раздражала.

Она поднимает ногу в раковину и открывает горячий кран. Она моет рану как можно мягче и тщательнее тёплой водой и дезинфицирующим средством для рук. Жжёт как ад, и всё, что она может сделать, — это сдержать несколько ругательств.

Когда она закончила, рана выглядит немного менее кровавой. Она всё ещё пульсирует, и боль заставила капельки пота выступить на её верхней губе и лбу. Она использует бумажное полотенце, чтобы вытереть его. Она удивлена, обнаружив, что пота много. Её волосы прилипли к вискам, а подмышки тоже мокрые.

Глядя на себя в зеркало, она видит, что её щёки красные, глаза затуманенные.

Что ж, можно добавить лихорадку к симптомам, — думает она, замечая, как её мысли становятся туманными. Моя система борется с тем, что бы это ни было.

Она включает холодный кран, складывает ладони и выпивает несколько больших глотков. Это прекрасно ощущается в горле. Она брызгает немного на лицо и шею.

Затем она опускается на унитаз, желая отдохнуть минуту, пока пытается собраться с мыслями.

Не осознавая того, Аннемари теряет сознание.

Якоб снова звонит Акселю. Он сидит на подоконнике, глядя на растущее зрелище внизу. Полицейские машины, скорая помощь, пожарные машины и люди, бегающие вокруг, некоторые в защитных костюмах.

Фрида присоединяется к нему, улыбаясь.

— Какие-то успехи?

— Нет, — говорит Якоб, завершая звонок. — Он переходит на голосовую почту.

— Он мог потерять телефон.

— Или он мог умереть.

— Эй, не настраивай себя так. Хорошо?

Якоб кивает. Его сердце говорит ему, что Аксель не может быть мёртв. Что его брат всё ещё сражается. Но узел в желудке утверждает обратное.

Другая медсестра — Оливия — подходит к двери ванной и стучит.

— Ты там в порядке?

— Да, я в порядке, — доносится голос женщины. Её тон раздражённый, граничащий с враждебным.

— Дай нам знать, если что-то понадобится, — говорит Оливия. — Мы же медсёстры.

Женщина фыркает.

— Я знаю, как сменить повязку, большое спасибо. Про-

сто... это занимает немного больше времени.

Оливия бросает на них взгляд, затем пожимает плечами и возвращается к стулу у стены.

— Это действительно безумие, — говорит Фрида, двигаясь ближе к окну. — Я всё ещё не могу поверить, что это действительно происходит. Как будто мы в фильме-катастрофе, понимаешь?

— Да, — соглашается Якоб. — Я никогда не верил во всё это. Монстров. Вампиров, оборотней, зомби. Я думал, что всё это глупо. Но мой друг... — Он не может заставить себя произнести имя Вигго. — Тот, который... ты знаешь.

Фрида кивает.

Якоб откашливается и продолжает.

— Он увлекался всем этим. Ролевыми играми, переодетием в орков и прочую хрень. Он состоял в этом клубе, и они бегали по лесу. Я думал, что это чертовски тупо. — Якоб улыбается. — Он никогда не говорил этого прямо, но я уверен, что он действительно верил, что это реально. Понимаешь? Что где-то на планете прячутся монстры. И что однажды мы это узнаем. — Якоб пожимает плечами. — Получается, он был прав, я думаю. И более того, они были прямо здесь, на нашем заднем дворе.

— Я действительно не думаю, что мы должны делать такие выводы пока что, — вмешивается Оливия.

Якоб удивлён, что она слушала.

— Выводы, какие?

— Что это... зомби. Монстры, как ты их называешь. Я думаю, гораздо более вероятно, что это какая-то странная болезнь.

Якоб просто смотрит на неё.

— Ты видела их вблизи?

— Да, и я согласна, выглядит страшно. Но также выглядят и поздние стадии рака. Или бешенства.

Якоб безразлично качает головой.

— Называй это болезнью, если тебе так легче. Это, блядь, мёртвые люди, возвращающиеся к жизни. Для меня это монстры. — Последнюю часть он бормочет себе под нос, поворачивая голову, чтобы снова посмотреть на улицу вниз. Кажется, сейчас эвакуируют людей. По одному. Осторожно. Каждого сопровождают несколько медиков в полном обмундировании. Также десятки полицейских в антипроблемной экипировке занимают позиции вокруг входных дверей.

— Что случилось там? — спрашивает Фрида. — В лесу?

Якоб не хочет вспоминать, но, к сожалению, его память вернулась, и в ярких деталях тоже. Не думая особо, он начинает говорить.

— Мы нашли его в старой избушке. Он повесился. Он был мёртв уже давно. Весь одеревеневший и замёрзший. Была записка, которую он оставил. Он сказал сжечь его тело. Должно быть, он знал, что с ним происходит. Думаю, поэтому он и убил себя. Наверное, надеялся не вернуться. Но вернулся. Как только он умер, инфекция или что бы там ни было, долж-

но быть, оживила его. Мы могли сказать, что он скрёб балку после того, как снова очнулся. Но не мог сообразить, как слезть. Затем пришла зима, и он замёрз. Пока мы не пришли и не привезли его в тёплую машину. Мы его разморозили. — Якоб делает глубокий, дрожащий вдох. — Мы понятия не имели, что происходит, пока не стало слишком поздно.

Он замечает, как медсёстры обмениваются взглядами.

— Так... может быть, их больше? — спрашивает Фрида.

— То есть, должны же быть, верно? Кто-то должен был заразить того парня, которого вы нашли.

Якоб медленно кивает.

— Я думал об этом. Есть пара объяснений, которые я могу представить. Либо он был первым. Либо ему удалось убить того, кто его заразил. Или... — Он смотрит на Фриду, затем на Оливию. — Или кто-то ещё всё ещё там. Они могут быть пойманы в подобном месте, как он. Может, связаны или заперты где-то. Ждут, чтобы кто-то наткнулся на них и был укушен...

Банка, предназначенная для головы мужика, взрывается в воздухе.

Выстрел, предназначенный для груди Кристоффера, разбивает банку и разбрасывает стекло и варенье из ежевики повсюду.

Кристоффер пошатывается в сторону, закрывая глаза как раз вовремя, чтобы ничего не попало в них.

Мужику не так повезло. Он стонет, когда его лицо покрывается сладкой тёмно-красной субстанцией. По крайней мере, Кристоффер предполагает, что он стонит. Он не может ничего слышать. Выстрел превратил звуки мира в далёкое гудение.

Пока мужик всё ещё сидит там, пытаясь снова увидеть, Кристоффер бросается за пистолетом. Он пытается вырвать его из его руки, но мужик крепко держится, даже не видя. По-видимому, он действует рефлекторно, совершая какое-то изученное движение, хватая указательный палец Кристоффера и заламывая его назад.

Кристоффер вскрикивает от боли и не имеет выбора, кроме как отпустить.

— Ты кусок дерьма, — стонет мужчина, удерживая палец Кристоффера. Он способен делать это, не используя свой собственный раненый большой палец. — Думал, перехит-

ришь меня, да? Ну, я тебе покажу...

Он направляет пистолет туда, где, как он предполагает, находится грудь Кристоффера. Он угадывает верно. У Кристоффера нет выбора. Он использует свободную руку, чтобы сильно ударить по перевязанному большому пальцу мужика.

Мужик забывает обо всём, кроме стрельбы из пистолета. Он широко открывает рот и издаёт пронзительный вопль нечленораздельной боли. Он роняет пистолет на пол и хватается за раненую руку.

Кристоффер снова бросается за пистолетом, хватая его и поднимает. Когда он оборачивается, он видит, как мужик идёт на него, всё ещё в основном ослеплённый вареньем, но теперь способный смотреть на него одним безумным, лихорадочным глазом.

— Я разорву тебя на куски, — рычит он.

Затем Кристоффер стреляет из пистолета.

Шаги приближались, и Аксель с ужасом осознал — их больше одного. По меньшей мере, двое.

Внутри всё оборвалось.

С двумя мне не справиться.

Адреналин снова ударил в кровь, но он чувствовал лишь опустошающую усталость после первой схватки и лёгкое головокружение. И тут, откуда ни возьмись, в голове мелькнула мысль. Он взглянул на два тела у своих ног, потом — на отверстие в потолке.

Черт... А ведь может сработать. Если успеть.

Он рванулся к двери и с силой захлопнул её прямо перед носом показавшейся в проёме фигуры. Судя по массивному силуэту, это был Даль. Аксель не разглядел черт лица начальника — и был благодарен за это. Он также был благодарен, что ему не придётся сходить в бою с этим здоровяком-моргомщиком, вооружившись лишь трубой. Кончилось бы плохо. Тем более что за Далем явно был кто-то ещё.

Аксель попытался заклинить ручку двери трубой, но та оказалась слишком длинной и соскальзывала. Пришлось бросить эту затею. Он мог лишь надеяться, что Даль окажется недостаточно сообразительным, чтобы просто открыть дверь. И, судя по тому, что с той стороны уже раздавалось скребущее посильное бормотание и глухие удары в створку,

а ручка оставалась неподвижной, Акселью могло повезти.

Поставив телефон на пол фонариком вверх, он ухватился за ноги Вигго и оттащил тело в сторону. Задрал голову — он расположил труп прямо под вентиляционной шахтой. Затем схватил за лодыжки Горана, не спуская глаз с двери. Ручка по-прежнему не двигалась. За дверью стонал Даль. Тот, кто был с ним, присоединился к бестолковому штурму.

В тот миг, когда Аксель начал тащить Горана по полу, тот вдруг резко сел, с шипением наклонился вперёд и потянулся к его горлу.

Всё произошло так внезапно и быстро, что Аксель среагировал на чистом рефлексе. Он со всей силы ударил Горана по голове. Того откинуло назад, но он продолжал шевелиться. И тут Акселя, охваченного внезапной яростью, словно подменили. Он вскочил на ноги и начал молотить каблуком по голове Горана.

— Да когда же ты, тварь, сдохнешь?!

Услышав отвратительный хруст, Аксель заставил себя остановиться. Он тяжело дышал и смотрел на свои окровавленные костяшки. В тусклом свете было не разобрать, чья это кровь — его собственная или того, чьё лицо он только что превратил в кровавое месиво.

Блин. Я только что сам себе выписал смертный приговор?

Ручка дёрнулась, отвлекая его от этих мыслей. Дверь не поддавалась, но это было опасно близко.

Аксель снова ухватил Горана и навалил его тело поверх

Вигго, сложив их крест-накрест. Затем вскочил на эту грудку и потянулся к потолку. Его пальцы вцепились в край отверстия, когда ручка дёрнулась снова.

На этот раз дверь распахнулась.

Стук в дверь резко вернул Аннемари к реальности.

— Вы там в порядке?

— Да, всё хорошо, — отрезала она, выпрямляясь и откашливаясь. Осознание вернулось за несколько секунд. Вместе с ним вернулась и боль в лодыжке. Острая, невыносимая.

Чёрт, сколько же я пробыла в отключке?

— Если что-то нужно — дайте знать. Мы всё-таки медсёстры, — прозвучал из-за двери заботливый голос. Эта забота лишь бесила Аннемари ещё сильнее.

— Я знаю, как сменить повязку, большое спасибо. Просто... это требует времени.

Медсестра поняла намёк и замолчала.

Аннемари подавила стон, когда по ноге прокатилась волна жгучей боли. Мне нужны антибиотики. Срочно.

Возможно, уже слишком поздно. Когда ткани начинают отмирать, кровоток в этой области прекращается, а значит, антибиотик не сможет добраться до очага и убить инфекцию.

Потребуется операция. Как только здесь наведут порядок, придётся вырезать гангрену. Могут даже ампутировать ногу.

От этой мысли по коже пробежали мурашки, стало холодно и противно. Представить жизнь с протезом было сюрреалистично. Аннемари всегда следила за формой и гордилась своим телом. Потеря конечности стала бы ударом по её са-

мовосприятию.

Она до сих пор не могла поверить, что это происходит наяву. Разум отказывался принимать реальность. Аннемари никогда не оказывалась в подобных ситуациях. Ей не приходилось бежать или бороться за жизнь. Когда она столкнулась с теми... «чудовищами» — именно это слово само пришло на ум, хотя рациональная часть настаивала на термине «пациенты» — в подвале, её парализовало. Она хотела бежать, но не могла. Тело не слушалось.

Ей было стыдно вспоминать, как тот подросток фактически волок её за собой. Он спас ей жизнь. А она бросила его там, внизу.

Блуждая в крошечной тьме, Аннемари была в слепой панике. Она не могла думать ни о чём, кроме побега, кроме того, чтобы убраться подальше от этих ужасных существ, что охотились на неё.

Продвигаясь на ощупь, что казалось вечностью, она вдруг увидела свет — узкую полоску под дверью. Она бросилась к ней, начала колотить и звать на помощь.

Кто-то — парень, довольно симпатичный — отпер дверь и выпустил её.

Аннемари почти упала ему на руки, щурясь от яркого света в лестничном пролёте.

— Эй, ты как? — спросил он, оглядывая её с ног до головы. — Что с тобой случилось?

Аннемари отдавала себе отчёт, что выглядит ужасно: за-

щитный костюм, растрёпанные волосы, широко раскрытые испуганные глаза. Она не могла бы ответить, даже если бы захотела. Просто вырвалась и, пошатываясь, поплелась вверх по лестнице. На площадке первого этажа она наткнулась на металлический столик на колёсиках. Схватила рулон бинтов и бутылку с антисептиком. Нога уже болела так сильно, что она едва могла идти.

Свалившись на пол у стены за столиком, она сорвала защитный костюм и начала промывать и перевязывать рану. Мимо прошли несколько человек, не заметив её. Она только закончила и попыталась встать, как из вестибюля донёсся чей-то крик.

Аннемари сразу поняла, что этот крик значит. Заражённые пробрались из подвала.

Она развернулась и побежала вверх по лестнице так быстро, как позволяла повреждённая нога. Она не особо понимала, куда бежит. Добежав до четвёртого этажа, она почти выбилась из сил и схватилась за дверь в отделение, но та оказалась заперта.

И тут появились те две медсестры.

Мне следовало сказать им, — подумала Аннемари, потирая влажную от пота шею. Я могла заразить и их. Если эта штука передаётся по воздуху...

Новая вспышка боли пронзила ногу, заставив её вскрикнуть. Это вырывало её из состояния, близкого к забытию.

Нельзя снова отключаться. Можно не проснуться. Нужно

двигаться. Найти хирурга.

Аннемари попыталась встать. По крайней мере, это было её намерением. Однако мир неожиданно перевернулся, и она оказалась лицом к лицу с кафельным полом.

Всё плохо. Я даже ходить не могу.

В этой мысли было что-то комичное, и она хрипло рассмеялась. Звук вышел настолько ужасным, что мгновенно превратил лёгкое головокружение в леденящий ужас.

Я теряю сознание. Если отключусь, ногу точно потеряю.

Из последних сил она встала на четвереньки и поползла к двери. Подняв руку, она увидела, как та дрожит у неё перед глазами. И, кажется, приобрела зеленоватый оттенок. Чего, конечно же, не может быть. Инфекция началась в лодыжке и никак не могла добраться до верхних конечностей за такое короткое время.

Ей удалось ухватиться за защёлку и повернуть её. Но когда она попыталась открыть дверь, её влажная ладонь соскользнула с ручки, и всё тело обрушилось на пол. Она рефлекторно попыталась прикрыть голову, но лоб всё равно с силой ударился о кафель, погрузив её в темноту.

Якоб не мог усидеть на месте и мерил шагами пространство перед окнами. Так всегда случалось, когда он нервничал — перед экзаменами, важными встречами. Ходьба почему-то помогала сбросить напряжение.

Он перестал звонить Акселю. Это было бесполезно. Либо у того не было возможности ответить, либо он...

Якоб тряхнул головой, отгоняя мысль. Даже думать об этом не хотелось.

Фрида стояла у окна, скрестив руки на груди. Оливия сидела на стуле, зажав ладони между коленей, и бессознательно покачивала ногой, уставившись в пол.

За окном почти стемнело. В городе зажглись огни. Машин было немного. Якоб предполагал, что большинство людей уже прилипли к экранам, следя за прямыми включениями из больницы. Из окна были видны фургоны местных телеканалов. Их оттеснили подальше, за оцепление, куда съёмочные группы не пускали.

Единственное утешение во всей этой ситуации заключалось в том, что, судя по всему, ни одному заражённому не позволили покинуть здание. Все выходы, насколько он мог судить, были под контролем.

Время от времени снаружи доносились крики, шум борьбы. Один раз мимо их комнаты пробежал кто-то. Пока что

выстрелов Якоб не слышал.

С ними обращаются как с больными, хотя их надо уничтожать.

Из динамиков снова раздалось объявление, на этот раз не записанное заранее. Говорил мужчина с низким, уверенным голосом: «Внимание всем, находящимся в здании больницы. Если вы в безопасности, в месте, куда не могут проникнуть заражённые, — оставайтесь там. Держите двери закрытыми, окна закрытыми. Помощь на подходе. Повторяю: вас спасут. Главное — не покидать укрытия, не рисковать и не пытаться выбраться самостоятельно. Мы не разрешаем никому выходить из здания без сопровождения сотрудников службы безопасности».

Якоб посмотрел на Фриду, и та ответила ему многозначительным взглядом, но ничего не сказала.

«Как вы, вероятно, уже понимаете, — продолжал мужчина, — мы имеем дело с чрезвычайной медицинской ситуацией. В больнице распространяется пока не идентифицированное заболевание. Оно обладает высокой контагиозностью и представляет серьёзную опасность. Передаётся через кровь, слюну и, вероятно, другие биологические жидкости. Пока у нас нет оснований полагать, что оно передаётся воздушно-капельным путём или при простом контакте. Проще говоря, для заражения необходимо, чтобы нарушился кожный покров — через укус, царапину или иным способом».

Короткая пауза, и голос зазвучал снова.

«Вот что нам известно о болезни. Она имеет внезапное начало и стремительное развитие. Инкубационный период крайне короткий. Это означает, что от момента заражения до появления симптомов может пройти всего несколько минут. Попадая в организм, вирус вызывает лихорадку, потерю сознания, возможно, кому. Мы должны предполагать, что люди на этих стадиях также заразны, и контакта с ними следует избегать. Затем, на последней стадии, заражённый неожиданно приходит в своеобразное сознание: он может передвигаться, использовать органы чувств, издавать нечленораздельные звуки. Однако он не идёт на контакт и не поддаётся уговорам. Это важно усвоить. Как только человек достигает этой стадии болезни, с ним невозможно договориться или установить связь. Более того, почти все они проявляют крайне агрессивное поведение и стремятся причинить вред окружающим. Поэтому держитесь подальше от заражённых. Избегайте контакта любой ценой. Даже если это кто-то из ваших близких. Они тяжело больны и не узнают вас. Любая попытка успокоить или обезвредить их чревата опасностью заражения. Также не пытайтесь физически удерживать людей на поздней стадии болезни. Не связывайте их и не прижимайте. Не стоит полагаться и на защитные костюмы — их можно порвать».

Ещё одна пауза. Все трое в напряжённой тишине ждали продолжения.

«Насколько нам известно, заражённые присутствуют на

всех этажах больницы, кроме четвёртого и восьмого. Если вы забаррикадировались на одном из этих этажей — оставайтесь там. Не пытайтесь войти в лестничную клетку или воспользоваться лифтами. Крайне важно сохранить изоляцию этих этажей. Это не означает, однако, что можно безопасно перемещаться из комнаты в комнату. Заражённый может прятаться где угодно. Поэтому даже если вы не видите и не слышите их — оставайтесь на месте. Ждите спасения. Мы делаем всё возможное, чтобы добраться до вас, эвакуация выживших продолжается».

«Хорошо, — сказала Фрида. — Они всё-таки что-то делают».

Якоб не разделял облегчения, звучавшего в её голосе. Напротив, внутри нарастало тяжёлое, давящее чувство.

«И ещё: после эвакуации, до прохождения тщательного медицинского осмотра в палаточном пункте с восточной стороны больницы, вам не будет разрешено покинуть территорию. На время вас разместят в безопасном медицинском учреждении неподалёку для наблюдения и лечения. Крайне важно, чтобы мы все объединили усилия и не позволили болезни распространиться за пределы больницы, так как это приведёт к серьёзной эскалации ситуации...»

«Это будет чёртовой катастрофой, — вырвалось у Якоба. — Почему он так не говорит?» — Он развёл руками. — «Что это за бред: "медицинская ситуация", "крайне серьёзное заболевание"? Давайте называть вещи своими именами! Это

мёртвые, которые возвращаются к жизни!»

«Они обязаны говорить именно так, — заметила Оливия. — Даже если... даже если ты прав, правда только вызовет панику».

«Люди должны знать правду», — пробурчал Якоб.

Оливия покачала головой. «Правда не всегда уместна. Я работала с терминальными больными. Я знаю, что правда может сделать с человеком. Иногда надежда лучше».

«Надежды нет», — мрачно отрезал Якоб, отворачиваясь.

Пока голос из динамиков повторял объявление, Фрида встала и подошла к кровати, где лежала рубашка. Та женщина бросила её там перед тем, как уйти в туалет.

«Думаешь, стоит ещё раз спросить, в порядке ли она? — обратилась Фрида к Оливии. — Она там уже очень давно».

«Не хочу снова нарваться на грубость, — фыркнула Оливия. — Спрашивай сама, если хочешь».

Фрида тоже не выглядела готовой к этому. Вместо этого она взяла рубашку. На груди была приколота бирка. «О, смотри. Она врач».

Оливия удивлённо подняла брови. «Серьёзно?»

«Ага, вот же: Аннемари Ингвартсон, доктор медицины. Ну, теперь понятно, почему она так вспыхнула, когда ты предложила помочь с бинтами...»

Оливия не ответила. Якоб заметил, как она нахмурилась. Фрида тоже это увидела. «Что такое?»

«Как ты сказала, её фамилия? Ингвартсон?»

«Да, Аннемари Ингвартсон».

Оливия словно пережёвывала что-то про себя. «Почему это имя кажется мне знакомым?»

Объявление наконец закончилось, и в комнате воцарилась тишина.

«Она тут не работала, да? — спросила Фрида. — Я её раньше не видела».

«Нет, не здесь. Но я... я недавно слышала это имя».

Из-за двери туалета раздался щелчок. Якобу показалось, что это повернули замок. Затем послышался глухой удар, и он ожидал, что женщина сейчас выйдет.

Но она не появилась. Ничего не происходило.

Фрида и Оливия переглянулись. Затем Фрида шагнула к двери. «Алло? Аннемари? Вы как, всё в порядке?»

Ответа не последовало.

«Похоже, что-то упало, — сказала Оливия. — Проверим, не ушиблась ли она?»

Комок в желудке Якоба сжался ещё туже. «Она сказала, что подвернула ногу. Но вы видели, как это случилось?»

Обе женщины посмотрели на него.

Фрида покачала головой. «Она уже была ранена, когда мы её встретили. Но, как мы говорили, она не могла быть...»

Оливия щёлкнула пальцами. «Так это же она! Она — эксперт по инфекционным заболеваниям. Её пригласили из Ульстада для помощи во вскрытии. А значит, она была... о боже...» — на её лице отразилось полное понимание.

Сердце Якоба, и без того бешено колотившееся, теперь готово было выпрыгнуть из груди. Он почувствовал, как заныла рана на руке. «Она солгала, — прошептал он. — Она была в подвале. И она не падала. Её укусили».

На этот раз выстрел прозвучал не так оглушительно. А может, слух Кристоффера уже успел притупиться.

Вспышку он, однако, увидел. И почувствовал отдачу — гораздо более сильную, чем ожидал. Пистолет рывком отбросило назад, и он едва не угодил ему в подбородок. Кристоффер выронил оружие. Поднимать его уже не было времени.

Не страшно. Одного патрона хватило.

Парень замер и уставился на него на долю секунды — в единственном видимом глазу мелькнуло недоумение, всё лицо было размазано вареньем. Затем он наклонился вперёд, и Кристоффер увидел дыру в затылке, из которой выстрелом вырвало кусок черепа.

Кристоффер отполз к стеллажам, пытаясь увеличить дистанцию. Воздух внезапно стал удушающим, густая смесь запахов пота, крови, мозгового вещества и сладковатого аромата черничного варенья Хельды.

Кристоффера затрясло, он изо всех сил старался не выблевать свой последний обед. Дыша через рот, ему чудом удалось сдержаться.

«Всё в порядке, — прошептал он себе, почти не слыша собственного голоса. — Всё кончено. Успокойся и соберись...»

Он потратил минуту, чтобы привести нервы в порядок. Постепенно дрожь отступила, и он снова смог мыслить.

«Чёрт, я стрелял в человека, — пробормотал он, осознавая это теперь полнее, по мере того как адреналин покидал тело. — Он ещё не превратился. Он был просто... обычным человеком. И я его убил».

Нет, — прозвучал внутри твёрдый голос. Очень похожий на голос бабушки. Старушки не было в живых уже пять лет, но она до сих пор иногда говорила с ним, когда он больше всего нуждался в поддержке. Это не было убийством. Ты защищался. Или он, или ты.

Он знал, что это правда, но от этого не становилось легче.

Сдвинуться с места его заставил звук — Хельда скреблась в дверь. Её движения звучали настойчивее обычного, и, взглянув туда, Кристоффер мгновенно понял причину. В двери на уровне глаз зияла дыра размером с крупный апельсин. Какой из выстрелов её проделал, Кристоффер не мог сказать. Всё произошло так быстро, что он не успел сообразить, куда вообще стрелял.

Хельда смотрела на него через отверстие своими чёрными глазами, явно возбуждённая тем, что теперь видит свою цель.

«Привет, Хельда, — хрипло проговорил он, сглотнув. — Ещё раз прости за то, что с тобой случилось».

Она ответила голодным рычанием, щёлкая зубами, царапая дыру длинными ногтями. Ей удалось отколоть несколько

щепок, но дверь всё ещё казалась достаточно прочной, чтобы удержать её. Чтобы пролезть, ей потребуются часы, к тому времени Кристоффер уже давно отсюда сбежит. Более того, он намерен сделать это как можно скорее.

Осталось проверить лишь одну вещь: кем был этот парень. Зачем это нужно, он и сам толком не понимал. Но, выбравшись отсюда и вызвав полицию, он хотел быть в состоянии сообщить им личность этого человека.

Не глядя, он запустил руку в задний карман парня. Вытащил бумажник, а вместе с ним и небольшую записную книжку.

Раскрыв бумажник, Кристоффер ахнул. «Боже правый! Я не просто стрелял в человека... Я стрелял в полицейского».

Кристоффер на мгновение задумался, игнорируя пристальный взгляд Хельды. Это объясняло, откуда у парня было оружие. Но почему он не представился? Может, он уже не служил? Но тогда зачем он здесь? Единственная зацепка, которую Кристоффер запомнил из его слов, касалась Хальгрима.

Когда Кристоффер сказал, что не видел Хальгрима, но предполагает, что тот мёртв, полицейский — Том П. Грирсард, согласно документам — ответил: «Твое предположение верно».

Было ещё кое-что, что сказал полицейский. Что-то о яме в саду за домом.

«Здесь явно творятся какие-то безумные дела», — до-

словно вспомнил Кристоффер его слова.

Очевидно, полицейский что-то знал. То, что Хальгрим мёртв, например. И что происходит что-то...

Хруст из-за двери заставил Кристоффера поднять голову. Хельда пустила в ход зубы. Разрывая дерево, она отломилла небольшой кусок. Пока ничего критичного. Пока.

Кристоффер смирился с тем, что ему предстоит сделать. Единственный путь отсюда лежал через то, чтобы пристрелить Хельду. И дыра в двери представляла собой весьма удобную возможность для этого.

Нужно лишь ещё немного собраться с духом, — подумал он, понимая, что оттягивает неизбежное.

А пока записная книжка давала ему удобный повод отвлечься. Надеясь узнать из записей полицейского больше о происходящем, он открыл её на первой странице.

Оказалось, это скорее дневник. Прочтя несколько строк, он понял, что книга, должно быть, принадлежала не полицейскому, а Хальгриму.

Кристоффер прочёл первую страницу, затем вторую. Потом он забыл и о Хельде, и о мёртвом полицейском — текст полностью захватил его, и он продолжал читать.

Аксель подтянулся и рванул тело вверх.

Ему удалось втиснуть в отверстие в потолке половину корпуса. Но, не имея опоры для ног, затащить остальное оказалось сложно.

«Давай же, давай!» — сквозь зубы прошипел он, и его голос отдался тонким металлическим эхом внутри алюминиевого воздуховода.

Повсюду лежал толстый слой пыли, и это лишь усложняло задачу — руки постоянно скользили. Он отчаянно болтал ногами в воздухе, пытаясь успеть втянуть нижнюю часть тела до того, как Даль и его напарник пересекут комнату и схватят его. Но продвижение было мизерным.

Чёрт, не выходит...

Он уже собрался сдаться и спрыгнуть обратно, когда почувствовал, как чьи-то руки хватают его за ноги.

Аксель вскрикнул и забился ещё сильнее. Инстинкт гнал его вперёд, и, по счастливой случайности, один из его пинков пришёлся либо по голове, либо по плечу Даля, дав Акселю на долю секунды точку опоры. Этого хватило, чтобы подтянуться выше. Он вцепился в стенки воздуховода и пополз вперёд, сантиметр за сантиметром, вдыхая пыль, закашлявшись, отбиваясь ногами, не давая цепким рукам ухватиться за лодыжки.

Давай, почти!

В тот миг, когда он уже почти полностью втянулся в опасную зону, рука — настолько огромная, что это мог быть только Даль — вцепилась ему в щиколотку, и через мгновение зубы впились в икру.

«Нет! Отстань, Даль, чёрт тебя дери!»

Аксель впал в иступление, извиваясь и лягаясь. Он почувствовал, как соскальзывает ботинок, и хватка Даля ослабла. Последним судорожным пинком он вырвался из досягаемости.

Работая локтями, он прополз вперёд несколько метров и лишь тогда остановился. Оглянуться было трудно — воздухоход оказался куда уже того, по которому ползал Брюс Уиллис в «Крепком орешке». Но он всё же разглядел свет от телефона, пробивавшийся снизу через отверстие. По нему метались тени — зомби внизу беспокойно двигались, издавая разочарованное мычание из-за того, что им достался для раздела лишь один ботинок.

Чёрт, он достал меня, — подумал Аксель, чувствуя, как жжёт в том месте, куда впился Даль. Мне конец. Блин, блин, блин!

Он не чувствовал, чтобы текла кровь, но был почти уверен, что Даль прокусил кожу.

Тем не менее, он пополз дальше, пробираясь сквозь клаустрофобичное пространство. Пыль облепляла руки и лицо, забивалась в нос и рот, и с каждым тяжёлым вздохом её об-

лако взвивалось перед лицом, мешая видеть. Вскоре он перестал что-либо различать — свет сзади уже не достигал его. Звуки, доносившиеся от Даля и другого зомби, ещё некоторое время преследовали его, эхо затихало.

Потом в темноте не осталось ничего, кроме его собственного прерывистого дыхания, пока он полз вперёд, глубже во тьму.

«Нет, подожди, — вмешалась Фрида. — Давай не будем делать поспешных выводов. Как она могла оказаться в подвале? Я имею в виду, если да, то как она добралась до четвёртого этажа?»

«Понятия не имею, — сказала Оливия, поднимаясь. — Но могла же как-то. Может, успела зайти в лифт до того, как всё началось...»

Якоб заметил, что его рука потянулась к оконной защёлке. Он распахнул её на максимум — всего на несколько сантиметров. Там была детская защита, и он начал её возиться с ней. В голове снова зазвучал голос Вигго. Отголоски кошмара.

«Всем нам крышка. Никто не выберется отсюда... Это конец света, Якоб. И он только начался».

У Якоба было сильное предчувствие, что сейчас всё пойдёт наперекосяк.

«И что нам тогда делать? — спросила Фрида, и в её голосе зазвучало напряжение. — Если она... если она заражена...»

«Я не слышу её там», — сказала Оливия, прислушиваясь у двери. Якоб всё ещё пытался отщёлкнуть защиту. — «Возможно, она без сознания. Слушайте, может, мы всё это сами придумали. Может, она правду подвернула ногу, и ей нужна наша помощь. Она только что отперла дверь. Может, это

знак, чтобы мы зашли. Как бы там ни было, мы должны выяснить наверняка. Я проверю...»

Оливия уже собиралась открыть дверь.

«Нет, подожди, — отступила Фрида. — Не уверена, что это хорошая идея, Оливия».

«Мы всё ещё медсёстры, — твёрдо сказала Оливия. — И ей может понадобиться помощь». Она постучала в дверь. — «Аннемари? Я сейчас открою».

Оливия взялась за ручку и потянула дверь на себя.

Женщина рухнула вперёд.

Фрида вскрикнула, Оливия отпрыгнула назад.

Но женщина не двигалась. Она лежала на полу без сознания, лицом вниз, волосы рассыпались вокруг. Видимо, она прислонилась к двери.

«О, нет, — выдохнула Фрида. — Посмотри на её кожу. Она заражена!»

Якоб тоже это увидел. Руки женщины были серо-зелёного оттенка. Из ванной также тянуло запахом жара и болезни, смешанным с духами и потом. Якоб дёрнул защитную шпильку, сильно. Та наконец поддалась с щелчком.

«Затолкай её обратно! — закричала Фрида. — Закрой дверь, Оливия!»

«Не могу! — сказала Оливия. — Она мешает».

«Тогда протолкни её внутрь!»

«Нет, мы не можем её трогать! Она заразна, помнишь? Нам нужно убираться отсюда...» Оливия бросилась к двери

в отделение, но замешкалась.

Даже с другого конца комнаты Якоб слышал шаркающие шаги из коридора. Кто-то застонал.

«Чёрт! — выругалась Оливия, разворачиваясь. — Там тоже кто-то есть! Мы не можем...»

В этот момент докторша издала глубокий стон и села. Волосы закрывали большую часть её лица, и, оглядываясь, она смотрела на них одним глазом, видным в проёме. Он был чёрным, как чернила, и Якоба мгновенно отбросило в прошлое, к тому моменту в фургоне, когда полузамёрзший труп вдруг сел и уставился на них. Даже сквозь эту ужасную вспышку памяти Якоб успел вскарабкаться на подоконник.

Женщина оскалилась в беззвучном рыке и бросилась к Оливии, которая была ближе всего. Та оказалась прижата к двери, отступать было некуда.

«Нет, не подходи!» — закричала она.

Фрида тоже вскрикнула, пятясь назад и натыкаясь на кровать.

Пульс Якоба стучал в висках, вызывая головокружение. Он высунулся в окно и посмотрел вниз — что только ухудшило дело. Высоту он всегда переносил плохо. Аксель был куда хладнокровнее. Его страстью был бейсджампинг, что Якоб всегда считал безумной и совершенно неоправданной игрой со смертью. Но сейчас у него не оставалось выбора, кроме как побороть страх перед головокружительной пустотой внизу. Прямо под окном шёл карниз шириной с его ла-

донь. Он был слегка наклонён наружу, но, возможно, по нему можно было пройти.

Он выставил одну дрожащую ногу, бросив последний взгляд в комнату.

Оливия повернулась спиной к женщине, лихорадочно пытаясь открыть дверь в коридор.

«Нет, Оливия! — закричала Фрида. — Не открывай!»

Докторша набросилась на Оливию сзади, впившись зубами ей в плечо. Оливия вскрикнула и отмахнулась, пытаясь оттолкнуть её. В тот же миг ей удалось повернуть ключ в замке. Рванув дверь на себя, она уже собралась выбежать, как женщина обхватила её за талию и укусила в бок. Оливия закричала и отбивалась. Её локоть пришёлся женщине по лицу, и та на мгновение отлетела. Но она продолжала цепляться за Оливию, её руки скользнули к коленям, и та рухнула вперёд.

Оливия снова встала на четвереньки, и Якобу на секунду показалось, что ей удастся выбраться, но в этот момент она, видимо, заметила кого-то сбоку.

«Нет, нет, отойди!» — закричала она, когда огромный мужчина наклонился над ней и вонзил зубы ей в шею. Её крик превратился в вопль боли, когда кровь начала хлестать на пол.

Дальнейшее скрылось от Якоба, потому что Фрида, обезумев от ужаса, обогнула кровать и бросилась к нему, её глаза были огромными. «Вылезай, Якоб! Нам нужно выбираться,

сейчас же!»

За ней докторша поднялась на ноги. Похоже, она решила, что Оливия уже добыча, и выбрала новую цель, направившись к Якобу и Фриде.

Кристоффер перевернул страницу. Она оказалась пустой. Он пролистал ещё несколько, но вся остальная часть книги была чистой.

Он моргнул, возвращаясь к реальности. Осознал, что выпал из неё на... сколько? Минут на десять. Может, больше. Он прочёл всё, что написал Хальгрим, — описание, как он мог предположить, последних недель его жизни. И, очевидно, жизни Хельды тоже.

«Ничего себе», — пробормотал он, засовывая блокнот в свой карман. Это определённно улика, и нужно, чтобы её получили власти.

Но то, что Хальгрим описал в дневнике, то, что он нашёл в саду... это не просто улика. Это безумие. Если это правда, конечно. Кристоффер понимал, что всё это могло быть бредом психически нездорового человека. Возможно, у Хальгрима была деменция. Паранойя. Кристоффер знал старика практически всю жизнь, и тот всегда был тихим и дружелюбным. Но, конечно, он понятия не имел, что творилось за закрытыми дверями.

Однако что-то в манере изложения убедило Кристоффера, что Хальгрим не сошёл с ума. То, что он раскопал в саду, определённно на него повлияло. Но не лишило рассудка. Вплоть до последней записи в дневнике Кристоффер всё ещё

узнавал знакомого ему Хальгрима, видел, что тот в основе своей вменяем.

Кристоффер взглянул на убитого полицейского.

«Значит, ты не был в саду? Не видел ту яму?» — Он вспомнил выражение лица полицейского, когда тот задал этот вопрос. Затем тот заметно содрогнулся, хотя старался этого не показать, и произнёс: «Здесь творятся какие-то безумные дела, это точно. Мой напарник...» — Он замолчал, явно не желая рассказывать, что случилось с его напарником.

Но что бы там ни было в саду, Кристоффер должен...

Ещё один хруст из-за двери, на этот раз громче — Хельда оторвала более крупный кусок дерева. Она выплюнула его, затем просунула голову в отверстие, рыча и щёлкая зубами в воздухе.

Кристоффер почувствовал, как внутри всё сжалось ещё сильнее. Он поднял пистолет и осмотрел его. Винтовку он держал в руках пару раз, а вот пистолет — никогда. Видел их в кино и быстро сообразил, как вынуть магазин. В нём оставалось шесть патронов. Более чем достаточно.

Он вставил магазин обратно до щелчка. Знал, что не нужно передёргивать затвор, поскольку пистолет выстрелил раньше от простого нажатия на спуск, значит, он был самозарядным.

Нужно лишь прицелиться и выстрелить. Просто. Я справлюсь.

Кристоффер сделал несколько глубоких вдохов, наполняя грудь воздухом, стараясь не дать мышцам напрячься.

Это последнее, что нужно сделать, и я свободен. Подумай, как будет здорово. Снова вдохнуть свежий воздух. Никогда больше не видеть эту чёртову кладовку.

Эта мысль помогла ему достаточно, чтобы он смог подойти ближе к двери. Стараясь не смотреть прямо на голову Хельды, он поднял пистолет и прицелился ей в лоб. Несмотря на все усилия, его рука дрожала.

«Прости, — снова сказал он ей. — Я правда прошу прощения, Хельда. Но думаю, ты бы поняла. Мне нужно это сделать».

Он сделал полшага вперёд, наклонился к ней, пока дуло пистолета не упёрлось ей прямо в лоб. Она извивалась, рычала и пыталась укунить его.

Кристоффер закрыл глаза, отвернулся и выстрелил.

На этот раз звук не был таким оглушительным — вероятно, потому что он был готов к нему. Тем не менее, он почти оглох. По мере того как слух возвращался, он осознал, что звуков больше нет. Бросив быстрый взгляд на дверь, он надеялся увидеть пустое отверстие, надеялся, что Хельда сползла на пол.

Но удача ему не улыбнулась.

Хельда всё ещё торчала в двери. Теперь окончательно мёртвая. Пуля прошла над бровью и убила её мгновенно. Но она застряла.

«Да ладно, — пробормотал Кристоффер. — Ладно, ты справишься...»

Он засунул пистолет за пояс, освободив обе руки. Снял свой импровизированный засов и повернул ручку. Дверь поддалась на несколько сантиметров, прежде чем наткнуться на препятствие. Видимо, мешали ноги Хельды. Кристоффер нажал сильнее, чувствуя, как дверь нехотя отъезжает. Когда проём стал достаточно широким, чтобы проскользнуть, он так и сделал.

Выйти из кладовки казалось сюрреалистичным. Почти как попасть в Нарнию. Крошечная кухня казалась огромной по сравнению с кладовкой. Воздух был спёртым, но куда лучше.

Он оглянулся и увидел тело Хельды, всё ещё торчащее в двери. Внешняя сторона двери выглядела так, будто над ней несколько дней подряд трудилась стая кошек.

Кристоффер прошёл в гостиную. Всё было так, как он помнил: беспорядок. На улице стемнело. Дедушкины часы начали бить. Это был единственный звук, который он слышал больше недели, кроме скребущего ворчания Хельды, и он как-то успокаивал. Часы начали казаться его единственным спутником.

Мимо окна промелькнула фигура.

Кристоффер вздрогнул и лихорадочно выхватил пистолет.

Фигура снова появилась у стеклянной двери на террасу.

Кристоффер не видел его раньше, но сразу понял, что с ним не так. Зеленоватая кожа, чёрные глаза, открытый рот. Он даже не попытался взяться за ручку, а начал скрестись по стеклу, шипя на Кристоффера. Свет не горел, поэтому он не должен был видеть его, но, как и Хельда, этот тип, похоже, чувствовал его присутствие.

Вероятно, поэтому он и не ушёл: Кристоффер оставался самой близкой добычей.

Должно быть, это тот второй полицейский.

Кристоффер обдумал варианты. Он мог бы броситься к входной двери и, вероятно, выбраться из дома раньше, чем зомби доберётся до фасада. Мысль о чистом побеге была дико привлекательна, но он просто не мог так поступить. Потому что это означало бы оставить зомби на свободе, дать ему идеальный шанс найти кого-нибудь ещё и укусить. Кого-то из соседей. Кого-то, кто всё ещё понятия не имеет о происходящем.

Сад Хальгрима и Хельды был окружён живой изгородью и деревьями, и Кристоффер был уверен, что никто не видел там этого мёртвого полицейского.

Возможно, я единственный выживший, кто знает, что происходит. Нужно найти способ, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

По сути, у него оставалось два варианта. Он мог пристрелить этого типа, как пристрелил Хельду. Или попытаться как-то запереть его. В любом случае он смог бы уйти из до-

ма, не опасаясь распространения заразы. Как только он выберется, он сразу пойдёт в полицию. Расскажет всё как было. Покажет дневник Хальгрима. Добьётся, чтобы к ситуации отнеслись со всей серьёзностью.

Самым безопасным, вероятно, было бы застрелить его. Можно было бы сделать это, даже не открывая дверь — просто разmozжить ему голову через стекло.

Но дело в том, что если Кристоффер застрелит этого типа, у него не будет доказательств, что он действовал в целях самообороны. Конечно, он, вероятно, сможет убедить их, что Хельда напала на него и держала в заточении несколько дней. Улики налицо.

Но как он объяснит, что застрелил двух полицейских? Даже если они увидят, что с теми было что-то не так, они никогда не поверят в концепцию зомби. Решат, что у Кристоффера поехала крыша.

Суть в том, что если он убьёт и второго полицейского, Кристоффер, скорее всего, проведёт остаток жизни в тюрьме. Возможно, даже в психиатрической лечебнице.

И после заточения в кладовке мысль снова оказаться в замкнутом пространстве без окон заставляла его содрогнуться.

«Ладно, вариант два, — прошептал он себе. — Соорудим ловушку...»

Он добрался до места, где вентиляционная шахта резко поворачивала вверх.

Вывернув шею, он различил слабый свет сверху. Шахта, очевидно, проходила через несколько уровней больницы.

Что было хорошей новостью.

Трудность заключалась в том, чтобы взобраться по ней. Аксель перевернулся на спину, сплёвывая попавшую в рот пыль. Он вытянул руки вверх, ощупывая внутреннюю поверхность шахты. Она состояла из соединённых секций длиной примерно по метру. Каждый стык имел тонкий выступ-ободок, выступающий примерно на пару сантиметров. Этого было как раз достаточно, чтобы ухватиться пальцами, и, вероятно, хватило бы и для опоры ногами.

А папа говорил, что я идиот, занимаясь скалолазанием, — подумал Аксель. — Что ж, смотри, папа.

Он сплюнул на ладони и растёр их. Пыль сделала их липкими. Затем он подтянулся и начал подъём.

Это оказалось даже проще, чем он думал. Он освоил искусство лазания по крошечным уступам, а здесь выступы были очень регулярными и идеально расположенными. Его друг Тор научил его скалолазанию, а позже, когда Аксель вошёл во вкус, познакомил с бейсджампингом. Это было самое безумное ощущение в его жизни — взбираться на скалу с

парашютом за спиной, а затем прыгать и парить обратно к земле. Он никогда не чувствовал себя более живым.

Сейчас, пробираясь вверх по пыльной, совершенно тёмной, клаустрофобной вентиляционной шахте, он снова почувствовал прилив той энергии, и этого было почти достаточно, чтобы вытеснить всё остальное, даже пульсирующую боль в раненой лодыжке.

Он продолжал переставлять руки и ноги, поднимаясь всё выше. Должно быть, он преодолел уже как минимум три этажа. Он ожидал, что шахта начнёт разветвляться, но не встретил ни одного ответвления.

Возможно, эта старая система не связана с другими этажами. Может, она ведёт прямо на крышу.

Больница была двенадцатизэтажной. Высотой около шестидесяти метров.

Аксель стиснул зубы. Я справлюсь. Бывали и более длинные подъёмы.

Но его руки и ноги начинали уставать, и он чувствовал, что не в форме. Прошло почти четыре месяца с его последнего восхождения с Тором. Это был первый раз, когда он лез без страховочной верёвки. Если он сорвётся, то, возможно, сможет затормозить падение, уперевшись руками и ногами в стенки. Это будет больно, но, по крайней мере, он не разобьётся насмерть.

Во время следующей остановки, чтобы перевести дыхание, он заметил, что снова может видеть. Подняв голову, он

обнаружил именно то, на что надеялся: отверстие в боковой стенке.

Слава богу...

Он преодолел последние метры и втянулся в соседний горизонтальный канал. Там было гораздо меньше пыли, чем в том, из которого он выбрался. Он казался и новее, и лучше обслуживаемым. Аксель растянулся на животе, чувствуя, как от усталости гудят руки и ноги.

Я выжат. Подниматься дальше нет сил.

Это означало, что на этом этаже, каким бы он ни оказался, ему придётся выбираться из вентиляции и встречать всё лицом к лицу.

Якоб пересилил страх и шагнул из окна. Его ноги нащупали карниз. На ногах были только носки, и он почувствовал холод кирпича. Медленно, постепенно он переносил на него всё больше веса, убеждаясь, что не поскользнётся и карниз его выдержит.

Фрида уже вылезала следом за ним. Похоже, её страх высоты был не так силён, потому что она справилась гораздо быстрее, затем повернулась и потянулась обратно к окну.

Она вскрикнула, когда докторша бросилась на неё.

В последнюю возможную секунду Фрида захлопнула окно. Женщина ударилась о стекло, зарычала и начала скрестись по нему.

Видев её живой всего несколько минут назад, Якоб был настолько потрясён её преображением, что на мгновение забыл о головокружительной высоте. Волосы спали с её лица, открывая зеленоватую кожу и чёрные, блестящие глазные яблоки. Зубы не изменились — всё те же ровные и идеально белые. Очевидно, она очень следила за ними. Вскоре, если всё пойдёт по её плану, они будут покрыты кровью с кусками плоти между ними.

«Двигайся», — прошептала Фрида ему на ухо.

Он моргнул и с трудом оторвал взгляд от зомби, чтобы посмотреть на Фриду. Как и он, она держалась за верхнюю

раму окна.

«Нужно двигаться, — повторила она. — Мы не можем оставаться здесь. Снаружи окно не закрепишь, и она, возможно, скоро догадается, как его открыть...»

Как будто мысль только что посетила докторшу, её рука ухватилась за ручку, и она потянула окно на себя, открыв его на несколько сантиметров. Фрида схватила раму и захлопнула его обратно. «Давай, Якоб! Быстро!»

Якоб начал двигаться. Это было тяжело. Не столько физически, хотя поза и была неудобной — нельзя было до конца выпрямить спину или ноги. Но главное испытание было в его голове. Каждый шаг давался с трудом. Каждый раз, когда нужно было оторвать ногу или перехватиться рукой, ему приходилось силой подавлять инстинкты самосохранения, заставлявшие мышцы сводить судорогой, отказываясь двигаться под угрозой падения. Любая опасность, меньшая, чем плотоядный зомби, вряд ли заставила бы его оторваться от окна и двинуться дальше по карнизу. Перевязанная рука тоже не облегчала задачу.

Фрида шла прямо за ним, двигаясь более уверенно, хотя Якоб понимал, что и ей было не по себе. Снизу доносились отрывочные крики. Он уловил обрывки фраз: «Там, наверху!» и «Смотрите!»

Возможно, нас показывают в прямом эфире, — мелькнула у него безумная мысль, и ему захотелось дико рассмеяться.

Он преодолел уже около двух метров по карнизу, когда

докторша во второй раз сообщила, как открыть окно. Якоб заметил это только потому, что Фрида предупредила его криком.

Оглянувшись, он увидел, как голова женщины высунулась наружу, её глаза уставились на них. Затем она полезла наружу, тянясь к Фриде. Менее чем в тридцати сантиметрах от обнажённой руки Фриды зависли её длинные ногти, когда женщина поскользнулась и сорвалась с карниза. Она издала животный вопль, падая вниз.

Якоб не смог не проследить за ней взглядом. Он смотрел, как она летела вниз. Дважды её с силой прибивало к стене, и она падала, как тряпичная кукла, беспорядочно болтая руками, ногами и волосами. Кто-то внизу вскрикнул. Затем она рухнула на бетон. Звук был глухим и тяжёлым. Как ком мокрой глины. В толпе пронёсся ужасный вздох.

Женщина не двигалась. Медики в защитных костюмах бросились к ней со всех сторон — предположительно, чтобы помочь, — но Якоб был уверен, что она мертва.

Он сглотнул и посмотрел на Фриду. «Что теперь? Возвращаемся обратно?»

Она взглянула на открытое окно, затем покачала головой. «Нет, это слишком рискованно. Думаю, нужно двигаться дальше. Может, кто-то в другой комнате нас впустит».

Якоб посмотрел в направлении их движения. Насколько он мог разглядеть, до угла здания было ещё три или четыре комнаты. Карниз, похоже, шёл по всему фасаду. Но с такой

скоростью ему потребуется полчаса, чтобы добраться до угла.

Выбора нет. Двигайся.

И Якоб заставил себя двигаться.

В теории всё должно быть довольно просто.

Нужно всего лишь открыть замок на террасной двери, распахнуть её, затем развернуться и добежать до противоположной стороны обеденного стола. Он большой и тяжёлый, его не так-то просто сдвинуть или опрокинуть. А значит, когда зомби войдёт, ему придётся обходить стол, чтобы добраться до Кристоффера. Тот же просто будет двигаться в противоположную сторону, а затем рванёт к террасной двери.

Очень просто. Пять простых шагов. Любой бы справился.

Менее простым это делал тот факт, что он, по сути, впускал в комнату плотоядного монстра. И хотя у него было оружие, использовать его он не мог.

Он не был до конца уверен, как быстро двигаются зомби. У него был только пример Хельды, а она всё время его заточения так и не отошла от двери кладовки. То же и с полицейским: он лишь покачивался перед стеклянной дверью, скребясь по ней.

Когда Кристоффер вошёл в дом — что казалось теперь вечностью назад — и встретил Хельду, он заметил, что она двигалась очень неуверенно, как маленький ребёнок. И, судя по тому, как полицейский неуклюже переминался с ноги на ногу, Кристоффер был почти уверен, что с равновесием у

них неважно.

«Я смогу от него убежать, — пробормотал он. — А если загнан в угол, то просто опрокину его. Если не выйдет...» — Он взглянул на пистолет в руке. — «...остаётся последний вариант».

Удовлетворённый планом, он пересёк полумрак гостиной и подошёл к террасной двери. С каждым шагом тело становилось всё более скованным. Ноги словно забыли, как ходить.

Зомби оживился по мере приближения Кристоффера. Остановившись прямо перед дверью, полицейский прижался лицом к стеклу, пытаясь прокусить его. Всё, чего он добился, — размазал по нему слюну.

«Ладно, — сказал Кристоффер вслух, чтобы приободрить себя. — Это выполнимо. Нужно просто сделать это, и через тридцать секунд я выберусь отсюда. Поехали».

Дрожащей рукой он повернул замок, затем ручку. Дверь теперь была открыта, и зомби, кажется, почувствовал это, потому что заворчал и завозился лихорадочнее. Но он явно забыл, как открывается дверь. Что давало Кристофферу идеальный шанс. Он упёрся обеими руками в дверь и сильно толкнул её.

Зомби стукнулся лбом о стекло, отшатнулся и плюхнулся на задницу. Дверь распахнулась, и Кристоффер тут же развернулся и побежал к обеденному столу. Заглянув через него, он сразу понял, что мог и не спешить. Полицейский

только-только поднялся, не торопясь восстанавливая равновесие. Затем он переступил через порог, на секунду огляделся, зафиксировался на Кристоффере, оскалился в немом рыке и направился к столу.

Кристоффер приготовился, встав на носки. Он чувствовал себя вратарём перед пенальти. Но двигаться пока было рано — нужно было дождаться, в какую сторону зомби пойдёт — налево или направо.

Оказалось, зомби выбрал третий вариант. Такой, который Кристоффер не предусмотрел.

Полицейский наткнулся на стол на уровне бёдер. Он издал раздражённое хрипение, даже не взглянув на препятствие. Он попытался пролезть через него, протягивая руки к Кристофферу. Стол, как и надеялся Кристоффер, не сдвинулся. Но зомби — сдвинулся. Он просто перегнулся через стол и пополз через него.

Это застало Кристоффера врасплох. Он вскрикнул и отпрыгнул назад, когда полицейский за пару секунд оказался по другую сторону стола, жадно тянясь к нему. Кристоффер наткнулся на стену, осознав, что между столом и стеной всего пара футов пространства — он не подумал, что это станет проблемой.

Зомби рванулся к нему и почти достал, когда сработала гравитация и повалила его на пол. Он рухнул на грудь и подбородок, его ноги всё ещё были на столе, и эта нелепая стойка дала Кристофферу пару секунд, чтобы проскользнуть в

сторону. Затем он бросился бежать к террасной двери.

Выскочив из дома, он жадно вдохнул свежий ночной воздух и почти забыл обо всём плане. В тот миг он хотел только бежать и бежать без остановки. Однако он заставил себя остановиться и обернулся. Зомби уже поднялся и пробирался обратно через гостиную.

Кристоффер захлопнул террасную дверь — и тут он осознал огромную дыру в своём плане.

Дверь нельзя было запереть снаружи. А поскольку она открывалась наружу, зомби просто толкнёт её.

«Чёрт подери», — пробормотал Кристоффер, оглядывая террасу. Там стояли несколько горшков с растениями и фонарь, но ничто не выглядело достаточно тяжёлым, чтобы забаррикадировать дверь. Был ещё небольшой стеклянный столик и пара металлических стульев. Последние казались как раз подходящей высоты, и Кристоффер принял мгновенное решение, бросившись к ним.

Схватив ближайший стул, он потащил его к двери. Он вернулся как раз в тот момент, когда зомби приблизился к двери с другой стороны. Дверь начала открываться, когда Кристоффер буквально бросился на неё, захлопнув обратно. Он упёрся в неё плечом, чувствуя, как зомби напирает с другой стороны.

Учащённо дыша, Кристоффер установил стул под углом под ручку, заклинив её на месте. Медленно, осторожно он перестал давить на дверь, проверяя, выдержит ли стул.

Выдержал. Более того, казался очень надёжно закреплённым.

Кристоффер отступил, глядя на импровизированную баррикаду. Зомби рычал и стонал, но как бы он ни напирал на дверь, стул держал.

«Получилось», — прошептал Кристоффер, расплываясь в улыбке. — «Сработало...»

Как будто в ответ ночь послала ему порыв холодного ветра, заставив вздрогнуть. И ему показалось, что он уловил какой-то звук. Тихий стон. Он обернулся и посмотрел в сад. И его взгляд сразу же ухватился за яму на склоне холма. Она была ещё темнее, чем окружающая тьма. Кристоффер не знал, откуда был этот звук, но он доносился именно оттуда. Он был в этом уверен. У него возникло острое ощущение, что из глубины на него кто-то смотрит.

С усилием он оторвал взгляд от холма, в последний раз проверил, держится ли стул — держался. Затем Кристоффер бросился за помощью.

Якоб добрался до окна следующей палаты и заглянул внутрь.

Комната казалась пустой. Он попытался просунуть пальцы в щель, но окно было заперто изнутри.

«Не повезло», — бросил он через плечо Фриде.

«Двигайся дальше, — сказала она. — Попробуем следующее».

«Говоришь, как будто это легко», — пробормотал он, потряхивая рукой, которая затекла от постоянного хвата за верхнюю раму окон.

«Ты молодец. Мы доберёмся до безопасного места, просто продолжай».

Якоб двинулся дальше по карнизу. Мышцы бёдер и икр начали протестовать против непривычной нагрузки. Сначала они горели, потом заныли, а теперь и вовсе дрожали.

Я не могу. Долго я так не протяну.

Он немного ускорился. Это означало делать более широкие шаги, что было рискованнее, но не менее рискованным было схватить судорогу в ноге, что могло случиться в любой момент.

Он добрался до следующей комнаты. Свет был выключен, и он прикрыл рукой глаза, чтобы разглядеть что-нибудь внутри.

Прямо по другую сторону стекла материализовалось лицо, нападающее на окно.

Якоб вскрикнул и инстинктивно дёрнулся назад. Его нога поскользнулась, и в ужасное мгновение он почувствовал, как внутри всё оборвалось от ощущения падения. Затем обе его руки вцепились в оконную раму. Боль пронзила раненый палец, но он почти не почувствовал её. Фрида подхватила его под спину, помогая снова прижаться к окну.

Зомби по ту сторону — судя по одежде, бывший пациент — продолжал кусать и скрестись по стеклу, жаждая добраться до Якоба.

«Чёрт, это было близко», — сказал он, чувствуя головокружение от шока. Ему отчаянно хотелось присесть, сняв вес с ног.

«Следующее окно, — сказала Фрида. — Продолжай, Якоб».

Он хотел сказать ей что-то колкое, но сдержался. Он знал, что она лишь пытается его подбодрить. Наверное, она тоже начинала выбиваться из сил.

Он продолжил путь по карнизу. Должно быть, он действительно ускорился, потому что следующее окно оказалось гораздо ближе.

На этот раз он был готов к испугу. Но на окно никто не набросился. В комнате горел свет.

На кровати сидел человек. Мужчина средних лет, судя по поредевшим волосам. На нём была обычная рубашка, похо-

же, он был посетителем. В кровати лежала пожилая женщина, подключённая к аппаратам, с открытым во сне ртом.

«Бинго, — выдохнул Якоб. — Никаких зомби». Он постучал по стеклу.

Мужчина вздрогнул, словно очнувшись от грёз.

Якоб постучал снова, и мужчина обернулся и увидел его.

Якоб ожидал увидеть на его лице удивление — и оно было, на секунду. Затем его сменил пустой взгляд. Мужчина выглядел так, словно недавно потерял всякую надежду.

«Можете открыть, пожалуйста?» — спросил Якоб, постукивая по окну.

Мужчина просто смотрел на него, словно не до конца понимая.

«Пожалуйста, впустите нас», — сказал Якоб.

Мужчина по-прежнему не двигался и ничего не говорил.

«Возможно, он не норвежец, — сказала Фрида, прильнув сбоку, чтобы посмотреть на мужчину. — Please help us, — произнесла она по-английски. — Open the window. Пожалуйста, помогите нам. Откройте окно».

Мужчина наконец отреагировал. Но он не встал с кровати. Вместо этого он закатал рукав и показал внутреннюю сторону руки. Там виднелись три длинные, воспалённо-красные полосы, идущие от сгиба локтя до запястья.

«О, — сказала Фрида. — Он... заражён».

«Чёрт, — пробормотал Якоб, и сильная дрожь пробежала по его рукам. — Нам нужно войти. Пожалуйста, просто от-

кройте. Просто пропустите нас».

«Мы не можем этого сделать, — сказала Фрида. — Они в коридоре, помнишь? Мы не знаем, сколько их и успеем ли мы добежать до другой комнаты».

«Да, но у нас нет выбора, — прошипел Якоб сквозь зубы. — Я не могу больше здесь оставаться, понятно? Слушай, пожалуйста, просто открой окно и дай нам отдохнуть минутку?»

Мужчина просто повернулся к ним спиной. Как будто он либо не понимал, либо — что более вероятно — ему было плевать.

«Блин! — закричал Якоб, ударив по окну. — Иди ты! Эгоистичный ублюдок...»

«Всё в порядке, двигайся дальше».

«Двигаться куда? Больше окон нет!»

«Посмотрим, сможем ли мы обогнуть угол. Может быть...»

«Я же сказал, я не могу. Я не могу продолжать. Я сейчас разобью это чёртово окно...»

«Чем?»

Якоб начал бить по стеклу локтем. Это была совершенно бесполезная попытка. Окно лишь слегка задрожало. Он не мог набрать достаточно силы, чтобы разбить его.

«Чёрт, — прошипел он, поднимая ногу, чтобы попробовать коленом. Другая ногу тут же схватила болезненная судорога, и он закричал от боли, почти потеряв опору.

Фрида схватила его за плечо, помогая удержаться на месте. Якоб кричал, пока икроножная мышца сводила судорогой. Сквозь боль он слышал, как Фрида что-то говорит о необходимости растянуть её, и он перенёс вес на другую ногу, позволяя полностью выпрямить сведённую. Это помогло. Постепенно мышца расслабилась.

«Блин, — выдохнул он, снова поставив ногу на карниз. — Было близко. Ладно, продолжаем».

Он преодолел последние метры по карнизу и добрался до угла. Наклонившись вбок, он заглянул на другую сторону больницы. Резкий, короткий порыв ветра заставил его перехватить дыхание. Но он едва заметил это. Потому что прямо там, в десяти метрах, он увидел их спасение.

Он обернулся к Фриде, и на глазах у него выступили слёзы облегчения. «Там... там лестница».

«Поверить не могу, что она не дала нам досмотреть».

Свейн пнул камушек, и тот покатился по дороге.

«Ага, представляю, — согласился Стиг, постукивая палкой по асфальту. — Наконец-то в наших краях происходит что-то крутое, а нам нельзя смотреть».

Мама не раз отчитывала их за ходьбу по середине дороги, но в это время вечера машин всё равно нет, да и если бы появились, парни слышали бы их заранее. На них были только толстовки, что для морозной погоды явно недостаточно. Но простуду они уже подхватили, так что какая разница?

Увидев репортаж из больницы в Торики, Свейн и Стиг загорелись от возбуждения, пока мать не выключила телевизор. Это было «слишком жестоко» для их просмотра. Как будто они не смотрели фильмы ужасов с куда большим количеством крови.

«Меня так задолбало её нытьё, — сказал Стиг, сплёвывая. — Вечно ноет: "Быть матерью-одиночкой непросто. Вы, дети, испортили мне жизнь. Бла-бла-бла". Может, не надо было тогда рожать? Мы же не просились на свет, правда?»

«Ага, и не мы виноваты, что отец свалил. Как только мне стукнет тринадцать, я сваливаю отсюда. Не собираюсь прозябать здесь, как она. Найду себе квартиру в Торики».

Стиг вытер нос рукавом. «Эй, думаешь, там правда зом-

би?»

«Похоже на то. Ну, они же говорили, что те нападают и кусают людей. А тот мужик, которого показали... охренеть».

«Да, чувак. Выглядел круто. Глаза совсем чёрные! Как в Call of Duty».

«Нет, придурок, в Call of Duty зомби со светящимися глазами».

Свейн посмотрел на брата. «Сам ты придурок, и не прав. Я в неё играл больше тебя. Ты хоть прошёл её?»

«Нет, не прошёл, потому что игра тупая. Ты путаешь с "Чёрным летом". У тех зомби были чёрные глаза».

«Не, я недавно смотрел второй сезон, помню. У них не было чёрных глаз».

«С какого хрена они называли сериал "Чёрное лето", если у ёбанных зомби не чёрные глаза?»

«Потому что чёрный — символ смерти и болезней, болван. Ты вообще хоть что-то слушаешь в школе?»

«Нет, потому что я не ботан, как ты».

«Пошёл ты».

«Иди книжки почитай, заучка».

«Иди ослиный хуй пососи, пидор».

Парни расхохотались.

И вдруг они услышали выстрел. Звук сам по себе нередкий — охота здесь основное хобби после пеших походов.

«Кто, блин, в такую пору стреляет?» — спросил Стиг, глядя в сторону леса. — «Там темнее, чем в жопе у лося».

«Не из леса, кажется, — сказал Свейн. — Эха не было».

«Хм. Ты прав. Откуда тогда?»

«По-моему, от дома Хельды и Хальгрима», — сказал Свейн, указывая на дом на окраине.

Глаза Стига загорелись от возбуждения. «Думаешь, Хальгрим наконец допёкся до этой страшной старухи и отстрелил ей сиськи?»

«Либо так, либо выстрелил случайно. Мог и в ногу себе попасть».

«Пошли проверим», — сказал Стиг, уже направляясь к дому.

Свейн последовал за ним.

Парни огляделись, убедившись, что они одни, прежде чем подойти по садовой дорожке к входной двери дома Хельды и Хальгрима.

«Постучать?» — прошептал Стиг.

«Нет, не стучи, болван. Подсмотрим в окна. На улице темно, нас не заметят».

«Ладно, только не...»

Свейна прервала холодная рука Стига, когда тот прикрыл ему рот и прижал к стене. Свейн повернул голову и увидел, как кто-то выбегает из-за угла дома. Он узнал Кристоффера, того молодого отшельника с шестнадцатого участка. Тот выглядел ужасно. Даже в темноте было видно, что Кристоффер на взводе. Его глаза были устремлены в землю, и он что-то бормотал себе под нос.

Стиг и Свейн едва скрывались за засохшей шпалерой у стены, но Кристоффер даже не почувствовал их присутствия. Он просто пробежал мимо и выскочил на улицу. Повернул и, кажется, направился к своему дому.

«Какого... чёрта?» — прошептал Стиг срывающимся голосом. — «Ты видел? У него был пистолет!»

«С чего бы у Кристоффера пистолет? — спросил Свейн. — Этот лузер даже ружья не имеет».

«Нет, но, похоже, имеет пистолет. Или украл. В любом случае, он только что кого-то подстрелил, чувак!»

Свейн сглотнул, ощущая во рту привкус соплей. «Думаешь, это были Хельда и Хальгрим?»

«Ага, скорее всего. Может, поругались, и дело дошло до стрельбы. Чувак, это даже круче, чем та хрень в Торике!»

«Погоди, — сказал Свейн, хватая брата за руку, когда тот потянулся к двери. — А что, если это как-то связано с тем?»

«С чего бы? Говорили же, что инфекцию локализовали. Торик в тридцати километрах отсюда».

«Ну да, наверное, ты прав».

Стиг попытался открыть дверь. «Блин, заперта. Давай попробуем через террасу».

Они побежали в сад, точно тем же путём, что только что пробежал Кристоффер. Его следы ещё виднелись на покрытой росой траве. Они нашли террасную дверь, забаррикадированную садовым стулом, подsunутым под ручку.

Когда Стиг попытался убрать его, Свейн увидел фигуру,

возникшую по другую сторону стекла.

«Эй, осторожно!» — крикнул он.

Стиг отпрыгнул, когда зомби ударился о дверь и начал скрестись и шипеть на них.

Парни уставились на мертвеца, затем долго смотрели друг на друга.

«Ни хрена себе, — прошептал Свейн, и его рот расплылся в широкой ухмылке. — Они и здесь!»

Третья вентиляционная решётка вела не в палату, а в коридор.

Насколько мог видеть Аксель, никого — ни живых, ни мёртвых — поблизости не было. Но он слышал их. Несколько пар ног. Этот шаркающий шаг было не спутать ни с чем.

Тем не менее, даже с несколькими зомби коридор, возможно, был его лучшим шансом. Там было достаточно места, чтобы обойти их. К тому же его локти были в секунде от того, чтобы стереться в кровь, а мышцы рук, ног и спины вопили, требуя выбраться из этого тесного пространства.

Итак, Аксель изучил решётку и обнаружил, что она ничем не закреплена: просто навешена на петли с одной стороны, и её можно поднять, как дверцу.

Делая это осторожно, он наклонился вперёд и просунул голову в проём.

Он увидел коридор вверх ногами. Как он и ожидал, там бродили несколько мертвецов. Всего в нескольких метрах лежал мёртвый парень — на этот раз по-настоящему мёртвый. Кто-то, кажется, воткнул ему в глазницу металлический предмет — похоже на скальпель. Он свалился у стены, его оставшийся чёрный глаз уставился в потолок.

В дальнем конце коридора копошились шесть или семь зомби. Пара бесцельно шаркала туда-сюда, остальные замер-

ли перед разными дверями, отчаянно скребясь в тщетной попытке пробраться внутрь и съесть тех, кто там забаррикадировался.

Почти все двери на этом этаже были закрыты, кроме трёх или четырёх. Из одной из открытых дверей вышел ещё один зомби — девочка-подросток. Она бесцельно побрела по коридору, посмотрела туда-сюда и наконец решила зайти в другую комнату.

С другого конца коридора, того, что был ближе к Акселю, находился всего один зомби. Худой парень без рубашки. Его спина была покрыта кровавыми царапинами. Он скребся в противопожарной двери.

Это мой выход, — подумал Аксель, чувствуя прилив надежды. — Если смогу его отвлечь, то выбраться будет можно.

Но отвлечь было нечем. Если он окликнет его или создаст другой шум, чтобы привлечь сюда, то с тем же успехом может привлечь зомби с другого конца коридора или какого-нибудь одиночку вроде той девочки.

Нет, использовать можно было только одно. Его единственной приманкой был он сам. А значит, по сути, ему пришлось бы прыгнуть вниз и действовать по обстоятельствам.

От этой мысли сердце заколотилось чаще. Это было очень рискованно.

Во-первых, высота — почти четыре метра. Возможно, получится спуститься, повиснув на руках, и прыгнуть только с

последней высоты.

Во-вторых, его тело было измотано подъёмом и часами, проведёнными в тесном воздуховоде. Он не мог знать, насколько хорошо сможет двигаться, оказавшись на ногах. Возможно, ноги подведут.

Третья и самая большая проблема заключалась в том, что как только он покинет воздуховод, обратного пути не будет. Если по какой-то причине он не сможет добраться до противопожарной двери или она окажется запертой, ему конец. Придётся искать укрытие в одной из открытых комнат — при условии, что он до неё вообще доберётся — и молиться, что там нет зомби.

Но почему он не должен добраться до двери? И с чего бы ей быть запертой снаружи? Эти выходы как раз для таких чрезвычайных ситуаций.

Полиция могла её забаррикадировать. Чтобы ни один заражённый не выбрался.

Это риск, на который придётся пойти. Он всё ещё не был уверен, что ситуацию в больнице возьмут под контроль, а даже если и возьмут, это может занять всю ночь. Или несколько дней. К тому времени Аксель умрёт от жажды — горло уже стало сухим и першило от всей пыли, которую он наглотался. И чёрта с два он проведёт в воздуховоде ещё хоть минуту.

Итак, он сделал несколько глубоких вдохов, затем перелез через проём. Оказавшись с другой стороны, он опустил ноги в отверстие. Несколько пригоршней пыли посыпались

вслед за ним на пол. Оставалось только молиться, что ни один мертвец этого не заметит.

Сделав последний рывок, он ухватился за край и на долю секунды повис на руках. Затем отпустил и приземлился как можно мягче и тише, погасив падение, опустившись на руки и колени. Удар всё равно отдался болью в суставах, но он почти не обратил на это внимания.

Он выпрямился, оглядываясь во все стороны. Пока ни один зомби, кажется, не заметил его.

От того места, где он стоял, до противопожарной двери было всего четыре двери. Одна из них была открыта, остальные закрыты.

Нужно следить за той открытой, чтобы никто не выскочил неожиданно...

С сердцем, колотящимся в горле, Аксель двинулся по коридору, ступая по линолеуму как можно тише. Его взгляд перебегал от открытой двери к зомби у противопожарной двери и обратно. Каждые пять шагов он оглядывался через плечо. Убеждаясь, что никто не подкрадывается сзади.

Единственное, что он не проверил, — это парень со скальпелем в глазу.

Пробегая мимо него, Аксель лишь мельком взглянул на него. Он не видел, как всего через две секунды челюсть парня дёрнулась. Тот бесшумно поднялся и начал вставать на ноги.

Аксель был уже совсем близко к открытой двери. Он на-

клонился, чтобы заглянуть в комнату. Насколько он мог судить, она была пуста. Похоже, там ранее произошла борьба. На полу валялись клочья разорванной одежды, опрокинутый столик, на стене — пятна крови. Но зомби не было.

Аксель уже собирался пройти мимо открытой двери, когда уловил лёгкий шорох сзади.

Развернувшись, он увидел, как парень со скальпелем бросается на него.

Аксель вскрикнул, не успев сдержаться, схватил парня за запястья и отшатнулся назад. Они начали неуклюжий танец в коридоре: парень щёлкал зубами в сторону лица Акселя, а тот пытался оттолкнуть его. Но инстинктивно он не отпускал его запястий, потому что это означало бы дать ему свободу разодрать его когтями. Вместо этого он вдавил его в стену. Парень хрипло крикнул, когда затылком ударился о стену. Это вызвало у него полсекунды замешательства, которых Акселю хватило, чтобы отпустить одну руку и вдавить ладонь в торчащий из глаза скальпель.

Тот вошёл до конца, как нож в мягкое масло, и ладонь Акселя забрызгало кровью и остатками глазного яблока. Парень рухнул на пол, как компьютер, у которого выдернули шнур из розетки.

Аксель отступил и уставился на липкую массу на своей руке, чувствуя, как подступает тошнота.

Но времени не было. Каждый зомби на этаже обратил на него внимание. С одной стороны надвигалась настоящая ор-

да во главе с той самой девочкой-подростком, которую шум выманил из комнаты, куда она только что зашла. С другой стороны спешил тот самый одинокий зомби, что охранял противопожарную дверь.

Всё. Беги, беги, беги!

Аксель бросился навстречу одинокому зомби. Коридор был шириной метров четыре. Этого должно было хватить, чтобы проскочить мимо, даже если тот кинется на него. Что тот и сделал.

Аксель врезался в стену, чуть не вырубившись, но сумел удержаться на ногах и проскользнул мимо зомби, окровавленные кончики пальцев того почти коснулись его рубашки.

И перед ним открылся свободный путь к противопожарной двери.

Пожалуйста, только не будь заперта... Не будь заперта!

С пульсом, грохочущим в ушах вперемешку с хором стонов сзади, Аксель бросился к противопожарной двери и —

Добравшись до лестничной клетки запасного выхода, Якоб ухватился обеими руками за перила и перевалился через них, неуклюже рухнув на металлическую площадку. Он даже не попытался встать или помочь Фриде. Десять секунд он просто лежал, чувствуя, как дёргаются и покалывают руки и ноги, пока кровь снова начинает свободно течь по мышцам.

«Получилось, — пробормотал он, глядя на лестницу, зигзагами уходящую в ночное небо. — Не верится, что получилось...»

Фрида перелезла через перила, и её лицо оказалось над ним. Она устало улыбнулась. «Молодец. Теперь осталось решить — наверх, вниз или внутрь?»

Якоб сел. В больницу вела тяжёлая противопожарная дверь. Посмотрев наверх, он увидел, что лестница, кажется, ведёт прямо на крышу. И то же самое вниз. Они были на пятом этаже, так что до земли ближе.

«Хм, — сказала Фрида, перегнувшись через перила. — Не уверена, что у нас вообще есть большой выбор».

«Почему?» — спросил Якоб, морщась от боли, когда встал на ноги.

Посмотрев туда же, куда смотрела Фрида, он увидел то, что можно было описать только как блокаду внизу лестни-

цы. Вокруг неё установили тяжёлую металлическую решётку, больше всего похожую на вольер для нежити. Якоб насчитал как минимум два десятка пар рук зомби, протянутых сквозь прутья и хватающихся за ближайших людей — медиков, полицейских или пожарных. Все они были в тяжёлой защитной экипировке. Вокруг ограждения была отмечена жёлтой лентой безопасная зона.

«Ладно, вниз — не вариант», — согласился Якоб.

«Ага, и послушай», — сказала Фрида, указывая на дверь.

Якоб подошёл ближе. Кто-то скребся изнутри. «Значит, ты права, — пожал он плечами. — Путь наверх. Отлично. Поднимемся ещё выше».

«Проверим другие этажи, — сказала Фрида, — но надежды мало. Они говорили, что безопасны только четвёртый и восьмой, помнишь? А теперь и восьмой тоже нет».

«Значит, по сути, нам всё ещё крышка», — подытожил Якоб.

«Давай просто попробуем и...»

Фрида замолчала, когда ручка противопожарной двери внезапно повернулась. Всё произошло так быстро, что ни у кого из них не было времени среагировать, прежде чем дверь распахнулась и кто-то вывалился наружу.

— шлёпается на металлическую площадку.

Сверху раздаётся чей-то крик. Похоже на голос живого человека. Более того: на голос того, кого он отлично знает.

«Акс?»

Аксель вскакивает на ноги и видит Якоба и Фриду, стоящих и уставившихся на него.

«Какого... какого чёрта, чувак? — говорит Якоб, и в уголке его рта дрожит улыбка. — Что ты...? То есть, как ты...?»

Аксель настолько ошарашен, что на мгновение забывает об открытой противопожарной двери. К счастью, Фрида сохраняет присутствие духа и захлопывает её, за секунду до того, как зомби успевает добраться до неё. Тот тут же возобновляет скрестись изнутри.

Затем она бросается к Акселю, крепко обнимая его. Запах её волос, смешанный с потом, вызывает в памяти мимолётную вспышку воспоминаний о прошлой ночи. Кажется, это было годы назад. Он чувствует прохладный ночной воздух на коже и глубоко вдыхает.

«Я так, блин, рад тебя видеть, чувак», — говорит Якоб.

«Какого чёрта вы ещё здесь делаете?» — требует Аксель, взяв Фриду за руки и поочерёдно глядя на них. — «Я думал... думал, вас уже эвакуировали».

«Нет, — говорит она, качая головой. — Не успели. Кажет-

ся, они начали расчищать этажи снизу, но... до этого ещё не добрались».

«Нам пришлось вылезать через окно, — подхватывает Якоб. — Это было реально безумие». Он оглядывает Акселя с ног до головы. — «Как ты сюда попал? Через дымоход?»

«Через вентиляцию, — говорит Аксель, рассеянно отряхивая руки, покрытые липким слоем пыли. — И тебе не стоит меня трогать...»

Якоб уже собирался протянуть к нему руку, но теперь отдергивает её. «Почему?»

Аксель вздыхает, приседает на корточки и закатывает штанину. Когда он спускает носок, кожа под ним оказывается чистой. И никаких ран или чего-то подобного. «Какого чёрта? — бормочет он. — Я точно чувствовал...» Он проверяет вторую ногу, хотя на ней всё ещё ботинок, так что это не та, в которую, возможно, вцепился Даль. Та тоже невредима. Он ещё раз осматривает первую лодыжку, затем поднимает взгляд на Фриду и Якоба. — «Я что, схожу с ума? Видите вы какие-нибудь следы укуса?»

«Не-а, — говорит Якоб, качая головой.

Фрида пожимает плечами. «На вид всё в порядке».

Аксель плюхается на пол. Ему хочется заплакать от облегчения. Он не может поверить. Он был абсолютно уверен, что Даль прокусил кожу. Возможно, это была просто паника, заставившая его так почувствовать.

«Чёрт, я был уверен, что мой конец, — выдыхает Аксель,

чувствуя, как волна огромного облегчения затопляет его измотанную систему. — Похоже, я получил второй шанс».

«Думаю, и нам третий понадобится, — говорит Фрида, глядя вниз. — Потому что к нам подбираются!»

Аксель смотрит вниз сквозь отверстия в металлической площадке и видит две — нет, три — фигуры, выходящие из открытой двери запасного выхода этажом ниже. Все они движутся той шаркающей походкой, к которой Аксель уже успел привыкнуть.

«Ладно, пошли», — говорит Аксель, хватая Якоба за рубашку и подталкивая к ступеням, ведущим на следующий уровень. Поднимаясь по ним, он жестом указывает Фриде идти следующей.

«Иди первым, — говорит она ему. — За братом».

«Что, и пропустить возможность полюбоваться твоей попкой? Не-а, мэм. После тебя».

Она фыркает. «Почти смерть тебя не изменила, я смотрю».

«Не-а, я по-прежнему ненавижу Эда Ширана и ковыряю в носу, когда никто не видит».

«Какой же ты обаяшка», — ухмыляется она, чмокая его в щёку.

«Спасибо, — улыбается он. — А теперь иди, пожалуйста. Пока этот тип не сообразил, как подниматься по лестнице».

«Что будем делать?»

Стиг переводит взгляд со Свейна на зомби за стеклянной дверью.

Свейн не колеблется ни секунды. «Убивать, конечно. Так ведь поступают с зомби, да?»

«Но у нас нет оружия».

Свейн оглядывает сад, и его взгляд останавливается на чём-то. «Вон там! Идеально».

Стиг оборачивается и видит холм, в котором кто-то выкопал большую яму. Перед ней стоят тачка, кирка и лопата. «Да ладно тебе, — нервно ухмыляется он. — Ты что, серьёзно...»

«Кирка моя», — говорит Свейн, уже направляясь через газон.

Обычно Стиг рассудительнее брата, но это не значит, что он намного рассудительнее. Они оба отлично умеют друг друга накручивать, и когда одному приходит в голову сумасшедшая идея, второй редко отступает, потому что это означало бы потерять лицо.

Итак, Стиг следует за братом по подмёрзшему газону.

«Нет, ты останься, — бросает ему Свейн через плечо. — Следи, чтобы он пока не вырвался».

«Но мне тоже нужно оружие!»

«Принесу тебе лопату, не переживай».

Стиг неохотно возвращается к террасной двери.

Подняв глаза на измождённое лицо, он содрогается, хотя разглядеть детали сложно — стекло всё в брызгах слюны и жирных пятнах. Это мужчина, не такой уж старый, лет как у мамы. Он явно получил по зубам — точнее, от зубов; Стиг видит следы укусов на шее.

Это заставляет его задуматься... кто убил этого типа? Зомби вокруг ещё есть? Деревня кишит ими? Это апокалипсис? Раз нежить есть и в Тори́ке, в тридцати километрах отсюда, и здесь, в Бодуме, значит, они могут быть везде. По всей Норвегии. Чёрт, по всему миру. Может, произошло какое-то катастрофическое событие, из-за которого мёртвые возвращаются к жизни, прямо как в «Ходячих мертвецах», где...

«Эй, Стиг!»

Голос брата заставляет его обернуться. Свейн стоит у тачки, заглядывая в яму на склоне холма. Он достал телефон и включил фонарик.

«Что там?» — спрашивает Стиг.

«Иди сюда, посмотри».

«Что? Просто яма».

«Да, но очень глубокая. Кажется, уходит далеко под землю...»

Стиг бросает взгляд на террасную дверь. Зомби всё ещё скребётся, но стул, кажется, держит дверь крепко. Тогда он идёт к брату. Тем временем Свейн уже шагнул внутрь ямы.

«Эй, погоди, чувак!»

Но Свейн не слушает. Он уходит глубже внутрь холма. Стиг не взял свой телефон, поэтому не может подсветить себе дорогу, как Свейн. Он подбегает к холму и останавливается перед входом. Свейн исчез из виду, потому что яма — которая на самом деле больше похожа на туннель — уходит под уклон. Тусклое свечение его телефона ещё видно.

«Свейн! Вернись! У меня нет света!»

Голос Стига поглощается холмом, и Свейн, кажется, не слышит его.

«Козёл, — ворчит он. — Не мог подождать секунду?»

Он уже собирается шагнуть внутрь, когда брат вскрикивает. Стиг вздрагивает. Звук такой пронзительный, полный ужаса, что не похоже на притворство — хотя Свейн вполне способен на такую шутку.

Но есть и другие звуки: низкое, похожее на рычание медведя, а также шлёпающие, щёлкающие и хрустящие звуки. Это напоминает Стигу тот раз, когда он нашёл лягушку на дороге и медленно переехал её на самокате, раздавив животное передним колесом.

Затем, так же внезапно, как Свейн начал кричать, он замолкает.

Свет от его телефона всё ещё виден, но из холма не доносится ни звука.

«Свейн?» — зовёт он, и голос у него срывается. — «Если это шутка, то она реально жёсть...»

Ответа нет. Только глубокая тишина.

Вполне возможно, что это глупая выходка брата. Он мог включить эти звуки на телефоне. Наверное, притаился внутри холма, зажимая рот, чтобы не заржать, и ждёт, когда Стиг придёт его искать, чтобы выпрыгнуть и обосрать его со страху.

«Эй, чувак? Не смешно. И я не пойду туда за тобой...»

Всё равно ничего.

Стигу хочется в туалет. Он переминается с ноги на ногу. Взглянув на дом, он всё ещё видит зомби через стеклянную дверь. Вдруг Стиг понимает, что он не просто возбуждён; он напуган. Что-то в этом месте кажется очень неправильным. Неестественным.

«Свейн? Я ухожу. Можешь остаться здесь на ночь, если хочешь».

Наконец его брат появляется. Его силуэт вырисовывается на фоне свечения телефона, который он оставил позади.

«Иди ты, я знал, что ты прикаливаешься, — говорит Стиг, раздражаясь нервным смехом. — Хотя на секунду ты меня всё же провёл».

Свейн не отвечает, он просто приближается к выходу. Что-то в его походке заставляет Стига нахмуриться. Кажется, он хромает.

«Эй, ты в порядке?»

Свейн отвечает на вопрос. Но не словами. Вместо этого из него вырывается низкое, гортанное рычание, когда он выходит из холма, и его черты становятся видны в тусклом свете

ночного неба.

Увидев брата, Стиг начинает кричать.

Свейн выглядит так, будто его пропустили через мясорубку. Множество костей явно сломано. Левая ступня отсутствует полностью. Одежда едва держится, а по всему телу зияют огромные куски вырванной плоти.

Стиг всё ещё кричит, птясь назад. Он наступает на лопату, падает на задницу, и Свейн использует возможность, чтобы наброситься на него. Стиг хватается брата за запястья, изо всех сил стараясь не дать ему откусить лицо. Ужасный запах земли и крови заполняет его ноздри, пока Свейн извивается, царапается и щёлкает зубами.

«Отстань!» — визжит он, ухитряясь отбросить брата в сторону, а сам откатывается в противоположном направлении. Он вскакивает на ноги и бежит куда глаза глядят, слишком поздно осознав, что несётся напрямик в яму на холме. Он останавливается перед входом, разворачивается и видит, как Свейн поднимается.

Прямо рядом со Стигом лежит кирка. Он нагибается, хватая её и заносит высоко. «Отойди, чувак! Не подходи ко мне, блин!» Только когда он слышит, как его голос дрожит и срыгается, он понимает, что ревёт как ребёнок. — «Не подходи ближе, Свейн! Я серьёзно! Я тебя, блин, убью!»

И, к его удивлению, Свейн действительно останавливается. Руки опускаются по швам, рычание прекращается, и он наклоняет голову в жесте, который кажется почти вопроси-

тельным. Как будто брат говорит: «Слушай, я просто прикалывался».

Стиг учащённо дышит, всё ещё держа кирку наготове. Но его брат просто стоит и смотрит на него.

«Что... что ты делаешь? — всхлипывает Стиг. — Ты... ты меня узнаёшь?» В нём вспыхивает проблеск надежды.

Свейн не отвечает. Вместо этого он немного наклоняется в сторону. И в этот момент Стигу наконец доходит, что его брат смотрит не на него. Он смотрит на что-то позади него.

Стиг оборачивается и роняет кирку.

Когда существо материализуется из темноты, Стиг писается. Оно такое огромное, что хотя яма достаточно высока, чтобы взрослый человек мог стоять в полный рост, существо сторблено. Оно похоже на гигантского паука, пролезающего через замочную скважину. И когда оно протягивает огромные костлявые руки, чтобы схватить и втянуть его внутрь холма, Стиг снова начинает кричать.

Добраться до крыши больницы у них занимает несколько минут. Они проверяют каждую встретившуюся противопожарную дверь, но все они заперты.

Якобу непросто подниматься со своей травмированной рукой, но он справляется. Большая проблема в том, что он вымотан, у него кружится голова и он до ужаса боится смотреть на пропасть внизу.

Последний пролёт лестницы запасного выхода ведёт на крышу через решётчатую металлическую дверь. Якоб удивлён, увидев там много людей. Они стоят или сидят группами посередине, большинство — гражданские или персонал больницы. Там же есть несколько солдат в полной экипировке.

«Хм, — говорит Фрида, поднимаясь к Якобу. Она едва запыхалась от подъёма. — Похоже, другим пришла та же мысль».

Аксель преодолевает последний пролёт лестницы и с стоном выпрямляется. «Мне срочно нужно присесть...» Он указывает вниз сквозь площадку. — «Похоже, он понял, как это делается. Но не очень быстро».

Якоб берётся за металлическую ручку и пытается её повернуть, когда замечает цепь с висячим замком. Оба выглядят новенькими. Как будто их повесили минут десять назад.

«Они заперли её, — бормочет он. — Мы не пройдем».

«Думаю, это разумный шаг, — говорит Аксель, подходя к металлической двери. — Чтобы никакие зомби, взобравшиеся по лестнице, не проникли к ним и не застали врасплох. И их теперь больше».

Он указывает вниз, и Якоб видит уже как минимум четверых мертвецов, пытающихся подняться по лестнице.

Аксель машет людям на крыше. «Эй! Алло! Посмотрите сюда!»

Ближайший солдат слышит его и тут же подбегает. Это молодой парень, крепкого телосложения, с узкими глазами за защитным стеклом визора. «Ребята, вы в порядке? Кто-нибудь ранен?»

«Нет, мы в порядке, — говорит ему Аксель. — Немного потрёпаны, не больше. Вы эвакуируете людей отсюда?»

Солдат кивает. «Ждём вертолёт».

«Отлично! Выпустите нас, пожалуйста?»

Солдат колеблется. «У вас был близкий контакт с заражёнными?»

«Нет, — отвечает Аксель, прежде чем Якоб или Фрида успевают что-то сказать. — Нас не царапали, не кусали и даже не касались. Клянёмся жизнью».

Солдат осматривает их по очереди с ног до головы. Его взгляд задерживается на перевязанной руке Якоба. «Эй, а это что?»

«Я... я, эм...»

«Это было раньше, — вырывает Аксель. — Он был пациентом здесь, как видишь. Потерял палец в аварии».

«Значит, травма не была вызвана заражённым?»

«Нет, конечно нет, — говорит Аксель. — Это же считалось бы близким контактом, верно? Я уже сказал, мы не...»

Солдат достаёт то, что Якоб сначала принимает за пистолет, и наводит на голову Акселя. Его брат отшатывается. «Ого!»

«Всё в порядке, — говорит солдат. — Это инфракрасный термометр. Мне просто нужно проверить вашу температуру. Убедиться, что у вас нет лихорадки».

«Значит, вы нам не верите?» — говорит Аксель.

«Это процедура. Подойдите чуть ближе, пожалуйста». Солдат наводит лазерный прибор на лоб Акселя. Раздаётся писк, солдат считывает показание. — «Вы в норме. Теперь вы». Он жестом приглашает Фриду подойти, и та делает шаг. С ней тоже всё в порядке. Затем очередь доходит до Якоба.

«У него может быть небольшая температура, — говорит Аксель. — Но это не из-за инфекции, гарантирую».

Солдат направляет лазер на лоб Якоба. Затем смотрит на дисплей. Якобу кажется, что он смотрит на него целую вечность. Когда тот поднимает глаза, выражение его лица становится чуть менее напряжённым. «И вы в порядке. Лихорадки нет».

Фрида с облегчением вздыхает.

«Отлично, мы можем пройти теперь?» — спрашивает Ак-

сель.

«Минуточку, — говорит солдат. Он достаёт рацию и отходит чуть в сторону. — «Сержант? У меня трое у восточного запасного выхода... Да, все трое... Утверждают, что здоровы... Нет, лихорадки нет... Но у одного травмирована рука... Говорит, это старая травма... Нет, на нём обычная одежда... Одну секунду, сэр». Солдат смотрит на Якоба. — «Номер социального страхования, пожалуйста?»»

Якоб бросает взгляд на Акселя, затем называет номер.

Солдат повторяет его тому, кто на другом конце. «Хорошо, я жду...»

Фрида наклоняется к Якобу и шепчет: «Всё в порядке, они просто проверяют больничные записи, чтобы убедиться, что ты действительно был здесь до инцидента».

«Да, сэр, — говорит солдат, слушая и глядя на Якоба. — Имя, пожалуйста?»

«Якоб Ларсен».

«И какая у вас была авария?»

«Я... я попал в автокатастрофу».

Солдат заметно расслабляется. «Всё сходится, сэр. Да, я так и сделаю».

Якоб чувствует, как в нём поднимается надежда. Мы правда выберемся отсюда живыми...

Солдат заканчивает разговор и убирает рацию.

«Видите, я же говорил, — улыбается ему Аксель. — Мы не вдали».

«Нет, я вам верю, — говорит солдат, но не отпирает дверь. Аксель хмурится. «Тогда чего же вы ждёте?»»

«Мне нужно подождать десять минут, затем снова проверить вашу температуру».

«Боже, — перебивает Аксель. — Вы сказали, что верите нам, чувак. В чём тогда проблема?»

«Лихорадка могла ещё не проявиться, и мы должны...»

«У нас нет десяти минут, — вырывается у Фриды. — Сюда идут мертвецы!»

Солдат крепче сжимает оружие. Он подходит ближе и пытается заглянуть вниз.

Якобу не хочется, но он тоже смотрит. Вид стал ещё ужаснее. Он насчитывает десять, а может, и двадцать мертвецов, взбирающихся по лестнице.

«Если вы не откроете, мы погибли, — говорит Аксель. — Всё просто».

Солдат закусывает губу, явно не зная, как поступить.

«Посмотри на меня, чувак, — говорит Аксель, хватаясь за металлические прутья. — Мы не заражены. Мы никогда не стали бы подвергать опасности других ради спасения собственной кожи. Даю слово».

Якоб не может не почувствовать удар под дых от слов брата. Они напоминают ему, что всё это — каждый погибший сегодня и кто погибнет позже — лежит на его совести. Он в который раз жалеет, что просто не послушал тогда Вигго.

«Ладно, — говорит солдат, поворачивая комбинацию на

замке. — Я верю вам, ребята».

«Спасибо», — выдыхает Фрида, когда солдат снимает цепь и открывает дверь.

«Мы тебе обязаны, — говорит Аксель, проходя внутрь. — Когда всё закончится, я угощу тебя пивом, договорились?»

Солдат ухмыляется. «Давайте сначала доживём до конца дня, а?»

«Что это? — спрашивает Фрида, оглядываясь. — Этот шум?»

Якоб осознаёт, что низкий гул становится всё громче.

«Это вертолёт, — говорит солдат, махая им. — Давайте, быстрее».

«Рольф? Сынок? Ты не спишь?»

Андерс легонько хлопает сына по щеке. Тот сполз в инвалидном кресле, его забинтованная голова лежит на плече.

Мальчик кряхтит и смотрит на него затуманенными глазами. «О, привет, пап...»

«Привет. Я же говорил, не засыпай сейчас».

«Извини, — зевает Рольф. — Просто... очень устал...»

«Ничего. Мне нужно, чтобы ты потерпел ещё немного. Потом поспишь».

«Хорошо, пап».

Андерс продрог до костей. Он не понимает, что они так долго возятся. Разве вертолёт не должен быть самым быстрым способом эвакуации? И тем не менее, они стоят здесь вместе с остальными несчастными уже который час, как ему кажется. Андерс даже не взял куртку или что-то подобное, а температура воздуха здесь явно ниже нуля.

Всё произошло так быстро. Рольф только что вышел из операционной, и Андерс спустился в столовую, чтобы принести ему сока, когда завывала сирена. В считанные секунды весь этаж заполнился бегущими людьми. Андерс бросился к лифту, но он был заблокирован. Вместо этого он побежал к лестнице, отчаянно стремясь вернуться к сыну.

В лестничном пролёте его чуть не укусили. Откуда ни

возьмись набросился молодой санитар. Андерсу удалось увернуться в последнюю секунду, и тот кубарем скатился вниз по ступеням.

Когда он добрался до палаты Рольфа, то к своему полному ужасу увидел медсестру, склонившуюся над кроватью, и своего сына — всё ещё ослабленного после наркоза — пытающегося отбиться от неё.

Андерс полностью потерял контроль. Он схватил женщину и швырнул её головой в стену. Она попыталась подняться, но Андерс стал бить её ногой, снова и снова. Когда она рухнула, он начал молотить каблуком по её голове. Он услышал, как её череп поддался под его ботинком — его новыми, дорогими кожаными ботинками, купленными, потому что он только что получил новую работу. Теперь они были перепачканы кровью и мозгами.

Лишь когда Рольф закричал, чтобы он остановился, Андерс наконец очнулся и осознал, что медсестра давно мертва. По-настоящему мертва.

Он пошёл баррикадировать дверь, затем проверил сына. Тот был в порядке, просто сильно напуган. Медсестра не успела его укусить. И видимых царапин не было.

Кроме одной.

На лбу. Прямо у линии роста волос. Она была крошечной. Тонкой. Едва кровоточила. Должно быть, один из её ногтей лишь слегка задел кожу.

Но и этого хватило.

В течение двадцати минут кожа на лбу Рольфа начала зеленеть. Сначала Андерс не хотел в это верить. Он попытался очистить рану, используя то, что нашёл в шкафчике. Рольф хныкал от боли. Он всё ещё находился то в сознании, то без. Действие наркоза должно было пройти через несколько часов, как сказал им хирург.

Пробыв взаперти два часа в палате, слушая, как голос из динамиков повторяет одно и то же сообщение, Андерс начал понимать, насколько серьёзна ситуация. И что ему нужно обеспечить сыну необходимую помощь. Но для этого нужно было выбираться отсюда. Потому что больница погружалась в хаос, все были в панике. Власти были больше заинтересованы в сдерживании болезни, чем в реальной помощи больным.

Итак, Андерс сделал свой выбор. Они убираются отсюда. Он поднял сына — у которого начиналась лихорадка — в инвалидное кресло и велел ему сидеть смирно. Затем нашёл рулон марли и аккуратно обмотал ему голову, скрыв царапину и изменивший цвет участок кожи. Наконец, он нашёл в холодильнике охлаждающий пакет и подсунул его под повязку.

Рольф поблагодарил его и улыбнулся. Было приятно немного сбить температуру.

Затем Андерс внимательно прислушался у двери, пока не убедился, что поблизости нет мертвецов. Когда он приоткрыл её, чтобы выглянуть, он увидел свободный путь к про-

тивопожарной двери, и воспользовался им, выкатив Рольфа в кресле.

Они были на предпоследнем этаже, так что нужно было подняться ещё на два уровня. Андерс взвалил сына на плечо, а кресло можно было сложить и нести с собой. Было нелегко, но они справились.

Солдат опросил их, и Андерс солгал, сказав, что никто из них не заражён. Их спросили, с чем Рольф поступил, и Андерс честно ответил, что для удаления родинки. Он не сказал, где именно, и солдат просто предположил, что на голове. Когда тот достал лазерный термометр, Андерс поблагодарил небеса за охлаждающий пакет под повязкой, потому что солдат обнаружил, что температура мальчика нормальная.

Итак, их пропустили.

И теперь Рольф с каждой минутой становится слабее и бледнее, а этот чёртов вертолёт всё не появляется.

Как будто его мысли материализовали его, он слышит в ночи шум лопастей.

Он слышит, как остальные выжившие облегчённо вздыхают, некоторые даже кричат от радости при мысли о спасении.

«Слава богу, — шепчет Андерс, приседая рядом с Рольфом, чтобы сказать мальчику на ухо: — Мы улетаем сейчас, Рольф. Ты ещё со мной?»

«Угу, — бормочет мальчик, но, кажется, не может открыть глаза.

Всё в порядке. Мы справимся. Как только мы будем в воз-

духе, они будут вынуждены отвезти нас к врачу. Ещё пять минут, и мы отсюда.

«Так, люди! — кричит один из солдат. — Постройтесь, пожалуйста, начиная отсюда, где я стою. Всем нужно будет пройти последнюю проверку температуры перед посадкой в вертолёт, так что, пожалуйста, сотрудничайте, и вы окажетесь в безопасности быстрее, чем думаете».

Андерс напрягается. Он незаметно трогает шею Рольфа. Тот горит. Лихорадка сильная. Но его лоб всё ещё относительно прохладный благодаря охлаждающему пакету.

Хватит ли этого, чтобы ещё раз обмануть термометр?

Он тихо закрывает дверь, выходя из дома. Затем достаёт телефон и набирает номер ещё раз.

Увидев снова свой дом, все свои вещи, знакомые запахи, он едва не разрыдался от облегчения. Он не ожидал, что снова всё это увидит.

И теперь ему снова придётся его покинуть. Потому что полиция продолжает отвечать автоответчиком, сообщая, что сейчас не может принять звонок.

Кристоффер очень надеялся, что ему не придётся возвращаться к дому Хельды и Хальгрима. Но он не может быть уверен, что садовый стул продержится вечно. Если зомби удастся вытолкнуть террасную дверь, Кристоффер должен быть там, чтобы остановить его. В конце концов, он, скорее всего, единственный, кто знает об угрозе. И чтобы уничтожить всю деревню Бодум, достаточно одного зомби на свободе. Это значит...

«Вы позвонили в полицию Торики, — доносится тот же голос. — Мы не можем сейчас ответить...»

«Чёрт, — шипит Кристоффер, сбрасывая звонок. Он не хотел набирать 112. Не хотел разговаривать с кем-то из Осло или другого большого города. Он боится, что они не поймут опасность и просто пришлют сюда кого-то, кто тоже ничего не понимает. Он чувствовал бы себя увереннее, зная, что

разбираться с этим приедут местные.

Хотя, с другой стороны, полицейский, которого Кристофферу пришлось убить, был местным, и от него было мало толку.

«Ладно», — бормочет Кристоффер, пересекая тёмную пустынную улицу и быстрым шагом направляясь к дому номер 11. Он набирает те самые три знаменитые цифры.

Как только он подносит телефон к уху, тишину ночи пререзает крик.

«Скорая помощь, полиция, пожарная — ваша чрезвычайная ситуация?» — спрашивает женщина.

Кристоффер замирает на месте. Он прислушивается. Больше нет крика. Но он донёсся от дома Хельды и Хальгрима. Он в этом уверен.

Чёрт, он выбрался!

«Скорая помощь, полиция, пожарная — ваша чрезвычайная ситуация?» — женщина спрашивает снова.

«Эм, — говорит Кристоффер, начиная бежать. — Моя чрезвычайная ситуация... здесь зомби... в Бодуме... как минимум один... он очень опасен и очень заразен... вам нужно прислать кого-то, кто сможет с этим разобраться... сейчас, пожалуйста! Кажется, он только что кого-то ранил...»

Женщина что-то спрашивает, но Кристоффер сбрасывает звонок, засовывает телефон в карман и замедляет шаг, приближаясь к дому. Он достаёт клюшку для гольфа из-за пояса. Это было единственное подходящее средство самообо-

роны, которое он нашёл у себя дома, и он подозревает, что против зомби она сработает неплохо. Она длинная, тяжёлая и её удобно размахивать.

Крепко сжимая рукоять, он обходит дом с задней стороны.

Его взгляд устремляется к террасной двери. И, к его удивлению, она оказывается закрытой, стул всё ещё на месте, зомби по-прежнему напирает изнутри.

Кристоффер выпускает долгий дрожащий выдох. «Блин, это была ложная тревога... но тогда кто кричал?»

В слабо освещённом саду Кристоффер может разглядеть траву благодаря инею, сверкающему на травинках. И он видит следы — нет, две пары следов — ведущие от террасы к холму. Они не очень большие, скорее всего, детские. Кристоффер подходит к краю террасы. Он не хочет ступать на траву, если можно этого избежать. Что-то в той яме на холме заставляет его содрогаться, и он не хотел бы подходить к ней слишком близко.

Отсюда он видит, что следы ведут обратно от холма к жилой изгороди. Похоже, что кто-то пролез сквозь неё, потому что некоторые ветки сломаны.

Они направились прямо к дому соседей, — думает Кристоффер. — Очень надеюсь, что они не...

Ещё один крик. На этот раз женский. И он доносится из дома соседей.

Затем к нему присоединяется мужской.

«О, нет, — выдыхает Кристоффер. — Нет, нет, нет...»

Он уже собирается бежать к соседнему дому, надеясь, что ещё может предотвратить разрастание катастрофы, когда звук у террасной двери заставляет его остановиться.

Стул наконец поддаётся, дверь распахивается, и зомби, пошатываясь, вываливается наружу.

Фрида смотрит, как вертолёт медленно касается посадочных опор крыши. Ветер от винтов развеивает её волосы, а звук оглушительен.

Кто-то сжимает её руку.

Фрида смотрит на Акселя.

«Ты в порядке?» — громко спрашивает он.

Она кивает. «Просто умираю от желания выбраться отсюда».

«Да, я тоже. Кстати, о смерти...» — Он указывает на решётчатую дверь. — «Они серьёзно накапливаются, а?»

Фрида содрогается при виде этого. Через прутья протянулись несколько дюжин рук. Орда зомби взобралась по лестнице, и она может только гадать, сколько ещё ждут внизу, нетерпеливо напирая и толкаясь.

«Хорошо, что мы вовремя поднялись сюда», — говорит она Акселю.

«Ага, не думаю, что кто-то ещё скоро покинет эту крышу. Эй, смотри, мы движемся...»

Фрида понимает, что очередь сокращается. Люди садятся в вертолёт. Она делает шаг вперёд, следуя за мужчиной перед ней, который везёт инвалидное кресло. В кресле сидит мальчик, лет девяти-десяти, с грубо намотанной повязкой вокруг головы. Кажется, он спит.

Солдат с термометром жестом останавливает мужчину, но на мгновение кажется, что тот пытается протолкнуться вперёд.

«Одну секунду, сэр!»

«Это действительно необходимо? — кричит мужчина. — Разве нам не стоит просто убираться отсюда?»

«Нужен последний контроль, и тогда можете идти!»

Мужчина раздражённо качает головой. Но он наклоняется и позволяет солдату проверить себя лазером. Затем солдат приседает и наводит лазер на мальчика. Фрида замечает, что повязка спущена почти до самых бровей ребёнка.

«Минуточку, — говорит она, делая шаг вперёд. — Вы не можете измерить ему температуру так. Через повязку показания будут неверными».

«Какое тебе дело? — рычит на неё мужчина. Фриду шокирует злоба на его лице. Он даже оскаливает зубы. — Не лезь не в своё дело, ясно? Не видишь, что мой сын только что перенёс операцию?»

«Да, и... простите, — заикается Фрида. — Но... я медсестра, и я...»

Женщина в вертолёте вскрикивает. Фрида смотрит туда и видит, что та указывает на что-то позади них.

«О, чёрт!» — восклицает Аксель.

Фрида поворачивает голову, и у неё холодеет внутри.

Решётчатая дверь не выдержала чудовищного давления напирających мертвецов. Теперь они потоком вываливаются

наружу, все направляются сюда.

«Вы оба чисты, — кричит солдат. — Проходите, пожалуйста!»

Мужчине больше не нужно приглашения. Он устремляется с коляской к вертолёту, и другие солдаты начинают помогать ему и мальчику подняться на борт.

Солдат проверяет температуру Фриды, Акселя и Якоба. Всех пропускают, и солдат бежит с ними к вертолёту.

«Быстро! На борт!»

Вертолёт уже полон. Люди сидят друг на друге.

«Дамы вперёд, — кричит Аксель, почти втаскивая Фриду на борт. — Быстрее!»

Она втискивается рядом с мальчиком, который уже не в кресле, а спит на коленях у отца.

Аксель помогает Якобу подняться, а затем забирается сам.

Солдаты уже собираются закрыть дверь. Фрида бросает последний взгляд на мертвецов, пересекающих крышу. Их много. Старые, молодые, мужчины, женщины, врачи, медсёстры, гражданские. Все с зелёными лицами и чёрными глазами.

Затем она чувствует, как чья-то рука сильно хватает её за запястье, и поворачивает голову, чтобы увидеть мальчика, который шипит на неё. Повязка теперь сползла совсем низко, закрывая один глаз. Второй едва виден. И он совершенно чёрный.

Фрида кричит, когда мальчик бросается к её горлу.

Всё происходит так быстро.

Аксель не успевает ничего понять, пока не поздно. Он занят тем, что с ужасом смотрит на орду зомби, шатающихся по крыше.

Затем внезапно Фрида вскрикивает. Она натывается на него, явно пытаясь от чего-то увернуться. Когда Аксель оборачивается, её крик переходит в вопль боли, и к своему ужасу Аксель видит мальчика — того, с повязкой — вцепившегося в нежную кожу шеи Фриды. Ту самую нежную кожу, которую Аксель нежно целовал всего несколько часов назад, теперь разрывает на куски, когда мальчик откидывает голову назад, жадно проглатывая вырванный лоскут.

Крик Фриды становится булькающим, когда кровь заполняет её трахею, и она судорожно хватается за Акселя. Хотя Аксель сразу понимает, что уже поздно, что она умрёт через секунды, он хватается её и сильно дёргает назад.

«Убирайтесь! Убирайтесь!» — кто-то ревёт, и Аксель понимает, что это он сам.

Он вытаскивает Фриду — которая захлёбывается, хрипит и хватается за окровавленную шею — и Якоба из вертолёта как раз в тот момент, когда мальчик вместо этого набрасывается на своего отца, откусывая тому нос.

Они падают на крышу, Фрида обмякает, падая на бок. Ак-

сель пытается поднять её, но она безвольно повисает.

«Нет, нет», — рыдает он, приседая рядом с ней, осторожно поворачивая её, чтобы встретиться с её взглядом. — «Нет, пожалуйста...»

Но никакие «пожалуйста» не смогут отменить только что случившееся.

Фрида смотрит на него снизу вверх, в её глазах страх и шок, и она пытается что-то сказать.

«Всё в порядке, — говорит ей Аксель, сам не зная, что говорит. — Прости».

Затем он поднимается и, обернувшись, видит, как Якоб смотрит то на Фриду, то на вертолёт, то на приближающихся зомби. «Мы погибли...» — говорит он. Его голос заглушает рёв вертолёта, но Аксель читает по губам.

Затем, бросив последний взгляд внутрь вертолёта, Аксель видит их спасение. Он врывается внутрь и срывает рюкзак со стены. Затем хватает Якоба и бежит вокруг вертолёта как раз в тот момент, когда ближайšie зомби добираются до них и пытаются схватить. Аксель чувствует, как их пальцы скользят по его руке.

Затем они оказываются с другой стороны и бегут к краю. «Так, слушай меня и слушай внимательно, — кричит Аксель, пока они ещё бегут. — Эта чёртова штука рассчитана только на одного человека, но выбора у нас нет. Мы прыгаем».

Якоб резко останавливается. Он стал ещё бледнее. «Нет,

— говорит он, широко раскрыв глаза, глядя то на Акселя, то на край крыши. — Нет, я не могу...»

«Конечно можешь, болван! — отчитывает его Аксель. — Это легко. Вся работа за гравитацией».

Он пытается тащить брата за собой, но Якоб отрывается, всё ещё качая головой. «Просто иди! Просто иди, ладно? Я остаюсь!»

Аксель останавливается и смотрит на него с недоверием. «О чём ты вообще говоришь? Ни за что ты не останешься!»

«Скажи папе... что я сожалею о фургоне».

«Скажешь ему сам, — говорит Аксель, таща его за собой. — Потому что ты идёшь со мной».

«Нет! — Якоб вырывается. — Он не выдержит нас обоих, Акс. Ты сам так сказал».

«Выдержит. Мы оба легче среднего веса. Просто нужно будет...»

«Нет! — Якоб твёрдо качает головой, и слёзы уже наворачиваются ему на глаза. — Я уже всё испортил. Я не стану причиной и твоей смерти».

«Эй! — резко обрывает его Аксель, крепко хватая Якоба за плечо. Он подносит лицо так близко к лицу брата, что их носы почти касаются. В его глазах пляшут искры, как это бывало в детстве, когда Якобу предстояла взбучка. — Прекрати эту хрень. Мы либо уходим вместе, либо остаёмся вместе».

Якоб снова качает головой, на этот раз с обречённостью. Он теперь плачет в полный голос. «Это всё из-за меня, Акс.

Все эти люди погибают... Фрида... она мертва... из-за меня».

Аксель не может не бросить взгляд на вертолёт. Они сыграли несколько минут. Люди пытаются выбраться из вертолёта, а зомби заняты нападением на всех в пределах досягаемости.

«Да, ты облажался, — соглашается Аксель, глядя на Якоба, пока надевает рюкзак и застёгивает ремни. — Хочешь попытаться это исправить? Так вот, это делается не тем, что бросаешь полотенце. Это делается тем, что выживаешь, чтобы сражаться в другой день».

Без дальнейших споров он взваливает Якоба на край, располагая его спиной к головокружительной пустоте. Якоб начинает тяжело дышать.

Трое зомби покинули основную группу и теперь шатаются вокруг вертолёта, направляясь к Акселю и Якобу.

«Теперь держись изо всех сил, — говорит Аксель Якобу на ухо, его голос всё ещё решительный, но теперь очень напряжённый. — Меньше чем через двадцать секунд мы будем на земле, живы и здоровы».

Якоб пытается что-то сказать, но всё, что у него получается, — это всхлип. Он обвивает руками талию Акселя и крепко обнимает. Позади них Аксель слышит стоны толпы зомби. Аксель в последний раз оглядывается, просто чтобы проверить, сколько времени у них осталось.

Он будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

«Готов?» — кричит он.

«Прости!» — кричит в ответ Якоб.

И — как раз когда Аксель собирается сказать ему, чтобы тот заткнулся — его младший брат отпускает его и толкает себя в свободное падение.

«Нееет!» — Аксель слышит свой собственный крик, когда видит, как Якоб кружится в воздухе, их взгляды встречаются в последний раз, прежде чем Якоб переворачивается.

Аксель не хочет смотреть, но не может оторваться. Он просто стоит там, следя за падением брата. Всю дорогу вниз. Пока тот не ударяется о землю.

Голова Акселя внезапно становится совершенно пустой. Все мысли исчезают. И звуки тоже. В ушах звенит. Он почти не здесь.

Затем, как только цепкие пальцы касаются его спины, Аксель прыгает.

Книга 2

1

Хоть он и проделывал это уже несколько раз, к этому обжигающему чувству свободного падения привыкнуть невозможно.

Такое ощущение, будто все внутренности поднимаются к горлу, а по конечностям пробегает короткая электрическая судорога — наверное, так мозг пытается подготовить тело к удару.

Но Аксель не планирует врезаться в землю. При таком низком прыжке парашют нужно раскрывать почти сразу, что он и делает.

Раздается обнадеживающий хлопок ткани, затем резкий рывок — купол ловит воздух, и ноги Акселя болтаются внизу.

Сразу же он понимает, что несколько вещей пошли не так. Во-первых, он слишком близко к корпусу больницы. Настолько близко, что есть реальный риск, что парашют затянется к стене и он сложится. Во-вторых, он падает слишком быстро. Мостовая стремительно несется ему навстречу. Внизу припарковано множество машин — в основном полицей-

ские, армейские и машины скорой помощи. Высока вероятность приземлиться прямо на одну из них, а это гарантированно означает сломанные ноги.

Аксель впадает в панику, дергает за правую стропу. Ему удастся немного уйти в сторону, чтобы не задеть здание. Этот маневр также слегка замедляет падение, и он нацеливается на свободный от машин участок улицы.

«Это будет больно» — последняя мысль, когда он подтягивает ноги и изо всех сил тянет обе стропы.

Приземление нельзя назвать мягким. Но он остается жив. Он гасит удар как может, падает и перекатывается. Сильно бьется плечом о бордюр, а затем его накрывает парашют. Сделав еще несколько перекатов, Аксель оказывается на спине, запутавшись в белой ткани.

Секунду он просто лежит, тяжело дыша и мысленно сканируя тело. Колени, плечо и бедра адски болят, но, кажется, ничего не сломано.

Черт, я сделал это. Не могу поверить, что сделал это. Затем ближе доносятся крики, искаженные голоса. Он чувствует, как кто-то тянет парашют, пытаясь высвободить его. Аксель пытается помочь, но уже не понимает, где верх, а где низ. Наконец, ткань отдергивают в сторону, и он моргает, осматривая улицу.

Картина напоминает кадры из фильма-катастрофы. Повсюду машины экстренных служб, вооруженные солдаты, ограждения, мигалки, парамедики в полном защитном сна-

ряжении. И, конечно, толпа зевак. Те, кто ближе, смотрят на Акселя с шоком и облегчением на лицах. Несколько человек даже хлопают и одобрительно кричат.

Акселю дико хочется встать и поклониться. Однако, прежде чем он успевает это сделать, перед ним возникает солдат в противогазе, заслоняя обзор, и что-то кричит. В ушах у Акселя звон, и он пытается сказать солдату, что с ним все в порядке, не стоит волноваться.

Но он скоро понимает, что солдата не слишком заботит, ранен Аксель или нет. Покричав на него еще немного, тот просто подходит, хватая его за руку и грубо ставит на ноги. Затем отходит, наводя оружие на грудь Акселя. Другой солдат — которого Аксель до этого не заметил — подходит сзади и несколькими быстрыми движениями отстегивает парашют и отбрасывает его в сторону.

«Повернись налево!» — рявкает первый солдат, жестом указывая стволом. «Налево! Немедленно! Шагай!»

Видя наведенное на себя оружие, Аксель автоматически поднимает руки. «Послушайте, я не заражен, — начинает он. — Вы можете проверить...»

Эти солдаты оказались куда менее разговорчивыми, чем тот, что был на крыше. Потеряв терпение, они хватают его с двух сторон, почти отрывая от земли. Они тащат его через улицу, затем к северной стороне больницы — противоположной главному входу.

Аксель вдруг начинает сопротивляться. Он не хочет идти

сюда, хотя и не может сразу понять, почему. Солдаты почти не обращают внимания на его попытки остановиться.

«Пожалуйста, не надо, — слышит он собственный голос. — Пожалуйста, я не хочу его видеть...»

И тут до него доходит, откуда эта паника и отвращение. Солдаты ведут его прямо к тому месту, куда упал Якоб.

Он не хочет смотреть, но не может отвести глаз.

Разглядеть своего младшего брата он не может, за что благодарен, — двое парамедиков в химзащитных костюмах склонились над ним, заслоняя все собой. Кроме одной ноги.

Затем они проходят мимо, и Аксель жадно глотает воздух, не зная, то ли он сейчас заплачет, то ли его вырвет, то ли и то, и другое вместе. Перед его внутренним взором начинает прокручиваться ужасное кино. Якоб падает, летит вниз, его глаза полны ужаса.

Акселя рвет. У него в желудке пусто, так что выходит одна желчь и слюна. Солдаты не замедляют шаг и даже не пытаются ему помочь, и Аксель спотыкается, продолжая блевать.

Когда это наконец прекращается, солдаты останавливаются. Аксель, глядя сквозь слезы, видит перед собой металлический забор. Выглядит как импровизированный загон для скота. Только вместо скота там люди. По крайней мере, человек пятьдесят. Они стоят или сидят. Это смесь из гражданских, больничного персонала и пациентов. Некоторые в куртках и шапках, но большинство — в обычной одежде и явно замерзли. Им раздали одеяла и бутылки с водой.

Снаружи ограждения стоят палатки; Аксель видит, как внутри парамедики осматривают людей, прежде чем отправить их в машины скорой помощи. Никаких зомби он не видит, и это облегчение.

Всю эту сцену резко освещают прожекторы, расставленные вокруг забора. Их свет слепит, и за ними Аксель не видит ничего, кроме темноты. Наверное, так и чувствуют себя на ночных съемках.

Перед ним возникает замаскированный парамедик, светит ему в глаза фонариком, затем наводит на лоб один из тех лазерных термометров, приказывая не двигаться. Аксель пытается подчиниться, но дрожит как осиновый лист. Не уверен, от шока это, от холода или от всего сразу.

«Чист!» — кричит парамедик. «Открывать!»

Двое вооруженных охранников отодвигают воротца. Кто-то сует Акселя в руки сложенное одеяло, и его грубо вталкивают внутрь. Ворота сразу же закрываются за его спиной. Аксель оглядывает других людей в загоне. Немногие даже утруждают себя взглядом в его сторону. Все выглядят оглушенными, испуганными или подавленными. Многие разговаривают по мобильникам.

Аксель проверяет карман. Телефон на месте, и на долю секунды он собирается позвонить Якобу.

Потом осознание бьет его под дых. Он судорожно вздыхает, надеясь, что никто этого не слышал.

Дрожащими руками Аксель разворачивает одеяло, наки-

дывает его на плечи и направляется в угол, ближайший к больнице, где, кажется, никто не хочет находиться. Там несколько метров от забора до здания. В некоторых окнах темно, в других горит свет. В двух из них Аксель видит мертвецов, которые скребутся в стекло. Их не меньше десяти. Теперь он понимает, почему остальные не стоят здесь. Он чувствует себя оленем, на которого голодно уставились хищники, и не может сдержать дрожь.

По крайней мере, их удалось запереть.

«Акс?»

Знакомый голос заставляет его обернуться.

«Более четырехсот зараженных. Господи, ты можешь в это поверить?»

Элла оборачивается и видит свою тетю Грету, которая только что вошла в гостиную. В руках у нее чашка чая, она смотрит на телевизор. Там тихо работает государственный новостной канал, показывая съемку с воздуха больницы в Торики. Бегущая строка внизу гласит: «Вспышка в Торики: 421 зараженный, 98 погибших на данный момент».

«Да, это просто безумие», — соглашается Элла, пересаживаясь на диване. — Только что сказали, что это худшая катастрофа в современной истории. Даже хуже, чем атака на Утёйю в 2011-м».

Кадр сменяется — теперь показывают медработников на земле. Все они в тяжелых защитных костюмах и работают внутри оцепления, обозначенного металлическими заборами. Вооруженные солдаты стоят примерно через каждые шесть метров, спиной к больнице. Сцену ярко освещают прожекторы. Камера медленно поворачивается, показывая десятки лиц в масках.

«Я не понимаю, — продолжает Грета. — Посмотри на всех этих людей, которые просто стоят. Почему они не дома? Если бы я жила в Торики, я бы держалась от больницы как можно дальше. И вообще, почему их вообще подпуска-

ют так близко к месту событий? А вдруг это передается по воздуху?»

«Нет, не передается, — говорит Элла. — Тут только что, минуты две назад, был какой-то врач. Он сказал, что теперь точно известно — как и ВИЧ. Передается только через кровь или слюну».

«Хорошо, это они выяснили, но они до сих пор не знают, что это такое?»

«Он сказал, что это новый штамм вируса. Но в этом нет ничего необычного. Вирусы мутируют, новые появляются каждый день. Прямо как с ковидом».

Грета вздрагивает. «Если ты не возражаешь, я что-то не припоминаю, чтобы люди с ковидом добровольно выпрыгивали насмерть из окон...» — Она кивает в сторону экрана, где теперь показывают людей, падающих с крыши больницы. Похоже, большинство из них — незараженные, пытающиеся убежать от зараженных.

«Господи», — тихо произносит Элла, и у нее подкатывает тошнота.

Она снова рада, что они живут в нескольких километрах от Торика, и что ее мама еще дальше, в Тронхейме. Она звонила ей раньше, спросила, смотрит ли та новости. Также осторожно поинтересовалась, не хочет ли мама вернуться от кузины пораньше, чем планировала, и что она с радостью за ней заедет. Элла сказала, что все в порядке, она может переночевать здесь. Она знала, что маме нужно рано на работу,

и не хотела, чтобы она ехала сюда посреди ночи.

«Нам правда не стоит это смотреть», — говорит Грета, беря пульт, как раз когда Марит возвращается из ванной.

Она уже в ночной футболке. Ее взгляд сразу прилипает к экрану. «Что-нибудь про папу?»

«Нет, но я уверена, с ним все в порядке», — говорит Грета, делая натянутую улыбку и выключая телевизор. — «А вам двоим пора в кровать. Уже за полночь».

«Мама, серьезно, — говорит Марит. — Ты же сказала, я могу не ложиться, пока папа не вернется».

«Да, но это может занять время».

«Я не понимаю, — настаивает Марит, пока мама мягко направляет ее к лестнице. — Его смена закончилась в шесть, он должен был уйти оттуда до того, как все это началось. Почему он хотя бы не позвонил?»

«В новостях говорили, что первые сообщения о зараженных поступили сразу после полудня», — тихо бросает Элла.

Грета смотрит на нее, глубоко вдыхает, явно собираясь с силами. Затем смотрит на Марит. «Я уверена, твой папа в порядке, дорогая. Он, наверное, в карантине. Говорили, они не рисковали, и все, кто покидал больницу, проходили полный медосмотр. Давай, марш в кровать».

«Зачем? — спрашивает Марит, скрещивая руки. — Все равно завтра мы в школу не идем».

«Нет, — терпеливо говорит Грета. — Но тебе все равно нужно выспаться. Давай. И ты тоже, Элла».

«Мне только почистить зубы», — говорит Элла, поднимаясь с дивана.

«Хорошо. Выключишь свет перед тем, как подняться?»

«Конечно».

«Спокойной ночи».

«Споки».

Элла выходит в коридор, не включая свет. Она знает здесь каждый угол. Открывая дверь в ванную, она на секунду замирает, заметив свет из-под нее. Марит, наверное, забыла выключить.

Элла заходит внутрь и чуть не вскрикивает.

Клавс открывает холодильник, щурясь от света.

Он пытался уснуть уже несколько часов, но этот чертов кашель не дает ему покоя. Нужно что-то, чтобы его унять.

Осмотрев полки, он не находит ничего особо привлекательного. Катарина с нового года сидит на какой-то новой идиотской диете, а значит, тут только свежие фрукты и жирная рыба. Клавс терпеть не может рыбу. Но, уставившись на лимон, его осеняет блестящая идея.

«Можно сделать себе грога. Давно не пил».

Он хватается лимон, берет мед из буфета и направляется в гостиную. Катарина вымела из кухни все вкусное: печенье, шоколад, даже кукурузные хлопья исчезли. Но до его мини-бара она не добралась. Собиралась, но он наложил вето, и на этот раз она почему-то его мнение учла.

«Мой виски она не выбросит», — ворчит он, хватая бутылку и неся ее к обеденному столу.

Наливая себе солидную порцию, он подавляет новый приступ кашля, как вдруг краем глаза замечает движение.

Они никогда не задерживают шторы в гостиной, потому что их задний двор полностью закрыт, а за ним только холмы и лес. Так что у Клавса отличный вид на подмерзший газон. И в резком, холодном свете луны он видит, как сквозь живую изгородь протискивается фигура.

«Какого черта...?»

Он забывает о напитке, подходит к окну, чтобы рассмотреть поближе. Человек, проникший в их сад, — мальчишка, и за ним тут же следует еще один. Их трудно различить, но даже без четкого вида лиц Клавс их узнает. В деревне с десятков детей, но только двое выглядят совершенно одинаково. Близнецы. Эти чертовы сопляки. Стик и Свейн.

Клавса не раз подмывало дать мальчишкам подзатыльник. Как-то раз он застал их, когда они мочились в птичью поилку. А всего месяц назад видел, как они стащили рождественское украшение с газона внизу по улице. И все от скуки. Их мать, психованная тетка, почти их не воспитывает, так что неудивительно, что парни ведут себя как избалованные ублюдки.

И вот, похоже, они затеяли какую-то новую пакость.

Клавс широкими шагами идет к двери в сад. Пылесос стоит там, где его оставила Катарина. Она опрокинула цветочный горшок, и земля рассыпалась повсюду. Видимо, забыла убрать пылесос обратно в чулан. Клавс благодарен за это. Он хватает трубку, отсоединяет ее от шланга и снимает насадку, получая в руки идеальную полуметровую импровизированную битку.

«Вы вторгаетесь на частную территорию, мальчики, — рычит он, отпирая дверь. — Это дает мне право защищать свою собственность».

Он открывает дверь и выходит на террасу. Ночной воздух

ледяной, напоминая, что на нем только шлепанцы, боксеры и халат. Но ему наплевать. Он даже не уверен, что ему еще нужен грог. Гнев согревает его изнутри.

«Эй! — кричит он, направляясь к мальчишкам. — Какого черта вы делаете в моем саду?»

Он ожидал, что они развернутся и бросятся прочь при виде него. Но, к его удивлению, они продолжают идти прямо на него. Они двигаются странно, почти как лунатики, вытянув руки вперед, словно хотят обнять.

Клавс решает, что они пытаются его как-то разыграть, и не ведется. Если они не испугались его угрозы, придется довести дело до конца и преподать им урок.

«Предупреждаю, Стиг и Свейн, — громко говорит он, занося трубку. — Еще шаг, и я из вас все дерьмо выбью!»

Свейн, который идет быстрее брата, кажется, даже не слышит предупреждения. Более того, он ускоряется и издает звук, нечто среднее между хрипом и стоном. Луна светит ему в спину, и лицо мальчика в тени. Но Клавсу кажется, что его рот раскрыт.

Что, черт возьми, на них нашло? — мелькает мысль, и он на секунду замешкался.

Затем он понимает, что ему все равно. Это его шанс наконец-то вбить в головы этим ублюдкам немного здравого смысла.

Свейн издает еще один стон как раз в тот момент, когда Клавс бьет его по ноге.

Трубка попадает чуть ниже колена. Он бьет достаточно сильно, чтобы нога подогнулась, но недостаточно, чтобы сломать кость — он не хочет заходить так далеко, он просто хочет преподать урок, который они не скоро забудут.

И по всем расчетам, этого удара должно было хватить. Он звучит очень болезненно, и Свейн падает на руки и колени. Но к удивлению и разочарованию Клавса, мальчик не издает крика боли. Он даже не ругается. Он просто тут же поднимается обратно.

«Упрямый мелкий...»

Клавс наносит еще один удар, на этот раз по руке Свейна. Рука отлетает в сторону, и завтра точно будет жуткий синяк. Но, опять же, Свейну, похоже, все равно.

«Какого черта...?»

Клавс сам того не замечая, отступает. Стик догнал Свейна, и оба мальчика идут на него, шатаясь в этой странной, неуверенной манере. Они оба стонут и тянут к нему руки, пытаясь ухватить. И до Клавса наконец доходит, что с парнями что-то очень не так.

Он бросает трубку от пылесоса, разворачивается и бежит к открытой двери в сад.

Катарина внезапно появляется на пороге в ночной рубашке и смотрит на него. «Что, ради всего святого, здесь происходит, Клавс?»

«Заходи внутрь», — хрипит Клавс, шурясь, когда она включает садовые фонари, заливая террасу светом.

«О, господи! — вскрикивает Катарина, ее глаза расширяются при виде мальчиков. — Что с ними случилось?»

Клавс оборачивается и смотрит, и то, что он видит, заставляет его замереть на месте. На полсекунды ему глупо кажется, что это он нанес мальчикам эти повреждения. Но, во-первых, он бил только Свейна, и трубка точно не могла разрезать кожу или разорвать одежду в клочья.

Вторая мысль Клавса — мальчики подрались друг с другом (он точно знает, что это случается довольно часто, они известны своим буйным нравом).

Но как бы близнецы ни злились друг на друга, они сами не могли нанести себе такие повреждения. Они выглядят так, будто прошли через комбайн. Кто-то другой явно сделал это с ними, кто-то большой и сильный, вероятно, вооруженный ножом. Серьезные травмы, вероятно, также объясняют, почему мальчики совершенно не реагируют. Бедняги, наверное, в шоке.

«Мы должны им помочь», — говорит Катарина, и ее голос дрожит.

И Клавс согласен, по крайней мере, в принципе. Но что-то удерживает его. Их глаза. Они черные. Как бильярдные шары.

«Заходи внутрь», — повторяет он, отталкивая Катарину назад. «Нам нужно...»

Клавс пытается сам шагнуть в дом, но его чертов шлепанец цепляется за ступеньку, и он тяжело приземляется на

пятую точку.

Свейн уже достаточно близко, чтобы дотянуться до ног Клавса, и он не упускает возможности, кидаясь на него.

Клавс наполовину ловит мальчика, ожидая, что тот рухнет и, возможно, потеряет сознание. Вместо этого Свейн открывает рот и сильно впивается зубами в правую коленную чашечку Клавса.

Тот ревет от боли, но звук заглушает пронзительный крик Катарины.

Клавс сильно отталкивает Свейна, но мальчик впился мертвой хваткой, и его зубы вырывают из ноги Клавса большой кусок кожи и мяса.

«Черт побери! — кричит он, когда хлещет кровь. — Отстань от меня!»

Но Свейн не слушает. А Стиг теперь рядом с ним. Оба набрасываются на него, прежде чем он успевает подняться. Пока они начинают царапать и кусать его со всех сторон, Клавс отчаянно пытается перевернуться, и ему даже удастся встать на руки и колени, поползти в дом. Свейн и Стиг вцепились ему в спину, как львята, напавшие на буйвола. Все это время в ушах у Клавса звенит крик Катарины.

«Чтоб вас всех к черту», — думает Клавс, тщетно пытаясь сбросить мальчишек, пока боль пронзает все тело, а кровь хлещет на пол. — «Надо было просто выпить и лечь спать...»

Катарина внезапно замолкает, падая в обморок. Приземлившись на пол рядом с Клавсом, он в последний раз видит

лицо жены.

Затем падает и он. Последнее, что он слышит, — это звук, с которым близнецы жадно впиваются в его плоть, рвут и жуют ее.

Крупный парень, на пару лет старше Акселя, осторожно приближается к нему. Он закутан в два одеяла, одно из которых накинута на голову, как у джедая, и Аксель не сразу узнает лицо.

«Черт, это и правда ты, — говорит парень, широко улыбаясь. — Так и думал. Давно не виделись, чувак!»

«Ага, — бурчит Аксель. — Наверное».

«Не узнаешь?» — спрашивает парень, слегка откидывая одеяло с лица. — «Это я, Линус».

«О, — говорит Аксель. — Привет. Извини. Я не... да».

Акселю сейчас меньше всего хочется вступать в разговор с человеком, которого он не видел несколько лет. Они с Линусом учились в одном колледже. У них была общая пара, они пересекались пару раз на вечеринках, но в целом не общались. Аксель помнит Линуса как типажного крепыша, больше мышц, чем мозгов, и, судя по его накачанным предплечьям и спортивной кофте, мало что изменилось.

«Когда ты пришел? Я тебя до сих пор не видел».

«Я только что попал сюда», — неопределенно бурчит Аксель, не понимая, имеет ли Линус в виду этот загон или больницу вообще.

«О, тебя эвакуировали?»

«Да, нет, я... скорее сам себя эвакуировал».

Линус кивает. «Рад, что ты выбрался. Выглядишь нормально. Ты в порядке?»

«Да, все хорошо», — бормочет Аксель. Он замечает, что Линус пристально его разглядывает, и понимает, что тот спрашивал не о его душевном состоянии. — «Я не заражен, — говорит он ему. — Меня проверили».

«Ну да, только я им ни на грош не верю. Эти ебучие придурки сами не знают, с чем имеют дело. Некоторые из нас тут уже весь день торчат, чувак, а они только и твердят: "Сидите спокойно". Мы тут, блять, воспаление легких заработаем!» Последнюю часть Линус выкрикивает в сторону охранников у ворот. Те даже не шелохнулись. Линус снова смотрит на Акселя. «Говорю тебе, это нарушение наших ебанных прав человека. Держат нас тут, как скот, хотя мы не больные и все такое. Мой тесть — юрист. Я заставлю его надрать им задницы, как только выберусь отсюда».

Аксель пожимает плечами. «Наверное, они просто пытаются не дать инфекции распространиться».

Линус фыркает. «Ты серьезно? Она уже снаружи, чувак. Я видел как минимум... не знаю, троих, кто сбежал, пока меня не поймали...»

Аксель напрягается. «Ты уверен?»

«Абсолютно, чувак. Я сам там был. И сам бы свалил, если бы не эта чертова нога...» Он жестом указывает вниз, и только сейчас Аксель замечает, что правая ступня Линуса туго забинтована.

«Что случилось?» — спрашивает Аксель.

Линус пожимает плечами. «Вросший ноготь. Представляешь? Даже не так уж сильно болело, но мой врач настоял на операции, и вот я выбрал сегодня, из всех дней...»

«Нет, я про тех, кто сбежал».

Линус снова пожимает плечами. «Не знаю, чувак. Я не спрашивал имен. Там был санитар или медбрат, неважно, и девочка-подросток с матерью».

«И они были заражены?»

«Если они сами себе не наносили эти укусы, то да. У парня была здоровая рана на челюсти. У девочки не хватало уха, она ревела. А женщина... я видел, как она отбивалась от зомби, которые напали на девочку. Сама вся в крови, руки изодраны. Мы все вылезли через окно с восточной стороны и попытались смыться. Все убежали, кроме меня. Ирония в том, что я был, наверное, единственным из всей компании, кто не был заражен...»

Линус, кажется, все больше заводится, рассказывая об этом. Его не столько пугает мысль, что зараза вырвалась из больницы, сколько возмущает, что его самого задержали.

«И это только некоторые, — продолжает он, жестом указывая на улицу. — С тех пор как я здесь, я видел кучу беглецов. Двое мужиков даже перелезли через забор, пока эти нацисты не смотрели. Присоединился бы, если бы мог».

«Блин, — бормочет Аксель. — Это плохо...»

«Да, я знаю, чувак. Но если у тебя с собой нет пушки, нам

отсюда не выбраться».

«Пушки?» — переспрашивает Аксель, хмурясь. — «За-чем? Чем бы нам помогло оружие?»

Линус понижает голос и говорит, как будто это очевидно: «Мы могли бы заставить их открыть ворота».

«Ты с ума сошел? Они пристрелят нас раньше, чем отпустят».

Линус моргает. «Нет, чувак. У меня план. Я бы не открывал огонь по кучке вооруженных солдат. За кого ты меня принимаешь, за идиота?» Он понижает голос еще сильнее, хотя рядом никого нет. «Не-а, я бы взял заложника. Заставил бы их поверить, что пристрелю его, если меня не выпустят. Очевидно, парень был бы в сговоре, и мы оба чисто бы слиняли».

Аксель качает головой. «Не думаю, что это сработает. Они все равно бы тебя не отпустили».

«Что ж, тогда придумай что-нибудь сам, — огрызается Линус. — Потому что я тут уже шесть чертовых часов торчу, у меня жопа замерзает, и это лучшее, что я придумал. Но, впрочем, какая разница? У нас же нет пушки...»

«Нет, нету». Аксель отворачивается, надеясь, что Линус поймет намек и отвалит.

Линус не понимает. «Ладно, у меня есть другая идея», — начинает он.

«Послушай, — обрывает его Аксель. — Я не собираюсь делать ничего безумного, Линус. Я и так через слишком мно-

гое прошел. Я просто хочу...» Он вздыхает. «Я просто хочу, чтобы все это закончилось».

«Я понимаю, но если мы останемся здесь, мы, скорее всего, сдохнем».

Аксель хмурится. «О чем ты? Они же не будут нас убивать».

«Нет, но и спасать тоже не будут».

«Ты в курсе, что мы не в Северной Корее, — говорит ему Аксель. — Государство на самом деле хочет нас защитить».

Линус усмехается. «Чувак, ты просто ни хрена не понимаешь. Если бы ты знал...»

«Эй! Эй-эй! Сюда! Нужна помощь!»

Аксель поворачивается в сторону кричащего. Тот машет солдатам, стоя на коленях рядом с кем-то, кто лежит на спине, укрытый одеялами.

«Блин, — шипит Линус, отступая. — Кажется, еще один сейчас проснется...»

«Что?» — переспрашивает Аксель, замирая.

Линус бросает на него колкий взгляд. «Просто смотри, чувак».

Элла смотрит на своего дядю.

Он сидит на краю ванны. Он не слышал, как она вошла. Все еще в форме, он занят тем, что снимает бинт с руки. На его трицепсе татуировка старого римского императора, и когда он осторожно поворачивает руку, чтобы осмотреть ее, Элла видит рану размером с ноготь большого пальца прямо на груди императора. Края неровные, сочится сукровица.

Гуннар осторожно касается раны, вздрагивая, видимо, от боли. Потом лезет в карман, что-то ищет, и в этот момент взгляд его падает на зеркало, и он видит стоящую там Эллу. Он вздрагивает и оборачивается. «Господи Иисусе, — выдыхает он. — Ты меня до полусмерти напугала, Элла...»

«П-прости, — заикается она. — Я не знала, что ты здесь... или что ты вообще дома... Я выйду».

«Все в порядке, я уже почти закончил», — успокаивает он, доставая из кармана небольшой пластиковый пакетик. — «Извини, что так неожиданно». Он на секунду улыбается ей, вскрывает пакет зубами и достает что-то похожее на гигиеническую салфетку. — «Я только что вернулся, думал, все уже спят, так что...»

Элла чувствует, как холодный ветерок касается ее рук, и замечает, что окно открыто. На подоконнике лежит снег, и немного его накапало в ванну. На Гуннаре все еще ботинки,

снег с них тает. Она хмурится. «Ты... ты залез через окно?»

Гуннар бросает взгляд назад. «Да, как я и сказал, думал, вы все спите, так что решил, что дверь заперта. С сигнализацией бывают штуки, не хотел рисковать, что она сработает. Ничего страшного, я так часто делаю, когда поздно возвращаюсь». Он прикладывает салфетку к ране, скрипя зубами от боли. «Черт возьми, останется шрам».

«С тобой... все в порядке?» — спрашивает Элла. Ее разум пытается осмыслить то, что она видит. Интуиция, кажется, на несколько шагов впереди, потому что она подсказывает, что в этой ситуации что-то не так.

«Да, да, все хорошо, — уверяет он ее. — Это ерунда, маленькая ранка».

«Как ты ее получил?»

Дядя смотрит ей в глаза. Потом ухмыляется. «Не смотри так испуганно, Элла. Это не то, что ты думаешь. Я случайно обжегся. Сигаретой. Представляешь? Случилось прямо перед уходом. Заметил только по дороге домой, вот и перевязал».

«А, — говорит Элла. Объяснение ее несколько успокаивает. Рана действительно больше похожа на ожог, чем на укус, так что Гуннар, вероятно, говорит правду. — «Ладно. Что ж, я пойду скажу Грете и Марит, что ты вернулся. Они будут рады тебя видеть».

«Угу», — бурчит Гуннар, снова сосредоточившись на ране.

Элла колеблется. «Слушай, а почему ты не позвонил?»
«А?»

«Марит с ума сходила от волнения. Она тебе раз двадцать звонила. Почему ты не позвонил ей по дороге?»

Гуннар пожимает плечами. «Не думал, что вы еще не спите. Честно говоря, я в свой телефон даже не заглядывал с конца смены».

«О. Понятно».

«Подай мне чистое полотенце из шкафчика, ладно?»

«Конечно». Элла подает ему полотенце. Подходя ближе, она чувствует от дяди сильный запах. Это смесь пота и чего-то еще. В ванной холодно из-за открытого окна, но она замечает капли пота на его лбу. Хотя, может, это просто тающий снег с волос.

«Спасибо», — говорит он, прикрывая рану, прежде чем Элла успевает рассмотреть ее получше. Он смотрит на нее, вздыхая. «Поверь мне, там настоящее шоу было».

Элла слегка отступает, потирая руки. «Да, мы видели в новостях. Ужас».

Гуннар качает головой. «Они до сих пор не знают, что это такое, кроме того, что оно распространяется чертовски быстро и, похоже... смертельно». Его взгляд становится отсутствующим, словно он что-то вспоминает. Элла уверена, что он видел что-то страшное своими глазами, и, наверное, лучше не расспрашивать его об этом.

«Это напомнило мне зомби», — говорит она вместо этого.

Гуннар приподнимает брови. С одной из них скатывается капля, но он, кажется, не замечает. «Зомби? Как в кино?»

«Ну да, они не показывали зараженных крупно, но... были съемки с воздуха, как они ходят внутри оцепления, и... не знаю, они напомнили мне зомби из "Ходячих мертвецов"».

Гуннар усмехается. «Понимаю, почему ты так подумала. Боюсь, все не так драматично. Просто какая-то неизвестная болезнь. Они, наверное, найдут вакцину куда быстрее, чем с ковидом».

«Надеюсь». Разговор с Гуннаром вызывает у Эллы растущее напряжение. Ей очень хочется уйти отсюда. «Ну, я пойду, скажу остальным, что ты вернулся».

«Нет, не надо». Он говорит это небрежно. «Пусть спят. Утром навестаем. Я сегодня на диване посплю».

«Хорошо. Что ж... спокойной ночи».

«Споки». Гуннар снова поглощен своей раной и, кажется, едва замечает, как она уходит.

Элла тихо закрывает дверь, затем несколько секунд просто стоит, ощущая, как пульс стучит во всем теле.

У нее странное чувство, от которого не избавиться. Неужели Гуннар действительно заражен? Неужели он действительно подвергнет их всех опасности, придя сюда? Она честно не знает. Она просто недостаточно хорошо знает своего дядю. Они с Марит много времени проводили вместе, особенно в детстве, но Гуннар редко был рядом. Его часто отправляли на разные базы по всей Европе, и он мог отсут-

ствовать неделями.

Тем не менее, она считает его порядочным человеком. Честным. Тем, кто поступит правильно. Мама Эллы такая же, так почему ее младший брат должен быть менее принципиальным? Разве солдаты обычно не так себя ведут?

Звук из дальнего конца коридора. Кто-то спускается по лестнице. Щелкает выключатель, и Элла видит, что это Марит.

«Зарядку забыла», — зевает она, заметив Эллу. — «Ты идешь?»

«Да, эм, — бормочет Элла, не зная, что сказать.

Как раз в этот момент из ванной что-то падает на пол, и Гуннар восклицает: «Черт!»

Марит замирает, переводя взгляд с двери на Эллу. «Это что...? Папа?» На ее лице расплывается широкая улыбка. «Почему ты ничего не сказала?! Мама! Папа дома!»

Оттолкнув Эллу, Марит распахивает дверь.

Кристоффер не был на поле для гольфа целую вечность.

И тем не менее, сейчас он расставляет ноги, обхватывает клюшку для драйва и готовится нанести удар всей своей жизни.

Мертвец почти спотыкается о садовое кресло, переходя через террасу. Он даже не смотрит вниз, чтобы понять, что ему мешает. Его черные как смоль глаза прикованы к Кристофферу, руки тянутся вперед, словно жаждут объятий, зубы щелкают и скрежещут, слюна стекает с нижней губы.

Кристоффер изо всех сил сдерживается, чтобы не побежать. Если он побежит, этот тип, скорее всего, погонится. Или, что хуже, отправится в другое место и устроит там беду. Значит, с ним надо разобраться.

Поэтому он стоит на месте, делая два глубоких, успокаивающих вдоха, пока зомби сокращает расстояние между ними.

Как только тот оказывается в пределах досягаемости для удара, Кристоффер фокусирует взгляд на точке чуть ниже левого уха, сосредотачиваясь на ней, как на мяче перед ударом драйвером. Он пытается расслабиться, пытается позволить клюшке сделать всю работу, и затем наносит удар.

Головка клюшки попадает почти точно в цель. И погружается наполовину в мягкое место у основания черепа.

Однако это не совсем останавливает мертвеца. Тот пошатывается в сторону, и клюшка вырывается из рук Кристоффера. Он смотрит, как тот качается, надеясь увидеть, как он рухнет. Не рушится. Но, кажется, у него что-то коротнуло в мозгах, потому что он с трудом удерживается на ногах, его движения стали еще более дергаными, голова дергается вверх-вниз, из горла вырываются странные булькающие звуки. Клюшка все еще торчит у него в голове.

Кристоффер действует быстро. Он делает шаг вперед, хватает клюшку и сильно тянет на себя.

Она высвобождается, и парень частично восстанавливает равновесие. Но Кристоффер не дает ему и секунды, чтобы сориентироваться, и наносит еще один сокрушительный удар по голове. Этот приходится в висок, и зомби падает, замирает и лежит совершенно неподвижно.

«Попался», — выдыхает Кристоффер, отступая.

Еще один крик со стороны соседей. Он бежит к живой изгороди и протискивается сквозь нее.

Войдя в сад, он видит то, что на первый взгляд можно принять за поздний ночной барбекю. За исключением того, что барбекю нет, а в меню не хот-доги и гамбургеры, а Клавс и Катарина, пожилая пара, живущая здесь. Гости — Свейн и Стиг, близнецы, которые в Бодуме считаются местными дьяволятами.

Кристофферу все быстро становится на свои места. Конечно. Те самые маленькие следы.

Свейн склонился над Клавсом, который лежит, наполовину высунувшись из открытой двери на террасу. Судя по состоянию старика, ему уже ничем не помочь. То же самое и с Катариной, которая лежит прямо внутри, и над ней колдует Стиг.

Кричал Бент, лысый толстяк с той стороны улицы. На нем тапочки, пижама и толстая парка. Он вошел со стороны палисадника и просто тупо стоит там, отчитывая близнецов, его дыхание видно в темноте.

«Господи, прекратите вы это! Какого черта вы творите?»

Свейн уже потерял интерес к Клавсу и теперь поднимается, направляясь к Бенту.

Из-за угла появляется Бо, старший и более тощий брат Бента, который живет в доме №19. Его ведет на поводке доberman, и собака начинает яростно лаять, увидев драку.

«Так я и думал, что это вы, двоечники», — кричит Бо, но его выражение лица меняется, когда он ближе видит лицо Свейна. — «Святая простота!»

«Берегись!» — кричит Кристоффер, не удержавшись.

Бент, надо отдать ему должное, пытается увернуться от Свейна. Но он так занят разглядыванием мальчика, что не замечает коллекцию горшечных растений. Он спотыкается и падает, и Свейн набрасывается на него сверху. Бент начинает отбиваться, затем кричать, пока Свейн рвет и жует его размахивающие руки.

«Фас! Фас, мальчик!» — ревет Бо, отпуская поводок.

Собака бросается на Свейна, валит его на бок, впиваясь в плечо, что выглядит чрезвычайно болезненным укусом. Трясаясь и рыча, ей удается оттащить Свейна от Бента, но ценой того, что с верхней части руки Бента, где вцепился Свейн, вырывается большой лоскут кожи. Мальчика, кажется, совершенно не беспокоит собака — более того, он, кажется, даже не замечает ее. Он просто царапает Бента, пытаясь снова подняться и укусить еще раз.

Бо подходит с другой стороны, хватая протянутую руку брата, пытаясь оттащить его в безопасное место. Это дает Стигу идеальный шанс подкрасться сзади.

Кристоффер пытается предупредить Бо еще одним криком, но его заглушают все остальные звуки. Стиг хватает Бо за голову, впивается ногтями, кусает в затылок. Бо ревет от боли и начинает бороться со Стигом, что непросто, поскольку мальчик вцепился в него сзади.

Доберман слышит крик хозяина и бросает Свейна, присоединяясь к борьбе со Стигом, впиваясь ему в ногу. Это дает Свейну шанс снова напасть на Бента, и теперь к компании присоединяется поднявшийся на ноги Клавс. Катарина, которая лежала прямо у двери на террасу, исчезла. Вероятно, отправилась на поиски свежей жертвы. Как по сигналу, в соседнем доме зажигается свет, и кто-то кричит.

Понимая, что ситуация уже вышла из-под контроля, Кристоффер внезапно ощущает приступ ясности.

Пока он был заперт в кладовке, он размышлял о том, что

сделает, если когда-нибудь выберется. Если предложат свободу, неограниченный выбор, как он подготовится к апокалипсису? Он методично составил список в уме.

Что касается припасов, он выбрал бы вещи, которые либо долго хранятся, как консервы, либо те, что можно выращивать и содержать. Картофель, куры. Небольшая ферма была бы оптимальным вариантом.

Что касается защиты, ему определенно понадобится оружие. Многие старики, живущие по соседству, владеют охотничьими ружьями, и он будет обыскивать дома, пока не найдет то, где достаточно патронов.

А если говорить об объединении сил с кем-то, то это должен быть человек, который, как он знает, хорошо справится в рушащемся мире. И выбор, по сути, только один.

Рагнар.

Шестидесятилетний отшельник, живущий в нескольких домах дальше по улице от Кристоффера. Он идеальный выживальщик. Бывший военный, без семьи — по крайней мере, насколько известно Кристофферу, — сообразительный и сильный. Он много лет работал мастером-строителем, построил собственный дом и в основном самодостаточен во всем, от еды до электричества. Рагнар — из тех людей, кто по-настоящему не доверял никому, кроме себя — особенно государству, — и годами жил так, будто апокалипсис не за горами.

Если есть кто-то, кто станет отличным союзником прямо

сейчас, так это Рагнар.

Итак, Кристоффер разворачивается и бежит.

Люди, стоявшие вокруг того, кто лежит на земле, расступаются, и Аксель наконец видит все четко.

То, что он видит, заставляет его внутренности превратиться в камень.

Молодой мужчина, лет тридцати, стоит на коленях рядом с тем, кто, должно быть, является его женой. Видна только нижняя часть ее лица, остальное закутано в одеяла. Однако ее выпирающий живот невозможно скрыть полностью.

«Блин», — шепчет где-то рядом Линус. — «Она беременная, чувак...»

Аксель сглатывает сухо. Даже отсюда видно, что рот женщины открыт. Никакого белого пара дыхания не выходит. Трудно разглядеть в искусственном освещении, но он почти уверен, что ее кожа зеленоватого оттенка.

«Извините? Эй, извините!» — Парень обращается к охранникам, его голос срывается. — «Мне нужна помощь! Моя жена... Я думаю, она умирает! Пожалуйста!»

Охранники слышат его, и на этот раз они действительно реагируют. Недолго посоветовавшись, они, кажется, готовятся войти в загон.

Парень продолжает сидеть рядом с женой, продолжает звать их.

«Отойди от нее», — говорит кто-то, и Аксель понимает,

что это он сам. Все остальные внутри периметра, кажется, смотрят в ошеломленном молчании, зная, что будет дальше.

Парень не отходит от жены. Вместо этого он делает кое-что другое. Он наклоняется и вдывает воздух ей в рот.

«Нет!» — восклицает мужчина, выходя сбоку. — «Не делай этого...»

Аксель облегчен, что кто-то наконец вмешивается. Но уже слишком поздно. И парень даже не слышит.

Он выпрямляется, чтобы набрать воздуха, и когда наклоняется снова, Аксель видит, как женщина поднимает руки и обвивает ими парня. На мгновение это выглядит как невинное объятие, и Аксель почти готов поверить, что женщина все-таки не мертва, что она просто была без сознания, и парень привел ее в чувство.

Затем тот издает приглушенный крик боли. Он пытается отстраниться, но женщина цепляется, и он поднимает ее с земли. Аксель слышит ее рычание.

Мужчина, который собирался вмешаться, передумывает и отступает. Аксель его не винит. Тем не менее, жутко видеть, как все просто стоят и смотрят, как испуганные олени, наблюдающие, как одного из их стада заживо съедают.

Будущий отец, кажется, наконец осознал ошибку и борется, чтобы скинуть с себя свою покойную жену, отталкивая ее и разжимая ее руки. Но это бесполезно. Она вцепилась ему в подбородок, и кровь стекает на мерзлую землю. Ему все же удастся высвободиться, и женщина с глухим стуком па-

дает на землю. При падении одеяла распахиваются, обнажая больничную одежду под ними. Акселю очень хочется отвести взгляд, но болезненное любопытство удерживает его глаза прикованными к женщине.

Пока парень — теперь уже рыдающий — спотыкаясь отходит, прижимая одеяло к лицу, женщина начинает подниматься на ноги. Ей это трудно, не только потому что она мертва, но и из-за огромного, выпирающего живота. Белая больничная рубашка достаточно свободна, но пуговицы растегнуты, обнажая нижнюю часть живота. Аксель видит выпирающий пупок и зеленоватую кожу вокруг него.

Затем, как только женщина устремляется в погоню за раненым мужем, сзади на нее набрасываются трое солдат. Действуя синхронно, они быстро «успокаивают» женщину. Это происходит прежде, чем она успевает даже обернуться. Что-то вроде мешка из грубой ткани натягивают ей на голову. Руки резко заламывают за спину. Ноги выбивают из-под нее, а затем связывают с запястьями толстыми пластиковыми стяжками.

В течение нескольких секунд женщина лежит на боку, извиваясь и дергаясь, но совершенно неспособная встать или двигаться.

В качестве последней меры предосторожности солдаты обматывают еще одним мешком ее руки, надежно скрывая ноги.

Затем двое из них поднимают ее и несут, как большой че-

модан, к воротам. Тем временем третий охранник оглядывает людей, держа оружие наготове. Ему даже не нужно говорить людям, чтобы они держались подальше и не пытались сделать что-то глупое — все четко читают это по его языку тела. Он идет задом, следуя за товарищами, все еще несущими женщину.

«Эй!» — кричит Линус, выходя вперед и указывая на истекающего кровью парня. — «А что с ним?»

Бедняга опустился на землю и пытается остановить кровотечение своим одеялом, прижимая его к подбородку. Его взгляд пустой, уставленный в никуда. Никто даже не пытается ему помочь. Все просто держатся поодаль.

«Эй, ебанные ублюдки!» — требует Линус. — «Заберите и его тоже! Он сдохнет через полчаса!»

«Назад!» — предупреждает солдат Линуса, целясь в него оружием. — «Не подходи ближе, или я...»

«Пошел ты!» — кричит Линус сквозь стиснутые зубы. — «Это все на вашей совести! Эта бедная женщина, этот парень, ебучий ребенок у нее в животе! Слышишь меня? Они все, блять, мертвы из-за вас, уродов!»

Солдат не отвечает. Женщину уже вынесли за ограждение, и он быстро следует за ними. Ворота тут же закрываются, замок щелкает.

Линус резко оборачивается, чтобы бросить взгляд на Акселя. «Видал, чувак? Это уже в десятый раз происходит. Им плевать. Они даже не попытаются нам помочь. Они просто

держат нас здесь, пока мы все, блять, не перегрызем друг другу глотки». Он поворачивается, чтобы посмотреть на истекающего кровью парня, и Аксель следует за его взглядом.

Тому удалось остановить кровь, по крайней мере, на сейчас. Но он бледен и весь дрожит. Он все еще тихо всхлипывает. Акселю ужасно жаль его.

Линус подходит ближе, говоря Акселю на ухо: «Все еще веришь государству? Они держат нас здесь не для того, чтобы помочь. Нам не оказывают медицинскую помощь, нас не эвакуируют. Мы заключенные, чувак. Они сами не знают, что это такое, но обосрались от страха. Поэтому они не рискуют. Они считают нас всех зараженными. Для них мы — сопутствующий ущерб».

«Ладно», — слышит себя говорящим Аксель.

Линус встает перед ним. «Ладно, что?»

«Ладно, мы выбираемся отсюда. Какая у тебя идея?»

Гуннар наклоняется, чтобы взять зажигалку, сигарета болтается в зубах, как Марит врывается в ванную и почти бросается ему в объятия.

«Хеей, — ухмыляется он, обнимая дочь. — Я думал, ты уже спишь, крошка».

«Я так рада тебя видеть, пап, — говорит Марит, обнимая его. — Почему ты не позвонил?»

«Не хотел будить», — говорит он, бросая взгляд на Эллу, и его улыбка меркнет. — «Кажется, я это уже объяснял».

Элла поднимает руки в защитном жесте. «Я ее не будила».

«Я просто спустилась за зарядкой», — сияет она ему. Она, кажется, не замечает, что он обратился к Элле. — «Мама! — кричит она снова. — Иди сюда!»

«Нет, не тревожь ее», — шипит Гуннар, прикладывая палец к губам Марит.

Та просто хихикает и отталкивает его руку. «Да ладно тебе, пап. Она волновалась не меньше меня...»

Элла слышит еще одни шаги на лестнице, и через несколько секунд к ним присоединяется Грета, ее лицо полно ожидания.

«О, Господи, Гуннар, — вздыхает она при виде мужа. — Как же я рада, что ты дома».

«Да, я тоже», — говорит он, улыбаясь ей той же усталой

улыбкой. Когда он берет зажигалку, Элла замечает, что он закатал рукав. Даже с порога она чувствует, что странный запах стал сильнее. Ни Грета, ни Марит, кажется, не замечают. — «Извините, что всех разбудил».

«Ты что, шутишь? Я, наверное, и глаз бы не сомкнула, зная, что ты еще там. Я не была уверена, что они отпустят кого-то домой, пока ситуацию не возьмут под контроль».

Гуннар потирает шею. «Да, ну, они посчитали, что ситуация достаточно стабильна, чтобы можно было сменить часть персонала».

«Это справедливо, — говорит Грета, глядя его по щеке. — Ты там весь день провел. Ты выглядишь измотанным».

«Так и есть», — говорит Гуннар, зевая. Зевота кажется Элле немного неестественной. — «Мне правда нужно поспать. Не знаю, не вызовут ли меня туда завтра».

«Конечно, — говорит Грета. — Хочешь поесть? У нас были буррито. Я могу разогреть немного свинины, если хочешь?»

«Не, аппетита нет. Спасибо, дорогая».

«Пап, я думала, ты бросил», — говорит Марит, когда он собирается прикурить сигарету.

«Бросил, — говорит он. — Это последняя, честное слово».

«Но это вредно для тебя», — настаивает Марит.

«Знаю, крошка. Просто...»

«У твоего отца был тяжелый день, — говорит Грета. —

Давай не будем к нему приставать, ладно, дорогая? Вообще, я считаю, нам пора спать, а поболтаем за завтраком. Как тебе?»

Гуннар затягивается сигаретой и благодарно смотрит на нее. «Звучит отлично. Увидимся за завтраком».

Грета целует его в щеку, затем выпроваживает Марит из ванной.

Элла чувствует себя мухой на стене, ведь она просто стояла и наблюдала за разговором. Теперь она отступает в сторону, чтобы пропустить Грету и Марит.

«Ты тоже идешь, Элла?» — спрашивает Марит.

«Конечно», — говорит Элла, но что-то заставляет ее бросить последний взгляд на Гуннара. Он снова сидит на краю ванны. Он выдыхает клуб дыма, выпуская его через нос. Когда дым поднимается перед его лицом, он смотрит на Эллу, и она не может не почувствовать легкий электрический разряд, пробежавший по ней.

«Спокойной ночи, Элла», — говорит он.

«Споки», — бормочет она и спешит за Марит и Гретой.

Дом Рагнара находится на окраине деревни. У него самый большой участок в Бодуме. На нем расположены большой курятник, колодец, ветряк, несколько теплиц и просторный загон с тремя коровами.

Кристоффер не останавливается, чтобы полюбоваться всем этим, а направляется прямо к входной двери. Он стучит три раза, затем отступает и ждет. Надеюсь, тот не спит слишком крепко.

Пока он стоит так, вдыхая ледяной ночной воздух, вдалеке доносятся крики, вопли, доберман все еще лает. Кристоффер видит свет в нескольких домах, слышит голоса со всех сторон. Деревня просыпается. Люди выходят из своих домов, чтобы обнаружить...

«Что ты здесь делаешь?»

Кристоффер вздрагивает и оборачивается. Рагнар смотрит на него через щель в приоткрытой двери. Если старик и спал, то лицо его этого не выдает. Его серые глаза пронзительны, как всегда, когда он смотрит на Кристоффера, останавливая взгляд на его руке.

Кристоффер понимает, что все еще держит окровавленную клюшку для гольфа. Он удивлен, что Рагнар не захлопнул дверь перед его носом.

«Что происходит?» — спрашивает старик, явно уловив

очередной крик.

«Оно началось, Рагнар», — просто говорит Кристоффер, ожидая, что старик поймет.

И, что удивительно, тот, кажется, понимает. Его глаза расширяются, затем снова сужаются. «Это инфекция?»

Кристоффер на мгновение сбит с толку. Он не уверен, о чем говорит Рагнар. Он точно не ожидал, что старик будет в курсе про зомби — никто другой в поселке, очевидно, не знал. И тем не менее, он, кажется, осознает, что происходит.

«Да, это...» — начинает Кристоффер, как вдруг мимо на огромной скорости проносится машина, въезжая в деревню.

Он успевает обернуться и увидеть полицейскую машину. Сирена не включена, но мигалки горят красным и синим, на секунду ослепляя его. Он почти забыл, что сам звонил в 112. Теперь он не уверен, что это было правильным решением. Есть немалая вероятность, что полиция просто ворвется и сама окажется покусанной или поцарапанной, как и другие.

«Думаю, нам нужно валить отсюда к чертовой матери», — говорит Кристоффер, оборачиваясь и видя, что дверь закрылась. — «Эй, Рагнар?» Он снова стучит. На этот раз Рагнар не открывает.

Черт побери, думает Кристоффер. Он ожидал, что Рагнар будет осторожен, но не просто сбежит и спрячется в доме.

Затем раздается выстрел из ружья, звук разносится по всей деревне. Кристоффер оборачивается, чтобы посмотреть в ту сторону, но отсюда ничего не видно. Похоже, кто-

то взялся защищаться.

Отлично, мысленно аплодирует Кристоффер стреляющему. Перестреляй их как можно больше.

Поняв, что Рагнар больше не откроет, Кристоффер собирается развернуться и уйти, как вдруг слышит свист с угла дома. Он видит там Рагнара. На нем теплая одежда и тяжелый рюкзак. В заперчатой руке он держит еще один и машет Кристофферу.

Кристоффер подбегает к нему, и Рагнар сует ему рюкзак в руки.

«Надеюсь, ты сам не заразился», — ворчит Рагнар, тщательно оглядывая Кристоффера. Дома Кристоффер быстро переоделся и сменил обувь, так что свежих следов крови на нем нет. Если бы он этого не сделал, Рагнар, возможно, не доверился бы ему. Кристоффер замечает огромный боевой нож на поясе Рагнара. Из-за его правого плеча торчит ствол дробовика.

«Со мной все в порядке», — говорит Кристоффер, приклоняя клюшку к стене дома, чтобы надеть рюкзак. — «Откуда ты знаешь, что происходит?»

«Ты что, шутишь? О чем еще весь день говорили?»

Кристоффер ошеломлен. «Что? Где?»

«В Торики, конечно. Я предполагал, что это рано или поздно распространится. Я уже все собрал». Рагнар хмурится. «Почему ты выглядишь таким шокированным? Хочешь сказать, ты не слышал?»

«Нет, я...» — Кристоффер качает головой. Он, мягко говоря, сбит с толку. Он был уверен, что это — что бы это ни было — началось прямо здесь, в саду у Хельды и Хальгрима. Как же иначе? Он напрямую спросил полицейского, не наступил ли конец света, и тот ясно дал понять, что нет, за исключением обычного дерьмового состояния дел, с миром все в порядке. Если зомби уже добрались до Торики, почему полицейский не упомянул об этом? И если все началось здесь, как инфекция вообще достигла Торики, не убив сначала всех в Бодуме? Неужели зомби просто ушел, оставив позади сотню легких целей? В этом не было смысла. Их явно тянуло к ближайшей жертве. И, если подумать, что вообще делали здесь эти двое полицейских? Никто, кроме Кристоффера, не знал о Хельде, так что никто не мог их вызвать.

В картине много дыр, которые Кристофферу не хватило времени обдумать и которые он не может сразу заполнить. Сейчас, однако, это не так важно. Он может попытаться сложить все кусочки пазла позже. Все, о чем ему нужно беспокоиться, — это убраться отсюда к чертям, пока не стало слишком поздно. И, судя по звукам из деревни — крикам, воплям, новым выстрелам, — самое время.

Рагнар, кажется, чувствует то же самое, потому что просто разворачивается и направляется к лесу. Он на секунду оглядывается и указывает на клюшку для гольфа. «Не забудь это».

Кристоффер хватает свое оружие и следует за Рагнаром.

«Так, чувак, слушай...» Линус прочищает горло, оглядывается, чтобы убедиться, что никто не слышит. «Я подумал еще раз, и, кажется, придумал. Мне не перелезть через этот забор, не с моей покалеченной ногой. А эти открывают ворота только, и я имею в виду только, когда кто-то превращается. Неважно, как мы будем их упрашивать, у нас нет ничего для угрозы или торга. Значит, нам нужно их обмануть». Линус сморкается в одеяло. «Блин, я промерз до костей. Ладно, вот план». Он поворачивает голову и указывает ею в сторону. «Видишь старика рядом с толстухой? Я подойду туда и брошусь на землю. Как только сделаю это, ты скажешь вслух что-то вроде: "Эй, смотрите, осторожно, этот парень превращается!" Или какую-нибудь подобную хрень. Сделай это убедительно. Тогда люди запаникуют, и охранники откроют ворота».

«И я сделаю рывок?» — спрашивает Аксель, бросая взгляд на ворота, где стоят двое вооруженных солдат.

«Не, не сработает. Они будут на чеку, пока ворота открыты. К тому же, они сразу их снова закроют. Нет, тебе придется лезть через забор. Делай это там, у противоположного конца. Все будут смотреть на меня».

«Но охранники же вынесут тебя наружу?» — спрашивает Аксель. — «Если решат, что ты мертв?»

«Нет, они просто уйдут, как поймут, что я притворяюсь. У одного парня раньше был припадок, они ворвались, чтобы связать его, а потом, увидев, что он не превращается, просто оставили его лежать, трястись и пускать пену. Через двадцать минут бедняга и правда умер, и они пришли забрать его». Линус с отвращением качает головой. «Ебучие животные».

Акселю трудно поверить в то, что рассказывает Линус. Выросший в Норвегии, он автоматически доверял государству. Почему бы и нет? Оно никогда не делало ничего, чтобы причинить ему вред или отнять его свободы. Все, что оно делало, — забирало половину заработанных им денег, но эти деньги шли на бесплатное здравоохранение и образование. То, что происходит здесь, совсем другое.

Линус прав. Они напуганы. Это как ковид, только в тысячу раз хуже.

Аксель вспоминает, как в начале пандемии все впали в панику. Люди скупали продукты, как перед ядерной войной. Они смотрели друг на друга как на потенциальную угрозу. Если ты чихнул в общественном месте и забыл прикрыть рот, какой-нибудь незнакомец отчитал бы тебя. Вирус пугал людей, а страх не способствует хорошим решениям или гуманному поведению.

«Это может быть наш единственный шанс, чувак, — говорит Линус. — Нужно использовать его на все сто».

«Да, ладно», — кивает Аксель. — «А когда я снаружи, как

я помогу тебе?»

«Это та часть плана, которую я еще не до конца продумал. Но думаю, если ты просто останешься на месте, проследишь, чтобы тебя не заметили, то, когда охранники снова уйдут, ты сможешь помочь мне перелезть. Найти лестницу или что-то, что можно использовать».

Аксель покусывает губу. Он не уверен, что план так же надежен, как хотелось бы, но лучшей идеи у него нет.

Линус пристально смотрит на него. «Уверен, что сможешь перелезть? Будет непросто».

Аксель хмыкает. «Я пролез шесть этажей через вентиляционную шахту. Думаю, с забором справлюсь».

Линус хмурится. «Ты что сделал?»

«Неважно. Поехали».

Они неспешно направляются к другому концу загона.

Линус останавливается, оглядывается на ближайших людей и коротко кивает Акселю. Затем он бросается на землю, издавая хриплый звук, который на самом деле звучит довольно убедительно. Он следит, чтобы одеяло накрывало его голову, а затем начинает биться в конвульсиях.

«Осторожно!» — кричит Аксель, указывая. — «Он превращается!»

Он намеренно говорит коротко. Надеясь, что никто не услышит фальши в его голосе, которая очевидна ему самому. Но ему не о чем было беспокоиться. Возможно, ему даже не нужно было кричать. Еще до этого люди, ближайшие к

Линусу, заметили, как он падает, и начали отходить. Теперь его замечают другие, и некоторые кричат предупреждения. Пространство вокруг Линуса очищается, все быстро отступают.

Аксель быстро идет через загон к противоположному концу. Краем глаза он видит солдат у ворот, которые готовятся действовать.

Застрелят ли они меня, если увидят, как я пытаюсь бежать?

Аксель не знает. Возможно. Но сейчас он убежден, что Линус прав: оставаться здесь еще опаснее. Они буквально сидят как утки на прицеле.

Поэтому Аксель сбрасывает одеяло, плюет на ладони, трет их друг о друга и начинает карабкаться по забору. Раздается металлический лязг, но звук заглушается одновременным открытием ворот охранниками. Забор высотой всего три с половиной — четыре метра, и Аксель достигает верха за несколько секунд. Колючей проволоки нет, но есть шипы. Они не особо острые, но явно призваны отпугнуть любого, кто попытается перелезть. Аксель делает это осторожно, не ранясь. На мгновение, сидя верхом на заборе, он решается взглянуть на то, что происходит вокруг Линуса.

Трое солдат бегут туда, неся мешки и стяжки. Двое оставшихся уже снова закрыли ворота. Линус все еще дергается под одеялом, а зрители отступили, ожидая, пока солдаты его «обезвредят».

Аксель перекидывает ногу и начинает спускаться вниз. Через несколько секунд он на земле.

На мгновение его охватывает дикое желание просто развернуться и бежать. Вокруг все еще есть солдаты, и как только он отойдет от забора, его, вероятно, заметят. Кроме того, он не может бросить Линуса.

Поэтому он движется в сторону больницы, скрываясь в темноте. Снаружи стены стоит большой кабельный шкаф, и Аксель прячется рядом с ним, становясь почти невидимым.

Затем он начинает ждать.

Внутри загона охранники, кажется, поняли, что Линус на самом деле не превращается. Они уходят, закрывая за собой ворота. Отсюда Аксель сначала не может разглядеть Линуса среди других. Затем он видит, как тот поднимается, снова закутываясь в одеяла.

Он неспешно направляется к этому концу загона. Остановившись у забора, он поворачивается и делает вид, что просто стоит.

«Ты там, Акс?» — шепчет он.

«Да», — отвечает Аксель из тени.

«Отличная работа, чувак. Пока все идет по плану».

«Что теперь?»

«Теперь нам просто нужно...»

Линус резко обрывает речь.

Аксель смотрит на него и понимает, что Линус смотрит на что-то через улицу. Это угол, который Аксель не видит

со своей позиции. Линус щурится, явно пытаясь что-то разглядеть в темноте.

«Что там?» — шепчет Аксель.

«Прекрати говорить, — шипит Линус, не шевеля губами. — Какая-то старуха разговаривает с солдатом. Она указывает сюда. Блин, кажется, она нас раскусила. Не двигайся, чувак. Ни звука».

Марит ворчит и переворачивается. Вытащив один из берушей, она смотрит вниз на Эллу. «Кому ты пишешь?»

Элла на секунду отрывается от экрана. «Никому. Я просто... читаю».

«Что? Я не могу уснуть. Свет от твоего телефона очень раздражает».

«Извини. Я почти закончила».

Элла лежит на надувном матрасе рядом с кроватью Марит.

«Ничего, — вздыхает Марит. — Не свет же на самом деле мешает мне уснуть. Я просто не могу перестать думать о том, что происходит, понимаешь?»

«Угу», — бурчит Элла.

Она ищет любую информацию об инфекции. Все новостные сайты освещают ситуацию, но фактов о том, что на самом деле происходит, очень мало. Они просто называют ее «загадочной болезнью» или «смертельным вирусом». Элла проверяет соцсети и находит много постов о ситуации.

Ей хочется знать симптомы, стадии, инкубационный период. Но, кажется, они сильно различаются в зависимости от серьезности полученной раны. Свидетели сообщают, что у некоторых людей, получивших царапину или небольшой укус, она развивается как обычная инфекция, постепенно.

Тогда как в других случаях, когда кто-то подвергся нападению другого зараженного, стадии лихорадки и комы могут быть пропущены, и человек «превращается» в течение минут. Самый долгий случай, который она нашла, описывает женщина, чей муж продержался четыре часа, прежде чем инфекция проявилась. Его поцарапали за лодыжку.

Наиболее распространенными симптомами, кажется, являются лихорадка, головная боль, общее недомогание. Затем появляются боль, спутанность сознания, обильное слюноотделение и иногда мышечные спазмы. И, наконец, отсутствие реакции, кома и...

И затем последняя стадия. «Буйная фаза», как называет ее специалист по инфекционным болезням. Его цитируют, говоря, что это очень похоже на поздние стадии бешенства, только, кажется, более тяжелое и продолжительное. Оно характеризуется «насильственными физическими и неврологическими симптомами». Однако, в отличие от бешенства, бредовое состояние и агрессивное поведение «не перемежаются короткими периодами относительного спокойствия и ясности сознания, а кажутся непрерывными».

Кроме того, на данный момент не сообщается, чтобы кто-либо перешел за пределы этой фазы. При бешенстве, как только зараженный впадает в буйство, остается лишь вопрос времени до наступления смерти — обычно от остановки дыхания. Но с этим новым, неизвестным вирусом пораженные, кажется, не умирают.

Элла читает несколько комментариев под статьей от людей, которые называют это чушью. Видимо, многие из них приходят к тому же выводу, который уже пришел в голову Элле. Что зараженные в так называемой буйной фазе на самом деле уже мертвы. Что они...

«Алло?»

Элла моргает и снова смотрит на Марит. «Прости, что?»

«Я спросила, о чем ты читаешь?»

Элла убирает телефон. «Послушай, Марит, мне нужно тебе кое-что сказать».

«Конечно, что?»

Элла кусает губу. Она все еще не уверена, правильно ли говорить об этом Марит. Но, с другой стороны, она не может отделаться от ощущения, что Гуннар лгал.

«Твой папа, — начинает она. — Он иногда... залезает через окно?»

Марит хмыкает. «Зачем ему это делать?»

«Чтобы не будить тебя и маму, когда он поздно возвращается. Что-то насчет того, что сигнализация может случайно сработать».

«Да, такое пару раз случалось, — соглашается Марит. — Но нет, не думаю, что папа когда-либо залезал через окно. По крайней мере, он мне об этом не рассказывал».

«Хм».

«А что? Он сказал, что так сделал?»

«Да».

«Ну, может, и сделал. Какая разница?»

«Просто... у него была рана на руке».

Воцаряется полная тишина. Элла слышит, как Марит задерживает дыхание. Затем: «Рана?»

«Да. Небольшая, выглядела как ожог».

Марит вздыхает. «О, ну ладно. Ты меня на секунду напугала».

«Он сказал, что это от сигареты. Но...»

«Но что?»

«Она выглядела странно. Как будто он с ней что-то делал».

«Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, Элла».

Она приподнимается на локтях и смотрит на кухню. «Как ты думаешь, твой папа мог бы солгать о том, что заражен?»

«Что? Нет! Ты с ума сошла?»

«Тсс, — шипит Элла. — Не буди маму. Я не говорю, что...»

«Он не заражен, — твердо говорит Марит. — Это просто бред. Если бы он был, он бы сказал нам. Он бы пошел за помощью. И... и его бы вообще не отпустили. То есть, они бы оставили его там и лечили».

«Да, — бормочет Элла. — Я тоже так думала. Но что, если он никому об этом не сказал?»

Марит смотрит на нее. «Ты говоришь о дезертирстве. Мой папа никогда бы не сбежал. И уж точно не стал бы нарушать протокол или подвергать других риску».

«Но, может быть, он...»

«Нет. Прости, Элла. Только потому, что у тебя никогда не было отца, не значит...» — Марит закусывает губу, явно сожалея о сказанном. — «Извини, Элла. Мне правда жаль. Это было ужасно».

«Все в порядке. Мне не следовало об этом говорить».

«Просто... Мне очень страшно, понимаешь? Из-за всего, что происходит. Это безумие».

«Да, я понимаю».

Момент тишины.

«Тебе правда не нужно беспокоиться о папе, — говорит Марит. — Я его знаю. Он бы не был здесь, если бы был болен».

«Хорошо. Рада это слышать». Элла никогда не умела хорошо врать. Она, кажется, никогда не может притвориться или скрыть то, что чувствует. И она понимает, что Марит улавливает тот факт, что Элла ни капли не успокоилась. Поэтому она говорит: «Давай немного отдохнем, а? Уверена, утром все будет выглядеть немного менее безумным».

«Надеюсь, ты права. Спокойной ночи, Элла».

«Споки, Марит».

Марит вставляет беруши обратно, поправляет подушку и со вздохом ложится.

Через пару минут Элла по ее дыханию понимает, что та спит.

Элла накрывается одеялом с головой, затем снова доста-

ет телефон. Она набирает короткое сообщение и отправляет маме: Ты не спишь?

Та, наверное, спит. У нее завтра утром смена, и Элла не хочет звонить и будить ее. Но ей нужно с кем-то обсудить это. Нужно второе мнение. А ее мама всегда была ее ближайшим советчиком.

«Куда мы идем?»

Они шли лесом около часа. Начался легкий снегопад, возшла луна, давая им достаточно света, чтобы пробираться между старыми деревьями.

Рагнар шагает, как двадцатилетний. Кристофферу почти приходится бежать трусцой, чтобы поспеть. Старик оглядывается. «Увидишь, когда придем».

В детстве Кристоффер часто играл в лесу и пару раз ходил на охоту. Тогда, когда была жива его бабушка. Но это, наверное, самое дальнее, на что он когда-либо уходил пешком от Бодума. Это напоминает ему сцену из «Властелина колец», где Сэм и Фродо впервые покидают Шир.

Неужели и меня ждет эпическое приключение?

Эта мысль чуть не заставляет его рассмеяться. Он слишком хорошо осознает, что почти не использовал ноги несколько дней. Сидя в кладовке, он в основном просиживал штаны. Он делал несколько приседаний без веса время от времени и ходил взад-вперед, когда становилось слишком беспокойно. Но он не хотел сжигать лишние калории, поэтому в основном отдыхал. И его мышцы явно потеряли силу из-за этого.

Зато его разум ликует от того, что он здесь, на природе, дышит свежим воздухом и не ограничен четырьмя стенами.

«Так что происходит в Торики?» — спрашивает он.

Рагнар снова бросает на него взгляд. «Нам действительно стоит поменьше говорить, пока мы идем. Мы не знаем, нет ли тут еще кого».

Кристоффер в этом очень сомневается. Лес по сути бесконечен. Наткнуться на другого туриста или охотника здесь — все равно что выиграть в лотерею. Но, конечно, Рагнар прав. Сегодня ночью все иначе. По округе могут рыскать заблудившиеся зомби. Или другие отчаявшиеся беглецы. Кристоффер видел достаточно фильмов про зомби-апокалипсис, чтобы знать, что незнакомцам больше нельзя автоматически доверять. На самом деле, им лучше держаться от всех подальше.

Внезапно они выходят к крутому обрыву, за которым видно шоссе, разрезающее лес. «Это что... 55-е? — спрашивает Кристоффер. — Господи, мы прошли десять километров».

«Мы почти на месте, — говорит Рагнар, начиная спускаться. — Нам просто нужно пересечь долину».

Кристоффер следует за ним. Спуск трудный, особенно с тяжелым рюкзаком. Ему приходится карабкаться задом на четвереньках, и все равно его ботинки скользят на промерзшей подстилке.

Они выходят на шоссе, и Кристоффер на секунду останавливается, наслаждаясь ровной, гладкой поверхностью под ногами. Глядя на восток, он различает огни Торики. Кажется, будто город прямо за горизонтом, но он знает, что это

иллюзия; на самом деле до него еще километров пятнадцать.

Не захвачен ли он уже зомби?

Он не знает. Теперь он жалеет, что не заглянул в интернет, когда был дома и была связь. Но это даже в голову не пришло. Здесь его мобильный телефон примерно так же полезен, как кирпич. Нет сигнала и уж точно нет интернета — он даже не пытается проверить.

«Пошли», — шепчет Рагнар, махая ему с другой стороны дороги.

Кристоффер снова трогается с места, когда бросает взгляд в другую сторону — обратно в сторону Бодума — и видит мигающие красные огни. Машина стоит на обочине. Кто-то стоит рядом с ней.

«Эй, — говорит он, указывая. — Смотри, Рагнар».

«Знаю, видел, — говорит Рагнар. — Не наше дело».

«Не думаешь, нам стоит проверить, не нужна ли им помощь? У них могли быть проблемы с машиной». Даже произнося это, он осознает, что противоречит своим же мыслям минуту назад о том, что незнакомцев стоит избегать. Просто есть что-то в том, что кто-то может быть ранен и брошен здесь, в глуши, — это слишком напоминает ему его собственное положение, когда он застрял в кладовке. Беспомощный. Оставленный на милость ничтожного шанса, что кто-то пройдет мимо.

«Уверен, с ними все в порядке, — говорит Рагнар. — Даже если нет, мы ничем не сможем помочь. Пошли».

Кристоффер кусает губу. Глядя на человека, стоящего там, Рагнар, скорее всего, прав. Если они смогли выйти из машины и ходить вокруг, значит, они, вероятно, не слишком серьезно ранены. Он уже собирается идти дальше, когда машина внезапно гудит. Делает это три раза, затем еще три раза, короче. И, наконец, еще три длинных гудка.

Кристоффер хмуро смотрит на Рагнара. «Ты же слышал?»
Выражение лица Рагнара говорит ему, что да, он слышал.
«Они морзят S-O-S, — бормочет Кристоффер, глядя обратно на машину. — Они увидели нас и просят о помощи».

Аксель видит, как Линус идет к центру загона. Тот пытается выглядеть непринужденно, но постоянно бросает взгляды на улицу.

Аксель прижимается спиной к стене, стараясь стать как можно более незаметным.

Кто-то его заметил? Когда он пересекал несколько метров от забора до здания, его было видно с улицы. Он не обратил внимания на зевак. Его больше беспокоили охранники.

Если кто-то из зрителей увидел, как он перелезает через забор, действительно ли они его сдадут?

Конечно, да. Они напуганы. Черт. Надо было просто бежать, когда был шанс.

Он все еще не видит, что происходит на улице, и не хочет рискнуть выглянуть, потому что это означало бы сделать шаг вперед и стать заметным.

Вместо этого он ищет Линуса. Тот сейчас крутится возле нескольких других людей, все еще пытаясь выглядеть неприметно. Но в то же время, кажется, подает Акселю знаки. Он поднимает брови и снова и снова наклоняет голову, словно указывая.

Он говорит мне, чтобы я двигался.

В этот момент Аксель слышит шаги, приближающиеся сюда. Тяжелые ботинки. Солдат, без сомнения.

Аксель покидает свое укрытие у кабельного шкафа, двигаясь дальше вдоль стены больницы. Других хороших укрытий нет, но есть место в нескольких метрах дальше, где ближайший прожектор отбрасывает тень от собственной опоры, и Аксель бежит к ней. Достигнув тени, он останавливается, оборачивается и видит, как появляется солдат. Тот держит оружие наготове, проверяя пространство за кабельным шкафом, где Аксель стоял десять секунд назад.

Затем он поворачивается обратно к улице и кричит: «Здесь никого нет!»

«Ну, я его видела, — требует пронзительный голос. — Молодой парень, светлые волосы. Только что. Клянусь!»

Ебучая стукачка, думает Аксель, чувствуя, как его сердце бьется еще сильнее. У него нет выбора. Ему нужно бежать.

Он разворачивается и начинает быстро удаляться от солдата. Как только он выходит из тени, он чувствует себя полностью открытым. Он ожидает, что солдат крикнет ему остановиться. Но тот этого не делает. По крайней мере, сначала.

Аксель направляется к воротам, что плохо, потому что вокруг них стоит много солдат. Туда подогнали машину скорой помощи, и она работает на холостом ходу. Звук двигателя дает ему некоторое прикрытие. Есть небольшой шанс, что он сможет продолжить путь вдоль больницы, достичь улицы и пересечь ее. Если ему удастся просто добраться до переулка, есть возможность, что он действительно сможет...

Внезапно Линус кричит: «Беги, чувак!»

Аксель оглядывается и видит, что солдат бежит за ним. Тот, очевидно, заметил Акселя, но хитро не закричал, не желая давать ему шанс начать бежать.

Теперь Аксель срывается в спринт. Он быстрее солдата, особенно учитывая, что на нем нет тяжелого снаряжения и оружия. Он приближается к воротам. Охранники еще не осознают, что Аксель бежит к ним, но преследующий его солдат уже кричит, и через несколько секунд все поймут, что происходит.

Аксель не может надеяться, что убежит от них всех. Они сваливают его, прежде чем он успеет пересечь улицу.

Поэтому Аксель делает единственное, что может: направляется к машине скорой помощи. Дверь водителя открыта. Он бросается за руль, дергает рычаг переключения передач, затем давит на педаль газа.

Он ожидает, что скорая рванет вперед.

Вместо этого она с резким рывком сдает назад, и прежде чем Аксель успевает отпустить газ, он слышит, как ворота с грохотом распахиваются, когда он врзается в них.

Несколько секунд Аксель слишком шокирован и оглушен, чтобы делать что-либо, кроме как смотреть, как скорая углубляется в загон. Шины переезжают через опрокинутые ворота, а солдаты устремляются в образовавшийся проем, крича и размахивая оружием. Однако они не открывают огонь, чего Аксель ожидал. Если бы они хотели убить его, они могли бы легко это сделать. Он, по сути, сидит как ми-

шень за рулем, тупо уставившись на них.

Затем он немного приходит в себя и снова давит на газ, продолжая сдавать назад по загону. Проверяя зеркала, он видит, как люди отскакивают, чтобы уйти с пути. Лишь один движется навстречу машине, и это Линус. Он сбросил одеяла и бежит неуклюже на своей гипсованной ноге, дико размахивая руками Акселью.

Аксель слегка поворачивает скорую, затем жмет на тормоз. Линус дергает дверь со стороны пассажира, и даже не успев забраться полностью, орет Акселью: «Гони на полную!»

Акселью не нужна инструкция; он уже возится с рычагом переключения передач. Коробка автоматическая, и Аксель никогда не водил такую. Наконец поставив ее на Drive, он снова жмет на газ, и на этот раз скорая действительно устремляется вперед. Этого почти достаточно, чтобы выбросить Линуса обратно, но тот цепляется и успевает захлопнуть дверь, пока Аксель резко поворачивает руль, едва увернувшись от пары солдат, хватающихся за ручку двери. Он слышит, как заперченная рука скользит по металлу. Затем они уезжают.

«Держись!» — кричит Аксель, направляясь на улицу.

Скорая снова прорывается через ограждение, на этот раз унося с собой прожектор. Руль резко дергается, и Аксель вцепляется в него, изо всех сил стараясь управлять большой машиной. Он пару раз водил фургон, но никогда ничего такого крупного, как скорая. Они грохочут по металлической

решетке забора, затем выезжают на улицу, и Аксель ускоряется по мере приближения ко второму барьеру. Этот ниже, но прочнее. Он сделан из деревянных щитов на металлических опорах. Аксель целится в узкое пространство между двумя из них, и скорая сносит обе в сторону.

Он краем глаза замечает, что зеваки все еще стоят на обочинах тротуарах, и не может не подумать: Надеюсь, вам нравится шоу, ублюдки!

Линус кричит что-то, похожее на бессловесный крик победы. Аксель проверяет зеркала, пока они несутся по пустой улице, набирая скорость. Он различает силуэты нескольких солдат. Двое полицейских в защитных костюмах, которые, очевидно, охраняли блокпост, пытаются сесть в свою машину. Но она припаркована в другую сторону, и им потребуются секунды двадцать, чтобы развернуться и начать преследование.

Аксель принимает мгновенное решение и резко поворачивает на перекрестке. Вещи летают в задней части, ударяясь о стены. Он едет слишком быстро для движения в центре города, но в этот час машин нет — он подозревает, что все, кто не хотел стоять здесь и мерзнуть, смотрят шоу по телевизору.

«Мы сделали это!» — ревет Линус, цепляясь за что-то, когда скорая виляет. — «Мы, блять, сделали это, чувак! Ты гений!»

«Они попытаются нас поймать, — говорит Аксель, при-

бавляя газу. — Мы не можем ездить на скорой помощи».

«Верно, — говорит Линус, указывая. — Впереди слева подземная парковка. Заезжай туда».

Аксель знает это место и делает еще один резкий поворот к съезду. Они въезжают на парковку, и Аксель проезжает на другой конец. Там есть еще один съезд, ведущий на следующую улицу. Он жмет на тормоза и собирается открыть дверь.

«Подожди, куда ты?» — спрашивает Линус.

Только сейчас Аксель замечает, что Линус что-то возится на приборной панели.

«Уходим, — говорит Аксель. — Пошли».

«Я никуда не пойду пешком, — говорит ему Линус, отрывая серую коробку. Дисплей гаснет, когда провода вырываются. — Это GPS. Без него они не смогут нас отследить».

«Уверен?» — спрашивает Аксель.

Линус ухмыляется ему. «Эй, чувак, я механик. Думаю, я узнаю GPS, когда вижу». Он открывает свою дверь, выбрасывает коробку, затем пристегивается. Бросая на Акселя нетерпеливый взгляд, он кричит: «Давай, чувак! Жми!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.